

ДВА РОМАНА
В ОДНОЙ
КНИГЕ

+
приемный
покой

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

НЕВЕРОЯТНЫЕ
БУДНИ
ДОКТОРА ДАНИЛОВА

ОТ ИНТЕРНА

ДО АКУШЕРА

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Невероятные будни доктора
Данилова: от интерна
до акушера (сборник)**

«Автор»

2011

Шляхов А. Л.

Невероятные будни доктора Данилова: от интерна до акушера
(сборник) / А. Л. Шляхов — «Автор», 2011 — (Доктор Данилов)

Владимир Данилов семь лет работает врачом «Скорой помощи». Он циник и негодяй, он груб с пациентами и любит черный юмор. Отличный врач. Поверьте, если вы не знаете, что такое будни обычной подстанции, вы ничего не знаете об этой жизни. Ложные вызовы, сумасшедшие пациенты, неожиданные роды, автомобильные аварии, бытовуха, случайные трупы, бесчисленное количество спасенных жизней... Это действительно страшно и это действительно весело. Это жизнь. Роман написал реальный врач «Скорой помощи», вот только на той подстанции он больше не работает. «А-А-А-А... Рожаааааю...!» После работы на Скорой помощи доктор Данилов не думал, что его сможет что-то еще удивить и напугать в этой жизни. Не думал, пока не устроился в обычный московский родильный дом, после чего и началась эта История. Мужчины, покиньте помещение! Слабонервным тут не место! В книгу вошел новый рассказ Андрея Шляхова.

© Шляхов А. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Первая кровь	5
Скорая помощь	17
Пролог	17
Глава первая	18
Глава вторая	28
Глава третья	37
Глава четвертая	44
Глава пятая	51
Глава шестая	61
Глава седьмая	69
Глава восьмая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Шляхов

Невероятные будни доктора Данилова: от интерна до акушера

Первая кровь

*Виноватые без вин,
виноваты за это особо...*

Борис Слуцкий, «Виноватые без вины...»

– Зачем надо было крахмалить халаты? – удивился Данилов.

– Как «зачем»?! – в свою очередь удивилась мать. – Чтобы он не висел на тебе, как тряпка! Ты же уже не студент, Володя! Ты – врач!

Слово «врач» мать произнесла немного пафосно, не свыклась еще с новым статусом сына.

– Не студент, но и не профессор же, чтобы мне халаты крахмалить. – Данилов закрыл дверцу шкафа. – Ты хоть представляешь, как выглядит накрахмаленный халат, если его свернуть, потаскать в сумке, а затем достать и развернуть?

– Представляю! – Светлана Викторовна подошла к шкафу. – Отойди-ка! Вот, держи!

Она открыла дверцу, сунула не глядя руку в шкаф и достала оттуда пластиковый чехол для одежды, висевший на плечиках.

– Завтра ты возьмешь с собой все три халата...

– В этом?!

– Да, в этом чехле! Что тут такого? Зато они не помнутся. Чехол новый, я его специально купила, непромокаемый. Даже если пойдет дождь...

– Мам, как ты себе все это представляешь? Меня с этой... – усилием воли Данилов заставил себя вместо слова «хрень», произнести его более мягкий аналог, мать, преподаватель русского языка и литературы, не терпела сквернословия, – ...штукой в руках?

– Боишься надорваться? – съехидничала мать. – Я специально приготовила три халата, чтобы ты их разом забрал, повесил в шкаф и менял по мере необходимости. А грязные можешь привозить в сумке. Так что с чехлом в руках тебе придется ездить нечасто – раз в неделю или даже в две, если ты будешь аккуратен. А колпаки аккуратно положишь в сумку, вместе со своей «пижамой»...

– Колпаки ты тоже накрахмалила? – ахнул Данилов, представляя себя в высоком накрахмаленном белом колпаке.

– Да, конечно. Глупо было бы накрахмалить халаты и забыть про колпаки. Сейчас принесу...

– Мам, ну я же не повар, чтобы разгуливать в стоячем колпаке!

– Правильно, Володя, ты не повар. Ты – врач! И должен выглядеть представительно! Повару, по большому счету, все равно, как он выглядит, потому что он стоит у плиты и к клиентам не выходит. А ты – врач!

«Когда же она научится произносить это слово обычным голосом и без этого своего придыхания?» – с тоской подумал Данилов.

– Ты должен сразу же, с первого взгляда внушать своим пациентам уверенность, располагать к себе! А первое, что бросается в глаза, – это то, как одет человек! По внешнему виду складывается первое впечатление о человеке, ведь недаром говорят, что...

– По одежке встречают...

– Вот именно! Неужели тебе безразлично, что о тебе будут думать твои первые пациенты? – Светлана Викторовна картинно закатила глаза и покачала головой, словно осуждая сыновнее легкомыслие. – Колпаки тоже уберешь в свой шкаф...

– Первое! – Данилов понял, что или он немедленно внесет ясность, или же завтра станет посмешищем в глазах своих случайных попутчиков. – Моим пациентам должно быть безразлично, как я выгляжу, потому что я, позволь напомнить, специализируюсь по анестезиологии и реаниматологии, а не по дерматовенерологии!

– Но родственникам...

– Перебьются! Второе – куда я дену три халата, три колпака?..

– Разве тебе не выделяют персональный шкаф для одежды? Ты же уже – врач!

– Мама, я тебя умоляю! – взвыл Данилов, хватаясь за голову. – Какой – такой персональный шкаф? Ты еще скажи – кабинет! Я что – профессор? В лучшем случае мне выделяют крючок, на который можно будет повесить халат. И то – один на троих!

– Ты неисправим! – обиделась мать и повесила чехол обратно. – Поступай как знаешь! Ходи в мятом грязном халате, пусть все думают, что ты санитар!..

Когда мать вышла из комнаты, Данилов снова заглянул в шкаф и облегченно вздохнул – два комплекта хирургической формы, на медицинском жаргоне называемые «пижамами», висели ненакрахмаленными.

К ужину мать сменила гнев на милость. Приготовила любимые сыном свиные отбивные на косточке с «вредной» картошкой фри на гарнир, а после ужина торжественно вручила осоловевшему от обжорства сыну подарок – стетоскоп с двойной системой трубок.

– Спасибо, мам! – Стетоскоп Данилову понравился. Тяжеловат немного, что есть, то есть, но зато весь такой респектабельный. – Я давно мечтал о таком!

– Знаешь, я никак не могу привыкнуть к тому, что мой сын – врач! – Глаза Светланы Викторовны повлажнели. – Я ж тебя еще...

– Вот таким помнишь! – Данилов слегка развел в сторону ладони, показывая, каким именно его помнит мать. – Только я пока еще не совсем врач. Я – интерн. Дипломированный безответственный врач.

– Ну, уж кого-кого, а тебя-то безответственным не назовешь...

– Это шутка такая, потому что интерн практически ни за что не отвечает.

* * *

– ...Я хочу предупредить вас сразу – не надо думать, что вы ни за что не отвечаете, и не надо настраиваться на годичный отдых от учебы! А то, знаете ли, бытуют поначалу среди интернов такие тенденции. Совершенно, надо сказать, необоснованные. Во-первых, ни за что не отвечают студенты. Им – да, случись что, как с гуся вода. А с вас спрос, как со всех врачей! Дипломы у вас есть? Значит все, что положено, должны знать и делать должны все, как положено! Это – работа, а не учеба! Вы приняты на ставки, о чем внесены записи в ваши трудовые книжки, с каждым из вас заключен срочный трудовой договор, и вы будете получать заработную плату, а не стипендию... – Заведующий анестезиологическим отделением Тарабарин, как и положено руководителю интернов, начал с укрепления дисциплины.

– Короче говоря, прогулял – представь больничный! – прокомментировал высокий, тощий и носатый парень, буйные кудри которого были не в состоянии спокойно лежать под колпаком.

– Вот именно! – согласился Тарабарин. – Или же получай все, что полагается за прогул, вплоть до отчисления из интернатуры. Этот год видится мне непростым, интернов набрали больше обычного...

– А вам как за нас платят? – поинтересовался носатый. – Поголовно?

– Руководителям интернатуры платят не совсем «поголовно», как вы... – Тарабарин заглянул в лежащий перед ним список, – Абгарян, изволили выразиться. Но градация, разумеется есть. Поскольку вас у меня десять человек, то ежемесячно я стану получать по максимуму. Аж тридцать процентов доплаты! Это не деньги, как вы сами понимаете, так что берегите меня и попусту старайтесь не напрягать. Тогда и я стану относиться к вам по-человечески. Что такое «не напрягать», все понимают?

Интерны нестройно покивали.

– Вот и хорошо, – констатировал Тарабарин. – Тогда давайте знакомиться...

После того, как каждый из интернов встал и вкратце рассказал о себе, Тарабарин сказал:

– Каждому из вас полагается два дежурства в месяц. По желанию можно и больше, но два – это обязанность. По субботам и воскресеньям я вас ставить не буду, только в будние дни. Это вам такой бонус. На дежурствах советую не спать и не валять дурака, а учиться. Смотреть, вникать, пробовать что-то делать самостоятельно. Короче – быть активными. Год пройдет быстро, вы оглянуться не успеете, как выйдете отсюда, и если будете валять дурака, то дураками отсюда и выйдете. Оно вам надо?

Интерны покачали головами – не надо, мол.

– Обычно график дежурств составляется заранее, – продолжил Тарабарин, – но август – наш первый месяц, поэтому я «раскидаю» вас прямо сейчас. На завтрашний день есть желающие?

Желающих не было.

– Тогда пойдем по списку. Начнем с мужчин. Завтра у нас дежурят... Абгарян и Данилов. Абгарян в анестезиологии, Данилов – в хирургической реанимации.

– А вместе нельзя? – спросил Абгарян.

– Вместе – нельзя. Два интерна – это слишком большое испытание для дежурной бригады...

* * *

Дежурная бригада – врач и две медсестры – стояли возле двух составленных боками столов, изображавших сестринский пост. При появлении интерна Данилова никто особой радости не выказал. Данилов не удивился. Он привык за время учебы к тому, что ни в одной больнице, ни в одном отделении студентов не встречают с распростертыми объятиями. Видимо, точно так же относятся и к интернам...

– Мало того, что один на отделение дежуришь, так еще интерна прислали, – проворчал себе под нос дежурный реаниматолог.

– Лишний человек никогда не помешает, Владислав Алексеевич, – сказала одна из медсестер, полная брюнетка, немного косящая левым глазом. – Хоть перевернуть и переложить поможет, и то хорошо.

Ее напарница, худая, рыжеватая и помоложе, презрительно фыркнула и спросила:

– Обмороками не страдаете, доктор? Крови не боитесь?

– Нет, – сухо ответил разом на оба вопроса Данилов и, не утерпев, поинтересовался: – А что так сразу и про обмороки?

– Ничего. – Медсестра, против ожидания, не смутилась. – Разве и спросить нельзя?

Данилов промолчал. «Сейчас пошлют в лабораторию за анализами, а на обратном пути попросят каталку из приемного отделения привезти», – подумал он.

– У нас тут, доктор, не розарий, – примиряюще сказала брюнетка, – чувствуете, как пахнет? Три вокзала недалеко, а оттуда кого только не везут...

– Могли бы для бомжей отдельную больницу отвести! – взвился врач. – Это же черт-те что...

– Нашу бы и отвели, – поддела худая, усаживаясь за один из столов и придвигая к себе стопку листов назначений. – Чтоб с трех вокзалов далеко не возить...

– Тогда бы я здесь и дня бы не остался! – отрезал врач. – Пошли, коллега, сделаем обход, заодно и потренируетесь дневники писать. Знаете, как в реанимации дневники пишут?

– Знаю, – кивнул Данилов. – Жалобы, основные показатели, динамика. И так каждые...

– Вас как зовут? – перебил его врач.

– Владимир, – машинально ответил Данилов и тут же поправился: – Владимир Александрович.

– А я – Владислав Алексеевич, – представился врач, но руки не подал. – Коренной москвич в шестом поколении, между прочим. А занимаюсь здесь хрен знает чем, бомжей вокзальных лечу. Их сегодня целых четверо.

Данилов потянулся к лежавшим на столе историям болезни, чтобы взять их с собой на обход, но Владислав Алексеевич мотнул головой – обойдемся мол.

Обход был скорым, как и полагается текущему обходу в реанимации. Пациенты с утра осмотрены, полечены, назначения сделаны, далее по дежурству внимание уделяется тем, кому стало хуже. А стабильные как лежали себе, так и лежат, на то они и стабильные. Владислав Алексеевич задержался немного возле мужчины, прооперированного сегодня по поводу аппендицита, осложнившегося перфорацией аппендикса и перитонитом, удовлетворенно хмыкнул и пошел дальше.

Через двадцать минут они уже сидели в ординаторской.

– Списывайте, доктор, у всех предыдущие дневники, – распорядился Владислав Алексеевич. – А я пока чай заварю. Чай пьете?

– Спасибо, не надо, – отказался Данилов.

Он начал писать дневники и попутно слушать Владислава Алексеевича, который оказался не только москвичом в шестом поколении, но и врачом в третьем, чем несказанно гордился.

– Дед мой одно время, еще при Хрущеве, был начмедом Первой градской, а отец двадцать лет руководил Истринской районной больницей...

Данилов писал и слушал, даже время от времени из вежливости кивал головой. Закончив с дневниками, он дождался паузы в монологе Владислава Алексеевича и спросил:

– Что-то еще надо делать?

– Пока нет, – ответил тот. – Можете отдыхать.

Отдыхать не хотелось, да и как отдыхать – сидеть и тупо смотреть перед собой? Данилов взял одну из историй болезни и углубился в чтение. «Хоть бы привезли кого, – подумал он. – Или перевели бы...» Если выпало тебе дежурить в компании не очень приятного напарника, то лучше уж заниматься делом. Так время идет быстрее.

Провидение сжалилось над Даниловым – минут через пятнадцать послышался шум каталки и громкие мужские голоса.

– Как прорвало сегодня – везут и везут, – вздохнул, вставая, Владислав Алексеевич. – Уже пятый, или нет – шестой...

Бригада «скорой помощи» привезла мужчину средних лет с проникающим ножевым ранением брюшной полости. Крайне тяжелое состояние – давление чуть ли не по нулям, пульс нитевидный, дыхание периодическое, по Чейн-Стоксу¹... Выражаясь бытовым языком – не жилец. Оперировать такого пациента не возьмется ни один хирург, поскольку «оперировать»

¹ «Дыхание Чейна-Стокса» или «периодическое дыхание», – дыхание, при котором редкие и поверхностные дыхательные движения постепенно учащаются и углубляются, а достигнув максимума на пятом-седьмом вдохе, снова ослабевают и урежаются, до паузы в дыхании, после которой цикл повторяется заново. Впервые описано в начале XIX века Джоном Чейном и Уильямом Стоксом.

в данном случае будет означать «зарезать». Сначала надо стабилизировать пациента, чтобы можно было надеяться на то, что он переживет операцию.

* * *

Переложили с каталки на койку, подключили к монитору и к аппарату искусственной вентиляции легких, подсоединили к подключичному катетеру, который поставила «скорая», новую «банку» с полиглюкином, вкололи, что положено... Данилов помогал раздевать пациента, набирал в шприцы растворы, вызвал по местному телефону на срочную консультацию хирурга (оперировать – не оперировать, а проконсультировать, пока пациент еще жив, изволь; чтобы потом никто не придирался – «как это так – хирургу не показали?»).

– Лариса, определи группу! – распорядился Владислав Алексеевич.

– Сейчас!

В подключичный катетер, куда капал полиглюкин, Лариса соваться не стала – взяла несколько кубиков крови из локтевой вены. Данилов оценил ее мастерство – ткнула иглой не примериваясь и в точности попала куда следует. Есть, чему поучиться, определенно есть.

Пришел хирург. Бегло осмотрел пациента, поглядел задумчиво на экран монитора и начал перешептываться с Владиславом Алексеевичем.

– Владислав Алексеевич, идите посмотрите, – позвала от поста Лариса.

– Доктор, взгляните на тарелочку, – попросил Данилова Владислав Алексеевич. – Справитесь?

– Конечно. – Данилов даже немного обиделся. Как можно задавать врачу подобный вопрос?

На специальной белой тарелке – два ряда капель. Стандартные сыворотки крови разных групп (в каждом из рядов сыворотка иной серии – так надежнее), смешанные с каплей крови пациента, расположены согласно номерам, написанным химическим карандашом. По тому, где именно произошла агглютинация (склеивание) эритроцитов, а склеиваются эритроциты разных групп, определяется группа исследуемой крови.

Лариса не понесла тарелку к койке, потому что на посту, под ярким светом настольной лампы, было удобнее оценивать результат.

– Вторая, – сказал Данилов, внимательно рассмотрев тарелку.

Смеси сывороток первой и третьей групп с кровью пациента выглядели «зернистыми», произошла агглютинация, сыворотка второй группы, смешавшись с каплей крови, агглютинации не вызвала.

– Вторая, – согласилась с ним Лариса.

Данилов взял историю болезни пациента и сделал отметку на титульном листе.

– Лучше бы карандашом, – сказала Лариса. – Ручкой пишем, когда из лаборатории подтверждение приходит. Ладно, ничего...

Вскоре мужчину с ножевым ранением увезли в операционную.

– Пойдемте на вечерний обход, – пригласил Владислав Алексеевич.

Этот обход получился более продолжительным, чем предыдущий.

– Закон такой, – делился секретами мастерства дежурный реаниматолог, – кто хорошо работает, тот долго спит. Бывают, конечно, исключения – и «скорая» везет, и больные «ухудшаются», но я веду к тому, что не стоит откладывать на ночь то, что можно сделать вечером...

Данилов слушал и мотал на ус.

– ...Проверить катетеры и электроды, оценить показатели – не начал ли херовиться наш клиент, короче говоря – убедиться, что все путем.

Владислав Алексеевич внимательно посмотрел на Данилова и, понизив громкость, сказал:

– Тут еще много значит – какие у тебя в смену сестры. Попадаются откровенные пофигистки – ночью монитор запищит, так они его спокойно выключат, чтобы спать не мешал. Утром встаешь, что называется, «к холодным ногам» и описываешь смерть... Что – не верится? Я с такими стараюсь вообще не дежурить...

– Но в реанимации, вообще-то, дежурства без права сна... – вырвалось у Данилова.

– Умный очень? – окрысился Владислав Алексеевич. – Ну-ну. Поначалу все такие умные. А как сам начнешь работать на двух работах, а в редкие часы отдыха алконавтов из запоя выводить, так сразу по-другому запоешь!

Больше Данилова никаким «мудростям» не учили. Сам виноват – не оправдал доверия.

Закончив обход, Владислав Алексеевич сказал, обращаясь не к Данилову, а куда-то в пространство:

– Дневники лучше писать на посту. Я прилягу отдохнуть в ординаторской.

Данилову было, как говорится, параллельно – где писать дневники. На посту так на посту. Так даже лучше – и биографию дежурного реаниматолога не слушать и, вообще, приятно находиться в реанимационном зале, в полной готовности оказать помощь, если что... Это уже не учеба, это – работа...

Забрав из ординаторской истории болезни, Данилов подошел к посту и начал озираться в поисках свободного стула.

– Садитесь, доктор, – Лариса встала, – в ногах правды нет.

– А вы? – замялся Данилов.

– А мне надо кое-что спросить у Владислава Алексеевича, – ответила Лариса и направилась в ординаторскую.

Данилов сел на освободившийся стул и открыл первую из историй.

– Не торопитесь, доктор, – сказала другая медсестра. – До утра вас никто отсюда не попросит. Можете даже вздремнуть – уж чему-чему, а спать сидя вы должны были научиться?

Данилов издал невнятный звук, могущий с равным успехом означать и «да» и «нет».

– Вот освоитесь и тоже пассиво себе заведете, – как ни в чем не бывало продолжила медсестра. – Чтобы не скучно было дежурить. Только не увлекайтесь, потому что любовь на работе чревата осложнениями...

От смущения Данилов слегка покраснел.

– Все наспех, по-быстрому, пока не помешали, – продолжала медсестра, – вот «спусковой крючок» и слабеет... не успеешь вставить, как уже кончил. А эту привычку перебороть очень трудно... Ох, доктор, да я вас в краску вогнала своими пикантными подробностями. Извините, не буду мешать. Если что – я здесь.

Медсестра скрылась за ближайшей к посту дверью, на которой висела табличка «Сестринская».

Данилов остался дежурить в одиночестве. Несколько минут он сидел молча, прислушиваясь к своим ощущениям, а затем начал быстро писать дневники. Когда закончил, встал и обошел реанимационный зал, желая убедиться, что все в порядке.

Все и было в порядке ровно настолько, насколько это может быть в реанимационном отделении – пациенты хоть и тяжелые, но стабильные, лежат спокойно, проблем не создают.

Данилов выглянул в окно – пейзаж полностью соответствовал описанному Блоком. «Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет». Только аптека была не «торговая», а местная – больничный склад медикаментов. Данилов припомнил, как там было у Блока дальше:

*Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь – начнешь опять сначала,*

*И повторится все, как встарь,
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

«Все повторится – это плохо, – подумал Данилов. – А если без школы и института, то это нормально. Чтобы сразу врачом».

От воспоминаний о институте по телу пробежали мурашки. Бр-р-р! Только на шестом курсе удалось нормально, по-человечески, отметить Новый год. А то все в обнимку с учебником – то дифференцированный зачет третьего января, то экзамен. Как оно вам – под бой курантов атлас нормальной анатомии листать или учебник по гистологии? Ужас, да и только. Одноклассники, поступившие в МГУ или ту же Бауманку, привычно жаловались на то, что учиться-де трудно, задают много, спрашивают строго, но это они медицинского вуза не пробова. С его-то зубрежкой! Это только принято считать, что природа все устроила логично. Какая там логика – в человеческом-то организме? Логика там и не ночевала, потому как зная одно, другое логически сроду не выведешь. Только зубрить и запоминать, запоминать и зубрить дальше. Сначала кажется, что после экзамена все немедленно забывается, но при случае убеждаешься, что это не так. В нужный момент из копилки памяти извлекаются соответствующие знания.

«Ладно, все уже в прошлом, – напомнил себе Данилов. – Теперь раз в пять лет подтверждать свой статус, да если будет охота – один раз кандидатский минимум сдать. Это пустяки!»

Действительно – пустяки, тем более, что сдавать кандидатский минимум совсем не тянуло. Несмотря на то, что мать была убеждена в обратном. По ее мнению, раз уж сын стал врачом, то непременно должен пойти дальше и дорасти до профессора. И не абы какого, а маститого – со своей кафедрой, со своей клиникой и, как следствие, – с высоким уровнем жизни. Данилов не имел ничего против высокого уровня жизни, но в науку его не тянуло. То ли склад ума не тот, то ли характер неподходящий.

Данилов походил еще немного по реанимационному залу, а затем, слегка разочарованный тем, что нечем заняться, сел за стол и, подперев голову рукой, задумался о своих перспективах. Перспективы выходили какие-то неясные, туманные, возможно от того, что зверски хотелось спать.

Скрипнула дверь ординаторской.

– Сидишь, – констатировал Владислав Алексеевич. – А Райка где? Спит?

Было несложно догадаться, что Райкой звали полную брюнетку.

– Спит, наверное, – ответил Данилов.

– Если что – зови! – разрешил Владислав Алексеевич. – Только помни – с родственниками в контакт не вступать, на вопросы не отвечать, никому ничего не передавать! Ясно?

– Слушаюсь, сэр! – вставить навтыжку и щелкать каблуками Данилову не хотелось, тем более, что у кроссовок и но сработало и так – Владислав Алексеевич намек понял.

– Мы здесь привыкли по-свойски общаться, без реверансов, – сказал он, отводя взгляд в сторону. – Ничего личного. Просто привычка такая.

– Я понимаю, – ответил Данилов и благородно добавил: – Все нормально.

Владислав Алексеевич скрылся за дверью так резво, словно его втянула внутрь невидимая рука. Впрочем, не исключено, что так оно и было.

Данилов сам не заметил, как заснул. Спать пришлось недолго – сначала запищал один из мониторов, затем – другой, а там и прооперированного мужика с ножевым ранением брюшной полости привезли, затем «скорая» по какой-то неведомой дури привезла парня с некупируемым носовым кровотечением, и Владислав Алексеевич долго препирался с бригадой.

– Куда вы его, нахрен, привезли? – вопрошал он. – Вы что, не знаете, что у нас нет ЛОР-отделения? Первый раз замужем, да?

– А что вы на нас бочку катите? – не менее экспансивно оборонялся врач «скорой помощи». – Мы что – сами решаем, кого куда везти? На Центре сказали – вези в сто тридцать третью, мы и привезли. Распишитесь, пожалуйста!

– И не подумаю! Запрашивайте место по новой...

– Хорошо, я запрошу! – наконец сказал врач «скорой помощи». – Но о вашем поведении я тоже сообщу. Как ваша фамилия?

– Для тех, кто не умеет читать, – Владислав Алексеевич ткнул пальцем в бейдж, висевший у него на груди, – сообщаю, что моя фамилия Кочерыгин! Кочерыгин вэ а!

Пациент, носовая полость которого была полностью затампонирована, флегматично лежал на каталке, дышал ртом и смотрел в потолок, изображая полную покорность судьбе. После переговоров с Центром «скорая» уехала вместе с пациентом.

– Цирк! – воскликнул Владислав Алексеевич и пригласил Данилова на утренний обход.

– Как впечатления от дежурства?

– Нормально, – ответил Данилов.

Что еще можно было ответить?

– Самому-то что больше нравится – за ногу с того света вытаскивать или наркоз давать?

– Трудно сказать, – пожал плечами Данилов. – Я же пока только начинаю.

– Лучше всего, – Владислав Алексеевич даже остановился, подчеркивая тем самым важность того, что готовился сказать, – хорошенько подумать и свалить в какую-то другую специальность. Туда, где легче работается и больше зарабатывается. Потому что ни на наркозах, ни тем более на вот этом, – последовал кивок в сторону ближайшей койки, – не озолотишься. Надо выводить алкашей из запоев, лечить трипперы или увеличивать сиськи и уменьшать носы. А здесь...

Советы подобного рода скорее веселили Данилова, нежели раздражали.

– Что ж вы сами тут работаете? – спросил он.

– Вот, не подумал в свое время, – вздохнул Владислав Алексеевич. – А теперь уже поздно, да и привык я. Но если бы мог начать жизнь заново, то... наверное, в экономисты бы пошел. Ладно, продолжим...

«Продолжим» относилось не к дискуссии, а к обходу..

– Как прошло твое первое дежурство? – спросила Светлана Викторовна, стоило только сыну войти.

– Все хорошо, – ответил Данилов. – Старшие товарищи щедро делились со мной опытом, мне доверили такое важное дело, как написание дневников в историях, и вообще...

– А чего ты хотел?

– Сейчас я хочу есть и спать. С одинаковой силой, то есть зверски.

Есть, как ни странно, хотелось все-таки больше. Сил хватило не только на большую тарелку борща, но и на макароны по-флотски.

– А теперь – баиньки.

Данилов собрал волю в кулак и встал из-за стола, хотя больше всего ему хотелось отодвинуть пустую тарелку в сторону, положить голову на стол (какая подушка? Тому, кто настоящему хочет спать, подушка только мешает!) и заснуть.

– Когда тебя завтра будить? – спросила мать.

– Завтра же суббота, – напомнил Данилов. – Так что я проснусь сам. Ну что – можно сказать, что первая неделя интернатуры осталась позади.

– Мои поздравления, – улыбнулась Светлана Викторовна...

Понедельник начался нехорошо – с особого взгляда Тарабарина. Буквально наткнувшись на этот взгляд, Данилов понял, что последует дальше, и не ошибся.

– К вам есть разговор, Владимир Александрович. Приватный. Прямо сейчас.

Идя за Тарабариним и глядя на его широкую спину, Данилов перебрал в уме всю прошлую неделю, но ничего такого, что может вызвать приватный разговор с руководителем интернатуры, так и не вспомнил. Совсем ничего. Интерн Данилов был безгрешен, и потому он решил, что скорее всего сейчас ему будет сделано какое-то предложение срочного порядка. Срочно написать какой-нибудь доклад, съездить на конференцию интернов куда-нибудь в Вышний Устюг или Усть-Урюпинск или же принять участие в ежегодном марафоне, проходящем в День города. Поддержать, так сказать, спортивную честь больницы...

Идти было недалеко, поэтому и гадать пришлось недолго.

– Владимир Александрович, во время вашего дежурства вы занимались определением группы крови у кого-либо из пациентов?

Взгляд Тарабарина по-прежнему оставался строгим, колючим. Хорошо еще, что сестра на стул предложил.

– Занимался. – Перед глазами Данилова сразу же возникла тарелка с каплями. – У одного.

– Фамилию помните?

– Подколядин, кажется.

– Все верно. И какую же вы определили группу?

– Вторую.

– Точно помните?

– Совершенно точно.

– Владимир Александрович, – Тарабарин поерзал в кресле, – вы простите меня за такой вопрос, но не могли бы рассказать мне, как определяется группа крови при помощи стандартных изогемагглютинирующих сывороток?

Данилова вопрос покоробил, но что поделать – пришлось рассказать методику.

– Верно излагаете, – сказал Тарабарин. – Только вот с группой у вас ошибка вышла. Там третья группа, резус-отрицательная. Все бы могло обойтись, если б до получения лабораторного подтверждения один не в меру ретивый реаниматолог в рамках подготовки к повторной операции не вздумал бы переливать вашему Подколядину эритроцитарную массу.

– Он жив?

– Жив, но сами понимаете, внутрисосудистый гемолиз здоровья ему не прибавил. Дело было в пятницу. В субботу начмед имела разговор с Кочерыгиным, а точнее – имела самого Кочерыгина во всех мыслимых и немыслимых позициях. А он рассказал, что поручил сделать это вам, и теперь, конечно, о своей опрометчивости сожалеет. Отвечать, конечно, будет он и только он, но... м-м-м... как-то не так вы начали свою специализацию, Владимир Александрович.

От волнения Данилов не сразу вспомнил имя и отчество Тарабарина.

– Виталий Мартынович, была вторая группа. Спросите у медсестры Ларисы, она подтвердит. Она тоже посмотрела и согласилась, что да – вторая.

– Спрашивали, она сказала, что вы посмотрели на результат, записали его в историю, и только.

– Давайте спросим еще раз! Вместе! Пусть она вспомнит!

– Сегодня в три часа всех причастных ждет у себя главный врач. Будет предварительный административный разбор. В узком кругу. Я просто хотел для себя разобраться... составить, так сказать, впечатление.

– Делайте, что хотите, думайте, что хотите, но была вторая группа.

– Я понял. – Взгляд Тарабарина слегка потеплел. – Методику, во всяком случае, вы знаете.

– Лариса подтвердит... – начал Данилов, но руководитель не дал ему договорить.

– Ничего она не подтвердит, даже, если допустить, что ей есть что подтвердить. Или ошиблись вы, или она перепутала сыворотки, вторую с третьей. Третьего варианта быть не

может. Так что не надейтесь на то, что Лариса вспомнит. Вспомнит, да вот захочет ли сказать? А теперь идите, жду вас здесь без четверти три. К главному врачу у нас опаздывать не принято...

В коридоре Данилов просчитал ситуацию. Пациент остался жив – это плюс. Последствия грозят дежурному врачу – это с одной стороны вроде как плюс, если посмотреть с позиции шкурника, а с другой – большой минус. Ему, доктору Данилову. Как человеку поверхностному и легкомысленному.

Но сам он знает, что не ошибся – и это плюс, который перевесит любое количество минусов. Правда, только в его собственных глазах. Остальным ничего не докажешь, если, конечно, сама медсестра Лариса не признается в своей ошибке. А пойдет ли она на это, особенно с учетом ее служебного, а может, и не только служебного романа с доктором Кочерыгиным? Навряд ли – свалит все на него, «тупого» интерна.

Идиотская, какая-то театральная или киношная ситуация. Там по законам жанра или кто-то из пациентов вспомнил бы, что медсестра говорила о «второй» группе крови, или она бы разнервничалась и проговорилась...

В конце концов, Данилов пришел к выводу, что ничего изменить он не в силах. Расскажет, конечно, у главного врача, как что было, и получит то, что ему «выдадут». Прошла всего неделя интернатуры, впереди еще будет пятьдесят одна... нет, четыре отпускные недели надо отнять, впереди еще сорок семь недель. Достаточно времени для того, чтобы исправить впечатление о себе.

Мышление странным образом раздвоилось: с одной стороны, Данилов добросовестно вникал в особенности подготовки пациента к анестезии в зависимости от исходного заболевания и тяжести состояния, с другой же – какой-то участок мозга искал выход из тупика.

Коллеги-интерны поглядывали на Данилова сочувственно, но со словами утешения и ободрения не лезли. И на том спасибо.

* * *

Главный врач был новым, назначенным всего три месяца назад, и оттого демократичным и либеральным. Не огрубел еще душой на своем посту, не привык к тому, что начальству все врут, а если кто не врет, то и всей правды никогда не скажет. Внешне он произвел на Данилова благоприятное впечатление – подтянутый, спортивный мужчина лет пятидесяти, умные глаза под стеклами очков, довольно приветливая улыбка. Правда, про таких людей еще говорят: «мягко стелет, да жестко спат».

На «разборе полетов» помимо главного врача, Тарабарина и непосредственных участников событий – Данилова, Кочерыгина и Ларисы – присутствовало еще человек семь или восемь, в которых без труда угадывались представители больничной администрации. В большом кабинете главного врача все расселись вольготно, еще и свободные стулья остались.

– Сегодня я просто хочу вникнуть в ситуацию, – сказал главный врач. – Выводы будем делать потом. Кстати, у меня нет объяснительной доктора Данилова...

– Это моя вина, Михаил Иванович, – сказал Тарабарин. – Забыл требовать. Исправим.

– Пожалуйста. – Главный врач снял очки в тонкой, почти невесомой на вид оправе, потер переносицу и вернул очки на место. – Владислав Алексеевич, прошу вас.

Кочерыгин встал и решительно одернул на себе халат.

– Что я могу сказать? – риторически начал он. – Виноват, не спорю. Доверился молодому коллеге, а должен был все контролировать сам. Наказывайте, что ж теперь... Впредь буду умнее.

– У вас все? – удивился столь лаконичному выступлению главный врач.

– Все! – подтвердил Кочерыгин и сел.

– Лариса Николаевна, прошу вас.

Лариса, раскрасневшаяся от волнения, говорила долго, то и дело запинаясь, повторяясь и отвлекаясь на ненужные подробности. Смысл ее речи можно было свести к одной фразе: «Я сделала все, как положено».

– А сами вы не оценили результат? – поинтересовался главный врач.

– Это врачебная обязанность, – ответила Лариса, поджимая губы.

– Чисто машинально, Лариса Николаевна? – слегка нажал главный врач. – Это же так просто...

– Было бы так просто, мы бы сейчас здесь не собрались, Михаил Иванович, – покосившись на Данилова, ответила Лариса.

– Спасибо, садитесь. А что скажете вы? – Главный врач посмотрел на Данилова. – И можете не вставать, мы не в школе.

Не вставать так не вставать.

– На тарелке, которую мне показала Лариса Николаевна, была агглютинация с сыворотками первой и третьей групп, – сказал Данилов. – Картина, соответствующая второй группе. Больше мне добавить нечего.

– Смотрели при хорошем освещении? – уточнил главный врач. – Сомнений не было?

– Никаких! – мотнул головой Данилов.

– Спасибо. Кто-то желает высказаться?

Разумеется, пожелала высказаться заместитель главного врача по лечебной работе, она же, если по старинке, «начмед» – невысокая, но сильно раздавшаяся вширь женщина, с застывшей складкой на переносице, которую Данилов про себя обозвал «тетей-колобоком».

Как и положено по должности, на одну фразу в ее речи приходилось три цитаты из должностных инструкций и приказов. Свободное и непринужденное цитирование документов по памяти, без каких-либо шпаргалок, свидетельствовало о том, что человек находится на своем месте, и находится на нем довольно долго. За один год или, скажем, за полтора таких результатов не добиться.

«Тетя-колобок» закончила свою речь восхитительной фразой:

– Белый халат – это не только глубокие карманы, но и чувство ответственности!

«Надо запомнить – это ж готовый афоризм», – подумал Данилов. Настроение его слегка улучшилось – кажется, никто не собирается сваливать вину на него.

После долгого выступления начмеда собравшиеся заметно заскучали, то и дело поглядывая на настенные часы. Главный врач уловил настроение аудитории и сказал:

– На этом закончим. Приказ зачитаем в среду на пятиминутке...

* * *

– Вот тебе классический медицинский парадокс. – Выйдя от главного врача, Тарабарин начал обращаться к Данилову на «ты», что следовало расценивать как знак расположения; во всяком случае, Данилов именно так это и расценил. – Все прекрасно понимают, что виновата медсестра, иначе бы с чего ей так юлить, но накажут врача, который дежурил один на двенадцать коек. Потому что он ответственный за все, что накосячат во время его дежурства. А то, что дежуря в одиночку, в той или иной степени приходится полагаться на сестер, никого не волнует...

– Каково же правильное решение? – спросил Данилов. – Никого не наказывать?

– Никого не наказывать нельзя, – покачал головой Тарабарин. – Если начать спускать на тормозах подобные вещи, то очень скоро разболтаются все, даже самые сознательные. Безнаказанность губительна.

– Так что же делать?

– Как что? Наказывать!

– Кого?

– Кочерыгина! Больше некого. Хоть разорвись, а должен был обеспечить. Он крайний. Вот тебе и парадокс – всегда достается крайнему, а не виноватому. Отсюда какой вывод?

– Не оказываться крайним.

– Молодец, правильно рассуждаешь! И вот тебе еще одна профессиональная мудрость: – больше всего шишек достается тебе тогда, когда ты ни в чем не виноват.

– Ну, с этим бы я поспорил, Виталий Мартынович.

– Поработай лет пять, и желание спорить с этим пропадет начисто, – рассмеялся Тарабарин. – Ну, а если не пропадет – то приходи, поспорим. В спорах, как известно, рождается истина. Только мои бывшие интерны со мной никогда не спорят. Наоборот, то и дело повторяют: «Ах, как вы были правы!» – я же, как-никак, уже двадцать лет врачом работаю. Успел опыта набраться...

– Наверное, мне не стоит впредь дежурить с Кочерыгиным? – вслух подумал Данилов.

– Не стоит, – согласился Виталий Мартынович, – еще подеретесь, чего доброго. Славик противный мужик, мелочный и злопамятный. Но кроме этого он еще и страшно обидчивый. Могу поспорить на бутылку коньяка, что он задержался в приемной у главного и пишет заявление об уходе. Тем более, что это у него будет уже второй строгий выговор в этом году. Не дай бог огребет еще и третий, что при его талантах весьма вероятно, и вылетит из больницы по статье. Лучше уж самому, тем более, что мест хватает. Ты-то сам где собираешься работать?

– В Москве, – улыбнулся Данилов. – А где именно, пока не решил.

Скорая помощь

Обычные ужасы и необычная жизнь доктора Данилова

Все события, описанные в этой книге, являются вымыслом автора, который очень старался, чтобы вымысел этот как можно больше походил на правду.

*«Мы вернемся к месту нашей встречи,
Где возникли ласковые речи,
Где возникли чистые мечты...»
Игорь Северянин, «Мы вернемся...»*

*Жизнь на десять процентов состоит из того, что с нами происходит, и на девяносто процентов из того, как мы на это реагируем.
Станислав Лем*

Пролог

Клятва врача

«Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь:

- 1) честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;
- 2) быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;
- 3) проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии;
- 4) хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту;
- 5) доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы больного, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете;
- 6) постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины».

Глава первая

Новость

– А-а-а-а! – орал мужчина средних лет, картинно раскинувшийся на мокром асфальте. – Нога-а-а! Боль-но-о-о! О-о-о!

Около него прыгал стажер Эдик Старчинский. Тощий, высокий, похожий на гигантского кузнечика. Ощупал поврежденную конечность, высвободил из рукава кожаной куртки руку пострадавшего, быстро измерил давление, удовлетворенно кивнул лохматой головой, сунул тонометр в карман халата (синий форменный костюм долговязому новичку сестра-хозяйка в своих закромах подобрать не смогла, отправила заявку на Центр) и принялся внимательно разглядывать зрачки.

Пациент покорно ждал конца осмотра, время от времени спохватываясь и издавая очередную стон, проникновенности и трагизму которого позавидовал бы любой актер.

Глядя на них, Данилов вспомнил институтскую лекцию, посвященную принципам сортировки раненых.

– Запомните, доктор, – внушал студентам подполковник Таланкин, за пылкую страсть к этиловому спирту прозванный Спиртовкой. – В первую очередь помощь оказывается не тем, кто кричит и рыдает, а тем, кто делать это уже не в состоянии. Только так! Крикуны подождут, ничего с ними не случится, разве что охрипнут немного. Вы больше нужны тем, кто без сознания. Им помощь оказывается в первую очередь...

Даниловская бригада, прибыв на место аварии, так и поступила. Сам Данилов с фельдшером Верой Каликиной занялся водителем старой заслуженной «четверки», пока еще живым, но уже затихшим в предчувствии близкого конца, а врача-стажера Эдика отправил к единственному пассажиру, проклинавшему судьбу-злодейку на весь ночной Волгоградский проспект, пустынный и безразличный.

– Твою мать, что делают, а? – раздалось за спиной Данилова.

Водитель Петрович принес носилки и выразил свое неодобрение произошедшим. Его можно понять – если бы его горемычный коллега не врезался бы на полном ходу в фонарный столб, то одиннадцатая бригада сейчас бы отдыхала на родной шестьдесят второй подстанции.

Скорее всего – не отдыхала бы, а мчалась на новый вызов. Это в седую лохматую старину, когда Петровича называли Колькой и среди водителей «скорой» он был одним из самых юных, ночью можно было и впрямь урвать пару-тройку часов для сна. А то и все шесть – если подстанция «спокойная», с тихим, слабо телефонизированным районом обслуживания. Там была благодать, тем более что в те времена свободные бригады посылались в помощь соседям редко, в самом крайнем случае, а не походя, как сейчас.

– Как-то раз, летом, вышел я на сутки с девяти часов, а первый вызов мы получили в семнадцать сорок, – вспоминал Петрович. – Скучали порой по вызовам, как сейчас по отдыху. Эх, бывали времена!

Так уж устроен человек. Ему всегда верится в лучшее.

Если бы...

Да кабы...

– Не переживай, Петрович, – отозвался Данилов, накладывая кровоостанавливающий жгут на левое бедро пострадавшего. – Сейчас полечим, отвезем в «кузницу здоровья», а там уже и до конца смены недалеко. Время работает на нас!

– Тьфу-тьфу! – суеверный Петрович трижды сплюнул через левое плечо.

В прошлую смену, в семь тридцать, за полчаса до окончания суточной смены, им дали вызов с поводом «ребенок три года, отравление таблетками». Повод из самых серьезных, на

который мчатся пулей, с включенными сиреной и мигалкой. Счет идет на минуты, пока таблетки всасываются в детском желудке.

Трехлетняя девочка Арина проснулась утром первой, тихо вылезла из своей кроватки и отправилась пробовать «конфетки», лежащие на бабушкиной тумбочке. Хорошо хоть начала свою «дегустацию» с относительно безвредного «аспаркама», препарата калия, обойдя своим вниманием «капотен» и нитросорбид, резко понижающие артериальное давление. Пока промывали желудок, да пока везли по забитой машинами Москве в детскую больницу, да пока вернулись обратно на подстанцию, на часах уже было без четверти два. Повезло, называется.

– В Америке, например, закон запрещает оставлять без присмотра детей до двенадцати лет! – сказала на обратном пути Вера, высовываясь в водительский отсек. – Там, наверное, не раскидывают таблетки где попало!

– Законы законами, а здравый смысл здравым смыслом, – вздохнул Данилов, проезжая мимо своего дома, где ему полагалось уже второй час отдыхать после дежурства...

* * *

Разрезанные по шву, чтобы можно было осмотреть рану, и намокшие от крови брюки пострадавшего нестерпимо воняли бензином. Скрючившись в три погибели, Данилов насколько возможно втиснулся в салон покореженного автомобиля, убедился в том, что правая нога водителя ничем не зажата, что в салоне шину на сломанную левую ногу (открытый перелом костей голени) не наложить и что позвоночник у водителя вроде бы цел, а затем командовал:

– Достаем! Максимально плавно и осторожно! Без рывков!

– Плавали – знаем! – отвечает Петрович.

Дела были не так уж и плохи – несчастного водителя не зажал в салоне и дверцы открылись сразу же, с первой попытки, а то пришлось бы спасателей вызывать, чтобы вскрывали машину гигантскими ножницами, словно консервную банку. Бригада бы их дождалась, а вот дождался бы пострадавший – это еще бабушка надвое сказала. Опять же бензин в салоне – тут и до пожара недалеко.

Данилов подхватил вялое тело под мышки, Петрович синхронно взялся за ноги, а Вера развернула носилки так, чтобы им было удобнее.

Данилов с Петровичем осторожно положили пострадавшего на носилки. Плавно и нежно, как драгоценную антикварную вазу из хрупкого фарфора.

– О, господи! – вырвалось у Петровича.

В свете уличных фонарей он разглядел в полной красе голень пострадавшего, точнее не ногу, а бурое месиво, похожее на плохо провернутый фарш, из которого торчали наружу желтые обломки костей. Благодаря наложенному доктором жгуту, кровь уже не текла из раны, но все равно общее впечатление было сильным и весьма удручающим.

Данилова всегда удивляло то, что на рынке люди могут спокойно наблюдать за процессом рубки мясных туш, без содрогания перебирать куски мяса с костями и без, а вот вид открытой раны, да еще «с косточкой», чаще всего приводит их в шоковое состояние. Почему так? Сам он давно уже смотрел на все спокойно – то ли привык, то ли огрубел душой. Мясо и кости, как ни крути, остаются мясом и костями.

– А ты отвернись, – посоветовала Вера. – Твое дело на дороге смотреть, а не на переломы.

Петрович, несмотря на более чем солидный стаж работы на «скорой», так и не смог до конца изжить в себе впечатлительность. Особенно его смущают «угольки» – пациенты с большими ожогами. Зрелище и впрямь не из приятных – обуглившиеся ошметки кожи, волдыри, заполненные мутной жидкостью, сочащиеся влагой ткани, лишившиеся своего защитного покрова... Этот своеобразный этюд в багрово-желтых тонах с примесью черного обильно

приправлен флюидами ужаса и боли, исходящими от пострадавших. В подобных случаях Петрович вооружается ватным тампоном, пропитанном нашатырем, и с его помощью спасается от обморока.

– Взяли, – негромко бросил Данилов.

Врач и водитель с носилками в руках почти бегом устремились к своей «ласточке» – белой машине, украшенной красными цифрами «03». Вера побежала за ними. За те секунды, которые ушли на то, чтобы запихнуть носилки в салон, она успела залезть в ящик и выдать Эдику шприц-пятерку спиртовую салфетку и по одной ампуле анальгина и димедрола.

– Что там? – осведомился Данилов, заскакивая в салон следом за носилками.

– Ушиб коленного сустава! – ответил Эдик и добавил: – Повезло!

– Ему или тебе?! – не смогла удержаться от шутки Вера.

– Ему, ясное дело.

Эдик поспешил вернуться к пациенту.

– Эдик, ты его не отпускай! – крикнул Данилов вдогонку стажеру. – По любому надо госпитализировать.

Отказ от госпитализации при «авто» (так на «скорой» называют автомобильные аварии) обязательно вызовет недовольство у старшего врача Дмитрия Александровича Кочергина, которого за гадкий характер на подстанции прозвали Лжедмитрием. На утреннем совещании Лжедмитрий, поглаживая лысину, поправляя сползающие очки и теребя козлиную бородку, будет долго говорить об отсроченных осложнениях, врачебной самонадеянности и людском легкомыслии. Так, невзначай, можно и выговор огрести, и премии лишиться. Нет уж – никаких отказов от госпитализации и «я пойду домой». Сдать его в приемный покой – оттуда пусть домой и уходит. Скатертью дорога.

Привычными, тысячекратно отработанными движениями, Данилов засунул страдальцу в трахею пластиковую интубационную трубку, зафиксировал ее, надув ртом баллончик, кольцом эту самую трубку опоясывавший, и подключил к аппарату искусственной вентиляции легких, сокращенно ИВЛ, в режиме вспомогательной вентиляции. Теперь, если пациент забудет сделать очередной вдох, это возьмет на себя аппарат. Потому вентиляция и называется вспомогательной.

Вера тем временем укрепила на правом предплечье пациента манжету тонометра, измерила давление, поставила на левом предплечье катетер и наладила капельницу с полиглюкином, одним из так называемых «кровезамещающих» растворов, по физическим характеристикам весьма схожим с кровью.

– Восемьдесят на пятьдесят пять, – доложила она Данилову.

– Преднизолон!

Работая с опытным фельдшером, дозировки можно не указывать. Это удобно. Иметь в составе бригады опытного фельдшера вообще очень удобно. И к тому же приятно, если у фельдшера хороший характер и он не любит «стучать» начальству. Вера Каликина отвечала всем требованиям, и Данилов постоянно работал с ней в одной бригаде уже третий год.

В машине работать тесно, но все привыкшие. Быстро, но без суеты Данилов и Вера делали свое дело. Через несколько минут артериальное давление пациента немного поднялось и стабилизировалось.

Теперь настало время заняться сломанной ногой. Данилов, насколько возможно в «полевых условиях», обработал рану, извлекая пинцетом осколки костей, а Вера наложила на нее стерильную, иначе говоря – асептическую повязку. Затем они приложили к пострадавшей конечности шину и осторожно, но туго прибинтовали ее в трех местах. Теперь пациента можно транспортировать.

Главное – правильная очередность действий. Умный отличается от дурака знанием того, что надо делать сначала и что – потом. Дурак, а среди врачей такие попадаются так же часто, как

и среди представителей других специальностей, начал бы шинировать ногу еще на улице, возле машины и непременно «потерял» бы пациента, умершего как раз к окончанию манипуляции.

К этому времени пациент Эдика оклемался настолько, что в сопровождении доктора подошел к машине «на своих двоих». Шел он хорошо – прихрамывал, но не шатался.

– Будем на себя вторую машину вызывать? – поинтересовался Эдик.

Так вообще-то положено. Один больной – одна бригада. Правда, вызовы Данилов «на себя» в подобной ситуации кого-нибудь из коллег, он надолго стал бы для них посмешищем, требующим «усиления» для госпитализации «сидячего» амбулаторного больного. Другое дело, если бы и второй пострадавший был бы так же плох, как и первый – тогда без помощи коллег было не обойтись.

– Зачем? – в очередной раз измеряя «своему» пациенту давление, удивился Данилов. – Доедет с нами. Какой ставишь диагноз?

– Ушиб правого коленного сустава...

– Алкогольное опьянение, – добавляет Вера, принявшись к «выхлопу» от «ушибленного», доносящемуся через открытую дверь салона.

– Поедет сидя, – Данилов покрутил колесико на трубке капельницы, слегка замедляя течение полиглюкина.

– А может, я лучше домой? – предположил мужик, всем своим бравым видом демонстрируя, что он здоров и получасом раньше умирающего лебедя на асфальте изображал кто-то другой.

– В больницу! – твердо ответил Данилов.

– Домой, а? – заканючил мужик, не торопясь усаживаться в салон. – Пешочком. Я тут недалеко живу...

– У нас один сосед вот так пришел домой после аварии, – вступает в разговор Петрович. – Пешочком, не торопясь, по холодку, чтобы солнышко голову не напекло...

Все истории Петровича имеют один и тот же конец. Фатально-летальный.

– И что? – вскинулся мужик, ошибочно видя в Петровиче союзника.

– Ничего... – Петрович невозмутим. – Умылся, перекусил, лег отдохнуть и помер. Субарахноидальное кровоизлияние. Тридцать восемь лет дураку было. Жена, двое детей. Теперь вдова и двое сирот. Тебе-то сколько?

– Сорок один.

– Дети есть?

– Дочка.

– Ну и решай, что делать. Каждый сам выбирает, где ему помирать...

Пациент Эдика молча залез в салон и устроился на заднем боковом сиденье, именуемом на «скорой» «креслом для сопровождающих». Обычно на нем едут родственники или друзья больного. Эдик уселся на единственное, оставшееся свободным место – рядом с водителем, и обернулся к Данилову.

– Запрашивай место, – протягивая ему свой «наладонник», сказал Данилов. – Мужчина сорока лет, че-эм-тэ, открытый перелом правой голени, кома и второго не забудь... да, и обрати внимание, чтобы места в одном стационаре дали!

Человеку свойственно ошибаться, говорили древние. Тем более – на Центре. Тем более – под конец смены. Вполне можно «не включить мозги» и дать «тяжелому» место в реанимации сто шестьдесят восьмой больницы, а «легкого» отправить в Первую градскую. Бывали прецеденты...

«Легкий» больной с любопытством оглядел убранство салона, стараясь не смотреть на манипуляции врача и фельдшера с его собратом по несчастью, и вдруг начал блевать. Блевал он обстоятельно, обильно, при этом деликатно пытаясь прикрыть рот обеими руками.

– Фу, не мог на улице... – поморщилась Вера.

– Ты б хоть окно открыл! – взревел Петрович.

– Эдик! Добавь своему пациенту сотрясение головного мозга средней тяжести, – подсказал Данилов.

– Есть, сэр! – откликнулся Эдик и тотчас же, устыдившись своей фамильярности, добавил: – Хорошо, Владимир Александрович.

Эдик уже третью смену стажировался в бригаде. Данилову он нравился. Толковый парень, знающий, вроде бы не вредный. Эдик имел все шансы стать нормальным врачом. Лет через несколько...

– Извините, пожалуйста, – смутился пациент, наконец-то закончив блевать. – У вас тряпка есть? Я подотру...

– Чего уж там, – свеликодушничала Вера, – дело житейское. Вы лучше скажите, как зовут вашего товарища.

– Он мне не товарищ, – пытаюсь привести себя в порядок при помощи носового платка, ответил тот. – Мы не знакомы. Он подрядился меня домой довести и вот – довез, называется...

И после небольшой паузы, как-то совсем по-детски спросил:

– Можно выйти? Отряхнуться хотя бы...

– «Кузницу здоровья» дали, – доложил Эдик, возвращая Данилову «наладонник». – Сто шестьдесят восьмую.

Подобно всем новичкам, он тут же впитал в себя профессиональный жаргон и то и дело пользовался им, стараясь походить на бывалого «скорпомощника». Оксипутират натрия называется «Оксаной», магнезию – «магнолией», инфаркт миокарда – «Иваном Михайловичем»...

– В стационаре отряхнешься! – крикнул пациенту Петрович. – Через три минуты!

Петрович повернул ключ зажигания, нажал на педаль газа и плавно тронул машину с места.

– С Метастазом полчаса бы ехали, – Вера отодвинула оконное стекло, впуская в салон свежий воздух.

– Да уж, – согласился Данилов, прощупывая пульсацию сонной артерии на шее лежащего на носилках пациента.

Метастаз, по паспорту Георгий Иванович Ольшевский – худший из водителей шестьдесят второй подстанции. Он не любит мыться, но любит медленную езду со скоростью двадцать – тридцать километров в час. Со включенной светомузыкой – мигалкой и сиренами – Метастаз способен выжать из машины все сорок километров. В то же время он незлобив, ездит без аварий и безотказно выходит на замену в свой выходной, поэтому его и терпят.

Перемерив давление, Вера доложила:

– Девяносто пять на шестьдесят пять.

– Пациент определенно более жив, чем мертв. Пустячок, а приятно, – улыбнулся Данилов.

По прибытии в сто шестьдесят восьмую больницу, в то время пока машина ехала по территории, Данилов, выполняя требования инструкции, достал наладонник и нажал на нем кнопку, извещая диспетчера своей подстанции о прибытии в стационар. Когда машина остановилась, бригада разделась надвое. Данилов и Вера выгрузили носилки с пострадавшим из салона, водрузили их на каталку и повезли «свой кадр» напрямик в реанимацию, минуя приемный покой, куда повел «своего» пациента Эдик. Петрович же остался «наводить порядок» в салоне.

В реанимации дежурил знакомый Данилову доктор.

– Как дежурство? – спросил он, беря карту вызова и расписываясь в приеме больного.

– Так себе, – пожал плечами Данилов.

– У нас тоже, – мотнул головой реаниматолог. – Три покойника, два кандидата, пять поступлений. Ваш – шестой.

– Покой нам только снится, – посочувствовал Данилов.

– Помотался бы как мы, – высказалась Вера на обратном пути. – Вообще не понимаю, как сидя на одном месте можно уставать на работе?

– Поработай в стационаре – поймешь! – посоветовал Данилов. – Везде свои сложности. Не забывай, что мы всегда имеем дело с одним больным, ну иногда, как сегодня, с двумя, а у них на двух врачей лежит от двенадцати до шестнадцати потенциальных «жмуриков». Порой не надвое, а на четыре части разрываться приходится. Потом – мы сдали больного и можем по пути на следующий вызов немного расслабиться, тоже плюс... И вообще – хорошо там, где нас нет.

– Это точно! – согласилась Вера. – Тем более нам, фельдшерам, кроме «скорой», и деться-то некуда. Не в медсестры же идти!

На улице Данилова с Верой ждал один Петрович. Уже покончивший с уборкой, он стоял возле своей распахнутой дверцы и с наслаждением курил.

Завидев свою бригаду, Петрович подскочил к задку машины и, распахнув настежь «задний проход», помог убрать носилки в салон.

– А где стажер? – спросила Вера, берясь за ручки опустевшей каталки, чтобы отвезти ее в тамбур приемного отделения.

– Еще не возвращался, – ответил Петрович. – Молодой еще, пока освоится.

– Наверно любезничает с кем-нибудь из девчонок, – предположила Вера. – Пойду шугану...

Она докатила каталку до входа, привычно вначале нажала на ручки каталки, а затем приподняла их, помогая своему «транспортному средству» перевалить через высокий порог приемного отделения, и скрылась за дверями, чтобы, спустя несколько секунд, высунуться из них и поманить рукой Данилова.

По озабоченному лицу Веры тот понял, что стряслось нечто неприятное, и поспешил в приемное, чувствуя, как в висках зарождается пульсирующая боль.

В приемном, при виде Эдика, пререкающегося с лысым мужчиной лет пятидесяти с круглым, скуластым лицом и узенькими щелочками глаз, Данилов обреченно вздохнул и почувствовал, что боль превратилась в обруч, безжалостно сдавливающий голову.

Причина для расстройства была основательной. Собеседником Эдика оказался известный на всю московскую «скорую» Соловей-разбойник – врач линейного контроля Соловьев, встреча с которым всегда заканчивалась для любой бригады плачевно, если не фатально. Как минимум – строгим выговором с лишением премии на год, а зачастую – и увольнением. Повсюду и везде Соловьев находил нарушения, сладострастно и безжалостно фиксировал их и всячески пытался раздуть при этом из мухи слона. Подобному служебному рвению имелось объяснение. Поговаривали, что Соловьев метит на место Сыроежкина, всесильного заместителя главного врача Станции скорой и неотложной помощи города Москвы, и оттого-то пытается выслужиться, роя носом землю. Данилов в эту версию не верил, считая Соловьева обычной закомплексованной сволочью, дорвавшейся до места, на котором можно безнаказанно и с пользой для себя издеваться над людьми.

В случае с Эдиком Соловьеву не пришлось долго искать нарушений. Налицо было целых два – отсутствие форменной одежды и транспортировка пострадавшего из машины «скорой помощи» в приемное отделение своим ходом. При диагнозе «Сотрясение головного мозга. Ушиб правого коленного сустава» подобный способ транспортировки грозил немалыми осложнениями.

Превозмогая головную боль, Данилов изобразил на лице великую радость и (чем черт не шутит – вдруг удастся «отмазать» стажера) устремился к Соловьеву.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! – еще издали начал он. – Полностью разделяю ваше негодование, но молодой человек всего лишь третьи сутки работает на «скорой» и ему еще не подобрали одежду по размеру. Согласитесь, что он в этом не виноват.

– Здравствуйте, – холодно кивнул Соловьев. – Третьи сутки – это хорошо. Так и запишем – систематически нарушает форму одежды.

Он черкнул дорогой чернильной ручкой (Соловьев был франт) в маленьком блокнотике, который терялся в его широкой, похожей на лопату ладони, и оттого казалось, что Соловьев пишет прямо на своей руке.

– А вы – его, с позволения сказать, наставник? – испытующе посмотрев на Данилова, скривился Соловьев. – Фамилия?

– Доктор Данилов, бригада шестьдесят два – одиннадцать.

– Угу, – новый взмах ручки был вполтину короче прежнего. – Доктор Данилов. Помню вас. Вы, кажется, не первый год работаете на «скорой помощи»?

– Десять лет...

– Десять лет. Солидный стаж. И вы допустили, чтобы ваш стажер транспортировал тяжелого больного своим ходом? Как вы могли? Десять лет ведь работаете. Впрочем, есть такая поговорка: «Можно всю жизнь есть картошку, но так и не стать ботаником». Это сказано про вас?

Данилов прикинул, что неплохо бы было дать Соловьеву в челюсть, а когда он упадет, для острастки добавить разок ногой по ребрам. От милой сердцу картины, родившейся в воображении, головная боль немного утихла.

– Я сам так решил! – подал голос Эдик, но не был услышан.

Данилов молчал. Он терпеть не мог выволочек, особенно прилюдных – посреди многолюдного, несмотря на ночное время, коридора приемного отделения. Провинился – наказывай, а мораль читать незачем.

Но была еще крошечная, малюсенькая надежда, что выплеснув свой негатив, Соловьев примет во внимание стажерство Эдика и решит ограничиться устным выговором. Письменные же последствия могли стать для Эдика поистине фатальными, так как подобно всем новым сотрудникам «скорой помощи», он был принят на работу с трехмесячным испытательным сроком и после «телеги» от линейного контроля его попросту уволили бы по инициативе администрации. С позором и соответствующей записью в трудовой книжке.

– Это я допустил, чтобы он отвел больного пешком, – вздохнул Данилов. – Признаю свою ошибку...

– Это неправда! – завелся Эдик. – Я сам так решил! Вас в этот момент не было в машине – вы повезли больного в реанимацию!

– Bravo! – крикнули вдруг с ближайшей скамейки.

Соловьев тотчас же обернулся на крик и сник, увидев, что кричал не медицинский работник, а посторонний мужчина, одетый в не первой свежести спортивный костюм – то ли больной, то ли чей-то родственник.

– Давайте перестанем играть в «Трех мушкетеров!»! – потребовал Соловьев и, идя совсем уж вразрез с логикой, добавил: – Здесь вам не детский сад!

Данилов молча кивнул и, улучив момент, незаметно для линейного контролера скорчил Эдику страшную рожу, призывая его во что бы то ни стало хранить молчание.

– Ну и что мне прикажете делать? – спросил Соловей-разбойник, переводя взгляд с одного виновного на другого. – Что?

«Убей себя об стену, паскуда!» – чуть не вырвалось у Данилова, но он вовремя взял себя в руки.

– Так уж и быть – оставлю все без последствий, – чудесным образом подобрел линейный контролер. – Нехорошо омрачать человеку первый день работы на новом месте...

Если бы Данилов увидел волка и ягненка, пасущихся вместе, и льва, поедающего солому, то он удивился бы этому зрелищу куда меньше, чем чудесному преобразению Соловьева.

– Третий! – машинально поправил Эдик.

– Что – третий? – брови Соловьева, разделенные значительным расстоянием, начали движение к переносице.

Данилов безуспешно попытался испепелить неугомонного стажера взглядом.

– Я работаю не первый день, а третий, – Эдик застенчиво улыбнулся. – Точнее – третьи сутки...

– Какая разница, – снова скривился Соловьев. – Ступайте работать и больше не нарушайте инструкций.

– Спасибо, Алексей Николаевич, – поблагодарил Данилов, но контролер уже был у самых дверей, ведущих на улицу, и на благодарность никак не отреагировал.

Данилов снова полез за наладонником, нажал на нем клавишу, и на экране загорелось надпись «бригада свободна».

– Обошлось, слава богу, – выдохнула за спиной Данилова Вера.

Она посмотрела на Эдика, покачала головой и предупредила:

– Теперь ты должен проставиться Владимиру Александровичу. Он тебя, можно сказать, от увольнения спас.

– Да я хоть сейчас! – взвился радостный Эдик. – Давайте в круглосуточный супермаркет заскочим... Вы что предпочитаете, Владимир Александрович?

– Я предпочитаю спокойно и без геморроев доработать до конца смены, – сказал Данилов. – Затем прийти домой, съесть горячую яичницу с помидорами, выпить кофе и лечь спать...

Коммуникатор, который он продолжал держать в руке, мелодично тренькнул. Прежде чем поднести прибор к уху, Данилов машинально взглянул на экран – вызывала диспетчер подстанции.

– Шестьдесят два – одиннадцать слушает.

– Возвращайтесь, – послышался голос диспетчера Сиротиной. – Пока все тихо.

– Спасибо, Люсь, – Данилов убрал наладонник и сообщил Вере с Эдиком: – Едем домой!

– Можно и ужин взять по прибытии! – предложил Эдик, залезая в салон, вслед за Верой.

Данилов предпочитал ехать впереди. И черт с ним, с «высокой аварийной опасностью» переднего места, зато видно все хорошо. Ему нравилось глазеть по сторонам. Это при транспортировке больного врач должен ехать в салоне, когда же больных в машине нет, можно ехать, где хочется.

– Зачем? – пожала худенькими плечами Вера. – Ешь так. Успеешь – твое счастье. Не успеешь – и с ужина снимут если что.

Каждой суточной бригаде полагаются два оплачиваемых получасовых перерыва для приема пищи – на обед и на ужин. Взять их можно только с разрешения диспетчера, и тот же диспетчер вправе «снять» бригаду с ужина или обеда при поступлении нового вызова. Особенно – если повод серьезный. Недели две назад, еще до появления на подстанции Эдика, Данилова экстренно сняли с обеда и отправили на вызов со страшно звучащим поводом «ребенок два года, ранение горла крючком». Пока ехали – строили всей бригадой предположения, на тему: «Как можно поранить горло ребенку крючком?»

Вера высказала мнение, что крючок – вязальный, который недалекая бабушка не удосужилась спрятать от малышки. Данилову же виделся крючок дверной, который шустрому ребенку вздумалось попробовать «на зубок». Петрович же настаивал на крючках рыболовных. По его мнению, ребенок добрался до папиных рыболовных снастей и методично лопал крючки до тех пор, пока один из них не застрял у него в горле...

Жизнь опровергла все предположения разом. На самом деле непоседливая девочка Зоя нашла себе новое занятие – стала играть с обычной пластмассовой вешалкой для одежды, а

мамаша, не очень умная в силу юного возраста и плохой наследственности (кроме девочки Зои все остальные члены семьи – мать, ее сестра, бабушка и дедушка – были отмечены печатью огромной любви к зеленому змию), резко дернула вешалку на себя, желая отобрать ее, как раз в тот момент, когда крошка засунула в рот крюк. Крюк был гладким и совершенно безопасным, но, столь внезапно лишившись интересной игрушки, девочка Зоя с горя расплакалась. Мама тотчас же решила, что она поранила дочери горло – при чем тут горло, если крюк был во рту? – и бросилась набирать «ноль три».

Данилов внимательно осмотрел девочку, для надежности даже пошуровав у нее во рту стерильным ватным тампоном, но никаких ран и следов кровотечения не нашел и с чистым сердцем оставил девочку дома, за что назавтра получил нахлобучку от Лжедмитрия:

– Если от родственников поступит жалоба, вам не поздоровится, Владимир Александрович! Не будучи квалифицированным оториноларингологом и, тем более, не будучи педиатром вообще, – старший врач многозначительно поднял кверху толстый палец с холеным ногтем, – вы не вправе оставлять дома больную с подобным диагнозом.

Бесполезно было спрашивать, почему же тогда его, не педиатра, отправили на детский вызов – запросто можно нарваться на получасовую нудную лекцию о врачебном долге, а время уже было своим собственным, ведь дежурство закончилось сорок минут назад.

– Впредь, Дмитрий Александрович, я не оставлю подобную больную дома, можете быть уверены, – пообещал он. – Госпитализирую в убедительно-принудительном порядке.

– Хотелось бы, – буркнул старший врач и напомнил, что в случае, если отказ от госпитализации угрожает жизни ребенка, бригада вправе вызвать для содействия милицию (можно подумать, что Данилов не знал этого!), и отпустил Данилова восвояси, то есть домой...

* * *

Дежурство закончилось хорошо – вовремя и спокойно. По возвращении на подстанцию удалось отдохнуть от машины целых двадцать минут. Затем разок съездили в соседний район, чтобы полечить старушку от гипертонического криза, не заезжая на подстанцию, отвезли в хирургию парнишку с аппендицитом, после чего были отправлены к станции метро «Рязанский проспект», чтобы спасти мужчину, что посинел и задыхается прямо на улице, но по сообщению хохлушки, торговки цветами, которая и вызвала «скорую», за пять минут до прибытия их бригады на место, мужчина прекратил задыхаться и синеть, и ушел в неизвестном направлении.

– Дура! – в сердцах бросил Эдик уже в машине.

– А если бы тебя в Капотню на помощь услали бы, было бы лучше? – вступился за смазливую продавщицу Петрович, отличавшийся большой слабостью к женскому полу. – Да госпитализировать пришлось бы на другой край Москвы... а так – съездили, отметились и все в порядке. Время семь сорок пять, скоро – смене конец.

– Утром целый час никто не даст прохладиться на подстанции, – подтвердила Вера. – Непременно ушлют куда-нибудь...

– Да я разве против? – сник Эдик. – Я же понимаю...

* * *

Утренняя конференция, против ожидания, оказалась интересной.

Во-первых, тем, что на ней присутствовал сам Прыгунов, заведующий соседней, шестьдесят четвертой подстанцией, и, по совместительству, директор региональной зоны, иначе говоря – объединения из нескольких подстанций, расположенных бок о бок друг с другом. Да присутствовал не один, а вместе с Еленой Новицкой, своим старшим врачом, с которой Данилов когда-то не только вместе учился в Медицинском университете, бывшем втором «меде», но

и крутил страстный роман, закончившийся тем, что Новицкая, тогда еще Морозова, к великой радости даниловской мамы, цепеневшей при мысли о возможной женитьбе «ее Володечки» на «алчной лимитчице», вышла замуж за другого.

Во-вторых, на конференции не было Тюленя, заведующего подстанцией Дениса Олеговича Тюленькова. Вчера утром он был вызван «на ковер» в Центр, к Сыроежкину, и с тех пор на подстанции не появлялся.

В-третьих, Лжедмитрий, сидевший по правую руку от Прыгунова, имел вид весьма унылый, хотя обычно в присутствии руководства он держался бодро и энергично.

– Что-то будет! – сказал в пространство врач с многообещающей фамилией Могила, усаживаясь на стул позади Данилова.

Конференции проводились в самом большом помещении шестьдесят второй подстанции – в комнате отдыха фельдшеров.

– Что-то всегда происходит, Леша, – ответил Данилов, с любопытством разглядывая Новицкую.

Ему почему-то было приятно прийти к выводу, что она хорошо выглядит. Не хуже, чем в институте, разве что под глазами легли тени... Или это от освещения? «Должно быть – от освещения», – решил Данилов.

Ровно в восемь пятнадцать Прыгунов поднялся со своего стула и объявил:

– Дорогие коллеги! Хочу сообщить вам о том, что Денис Олегович вчера попросил уволить его по собственному желанию, и эта просьба была удовлетворена.

Аудитория зашумела. Большая часть ее была преисполнена сочувствия к Тюленю. Денис Олегович был начальником флегматичным, снисходительным и не очень требовательным.

– Человеку свойственно ошибаться, – было его любимой присказкой.

Выждав с минуту, словно давая сотрудникам подстанции возможность свыкнуться с потерей, Прыгунов поднял руку, призывая к тишине.

Новым заведующим подстанцией назначена Елена Сергеевна Новицкая, ранее работавшая в должности старшего врача шестьдесят четвертой подстанции.

– Из молодых – да ранняя! – раздался голос фельдшера Малышкова.

Малышков дорабатывал полгода до пенсии и, естественно, никого не боялся. Напротив – его боялось начальство и предпочитало не связываться, так как оба сына Малышкова были адвокатами, готовыми засудить весь белый свет, защищая родного папашу.

– Не тебе судить, старый хрыч! – оборвала Малышкова старший фельдшер Надежда Казначеева. – Давайте лучше поприветствуем новое руководство.

С деланным энтузиазмом Казначеева захлопала в ладоши, но ее аплодисменты, не встретив поддержки, тут же увяли.

– Так вот кому не хотел портить первый день Соловьев, – шепнул Данилов, сидящей рядом с ним Вере.

– Новое начальство – это стихийное бедствие, – ответила Вера.

Глава вторая

Новая метла

– Нет, скажите мне – почему сантехника нужно ждать в течение целого дня, заказанную и оплаченную мебель везут неделями, а мы должны прибывать на место за пятнадцать минут? И по каким поводам – «таблеточки закончились» да «в спину стрельнуло»...

От визгливого, какого-то «наждачного» голоса доктора Бондаря у Данилова всегда начинала болеть голова. Поэтому он не стал задерживаться в диспетчерской. Поздоровался со всеми, получил от сменяемого доктора Федулаева наладонник и железную коробочку с «наркотой», расписался во всех журналах, число которых неотвратно приближалось к двадцати, и направился на кухню – выпить чашку кофе, если удастся. За ним увязался Эдик, еще не вписавшийся в коллектив.

– Виктор Георгиевич прав, мы действительно большую часть времени работаем вхолостую, – начал Эдик, явно приготовившись ко всестороннему обсуждению проблемы.

Оба чайника оказались пустыми – предыдущая смена выдула весь кипяток и не позаботилась о тех, кто должен прийти. Данилов решил обойтись без кофе. Пока вскипятишь воду заново – начнется утренняя конференция или получишь вызов.

– Пошли в фельдшерскую, – сказал он Эдику. – И старайся поменьше слушать Виктора Георгиевича. На серьезных вызовах он теряет от непонимания и незнания, передавая всю инициативу фельдшерам. Пустые поводы, где ничего не надо делать – это как раз для него. По Бондарю все болезни происходят от употребления жареной картошки, даже сифилис.

– Да ну? – удивился Эдик.

– Истинная правда! Попросись у Дениса Олега... у новой заведующей, чтобы подсадила тебя на сутки к Бондарю – такого насмотришься! На книгу хватит...

– Нет уж, Владимир Александрович, – твердо ответил стажер. – Я лучше с вами...

* * *

Конференцию открыла Новицкая.

– Я три дня наблюдала за тем, как происходит сдача-прием смены, – без предисловий начала она. – За все это время никто из сотрудников не пересчитывал и не проверял ничего, кроме ампул с наркотическими препаратами. Ни разу не были проверены ящики, не говоря уже о машинах...

– Мы доверяем друг другу! – с пафосом выкрикнул Бондарь.

– Желаящие высказаться смогут сделать это после того, как я закончу. – В голосе заведующей отчетливо зазвучал металл. – Прошу одиннадцатую, двенадцатую, четырнадцатую и шестнадцатую бригады принести сюда ящики для проверки. Прямо сейчас.

Четверо сотрудников, в числе которых была и Вера, поднялись со своих мест и направились к выходу.

– А пока несут ящики, я хотела бы узнать мнение Дмитрия Александровича по этому поводу. Прошу вас...

Красный как рак, старший врач встал, оглядел собравшихся, словно ища у них поддержки, и сказал:

– Вы правы, Елена Сергеевна, это никуда не годится. Я лично займусь...

– Да уж, пожалуйста, – заведующая кивком показала Лжедмитрию, что он может сесть. Тот покраснел еще больше, но остался стоять на ногах.

– Понимаете ли, Елена Сергеевна, специфика нашей работы такова...

В помещение вернулись посланные за ящиками.

– Я знаю специфику «скорой помощи», Дмитрий Александрович, – улыбнулась Новицкая. – Бывает, что за вызовами нет времени на проверку, но сегодня пока еще не было ни одного вызова...

В кармане у Данилова раздалась мелодичная трель, и одновременно из динамика, укрепленного под потолком грянуло:

– Шестьдесят два – одиннадцать – вызов! Одиннадцатая бригада – вызов!

Все как положено – стоит только сказать, что сегодня не было ни одного вызова, не постукав при этом по дереву, как вызовы посыплются сразу же.

– А зачем объявлять по селектору? – поинтересовался Эдик. – Ведь есть же коммуникатор.

– Чтобы мне не бегать по подстанции, собирая бригаду. Наладонник – один, а нас – четверо.

– Пронесло! – обрадованно сказала Вера, закидывая ящик в машину. – Чует мое сердце, она и машины проверять полезет. Послал же бог начальство...

Тут Вера осеклась, помолчала секунду-другую и, решившись, спросила:

– Владимир Александрович, а правду говорят, что вы с Еленой Сергеевной вместе в институте учились и даже... дружили?

– Правду, – коротко и несколько суховаато ответил Данилов, удивляясь про себя Вериней осведомленности.

Он никогда никому не рассказывал про свои отношения с Еленой, да и вообще никогда не говорил о ней ни с кем на подстанции. Данилов вообще не любил вспоминать прошлое. Хватало ему маминых причитаний по поводу музыкальной школы, которую сын окончил с отличием, и консерватории, поступать в которую он наотрез отказался.

Понятливая Вера тут же перевела разговор на другую тему.

– Мужчина, тридцать пять лет, плохо с сердцем... – с выражением прочитала она повод к вызову на карточке. – Стопудово – похмельный синдром! И время самое то – утро, пора на работу идти.

– Скорее всего, – согласился Данилов. – Впрочем, инфаркты в последние годы сильно помолодели.

– А правду говорят, – вступил в ученый разговор Петрович, – что после инфаркта с этим делом нелады начинаются?

– Кто о чем – а вшивый о бане! – фыркнула Вера. – У тебя, Петрович, неладов с этим делом и после смерти не будет!

– Кому оно нужно – после смерти? – резонно возразил Петрович, сворачивая на Андижанскую улицу. – Который дом там?

– Сорок второй, первый подъезд, – ответил Данилов.

– Знакомый адрес... – наморщил лоб Петрович.

– Бабка Духанова! – напомнила из салона Вера. – Зинаида Аристарховна...

– Точно! – оживился Петрович. – Что-то давно она не вызывала.

– С весны в стационаре торчит. Скоро, наверное, выпустят.

Старуха Духанова была одним из «наказаний» шестьдесят второй подстанции, одним из ее «крестов». С утра она скандалила с соседями, обвиняя их в том, что они «травят несчастную женщину ядовитым газом», закачивая этот самый газ в квартиру Духановой по электрическим проводам.

Затем Зинаида Аристарховна обновляла в розетках по всей квартире бумажные затычки, обедала и ложилась спать. Выспавшись как следует, к полуночи она начинала скучать. Израженная в единоборстве с соседями душа бывшей заведующей продуктовым магазином требо-

вала общения, понимания, сострадания, какое можно было обрести одним-единственным способом – набрать на телефоне две заветные цифры, ноль и троечку.

Поводы ушлая Духанова заявляла самые «скоропомощные»: «Задыхается», «Без сознания», «Умирает», «Плохо с сердцем», «Затянувшийся приступ стенокардии». Сама всегда представлялась соседкой, «на минутку» заглянувшей к одинокой больной женщине.

Приехавшую бригаду Духанова, разумеется, встречала сама, просила измерить давление и сделать успокаивающий укол, после чего на пару часов засыпала, затем просыпалась и снова делала вызов. Рекордной стала февральская ночь этого года, когда за одну ночь было сделано семь вызовов. От настойчиво предлагаемой ей госпитализации старуха категорически отказывалась, а вызывать к ней психиатрическую бригаду было бессмысленно – те обычно не находили показаний для госпитализации, со спокойным сердцем оставляя Зинаиду Аристарховну под наблюдением районного психиатра. Лишь изредка, когда старуха начинала вместо «скорой» досаждать милиции, утверждая, что ее зарезали или ограбили, она наконец-то попадала в стационар, и жизнь шестьдесят второй подстанции на три-четыре месяца становилась чуточку легче. Чуточку, потому что кроме Духановой были и другие...

* * *

Код набирать не пришлось – подъездная дверь была гостеприимно распахнута. Кнопка седьмого этажа в лифте не работала, поэтому пришлось доехать до восьмого, а там уже спуститься этажом ниже.

Дверь открыла молодящаяся женщина лет шестидесяти в черном халате, расписанном красными и белыми иероглифами, но все равно не похожем на кимоно.

– Ну наконец-то! – выдохнула она. – Сколько же можно ждать!

– Двенадцать минут с момента вызова, – заметил Данилов, взглянув на часы. – Где больной?

– Там! – женщина махнула рукой в сторону одной из дверей.

Данилов вошел первым и увидел совсем не то, что ожидал. Впрочем, на «скорой» к неожиданностям привыкаешь быстро. На двуспальной кровати лежал и стонал мужчина, прикрытый простыней. В том месте, где полагалось быть детородному органу, простыня вздымалась ввысь, словно гора Килиманджаро посреди Африканского континента.

Диагноз был ясен с первого взгляда – оставалось выяснить нюансы.

Данилов присел на край кровати, достал из кармана тонометр, надел манжету на предплечье страдальца, отметив при этом, как тот стонет даже при незначительном движении руки, снял с шеи стетоскоп, надел его и, накачав в манжету воздух, измерил давление, оказавшееся совершенно нормальным – сто двадцать пять на восемьдесят.

Убрав тонометр обратно, он приподнял простыню и на сей раз увидел то, что и ожидал – синюшно-багровый вздыбленный член.

– Папаверин? – на всякий случай уточнил он у смутившегося мужчины.

– Да, – негромко ответил он.

– Сколько ампул?

– Три.

– Сразу?! – не поверил Данилов.

– Нет, – мужчина попытался было отрицательно помотать головой, но тут же застонал от боли, – за ночь. В три захода.

– Ну зачем же вы так, – мягко укорил Данилов. – Сопутствующие заболевания есть?

– Нет.

– На что-нибудь еще жалуетесь?

– Нет, только на боль во всем теле.

– Это закономерно. Сами пытались как-то выйти из создавшегося положения?

– Лед прикладывал. Не помогло, – страдалец покосился на Веру, с невозмутимым видом стоявшую около раскрытого ящика с медикаментами в ожидании докторских указаний, и добавил: – Только что другое отморозил...

– Аллергия на лекарства есть?

– На пенициллины.

– Анальгин с двумя миллилитрами димедрола внутримышечно, – распорядился Данилов. – Эдуард Сергеевич, сходите за «мягкими» носилками.

«Мягкие», или если правильно – плащевые носилки, они же – «сопли», используются в тесных помещениях и домах без грузового лифта, короче говоря, там, где с обычными носилками пройти нельзя.

– Петровича звать? – уточнил Старчинский.

– Обойдемся, – на вид госпитализируемый весил не больше, чем семьдесят килограммов. – Собирайтесь в больницу, брюки можете не надевать. Просто возьмите их с собой. И не забудьте паспорт и полис.

– А дома нельзя ничего сделать, доктор? Я заплачу.

– Разве что только отрезать, – совершенно серьезно ответил Данилов, наблюдая за тем, как ловко Вера делает укол, попросив больного слегка повернуться к ней боком. – Но потом все равно придется ехать в больницу.

– Катя! – громко позвал мужчина. – Помоги мне собраться!

Выгрузка больного из дома прошла незаметно – видимо, все соседи уже разошлись по своим делам, и подъезд с прилегающими окрестностями был безлюден. Зато в приемном отделении больницы пациент с приапизмом произвел такой фурор, что Данилов на свой страх и риск закинул каталку в свободную смотровую, не дожидаясь указаний больничного персонала, и отправился на поиски дежурного по приемному врачу. У «тела» остались Вера и Эдик.

Доктор нашелся прямо в коридоре, возле туалета, где он беседовал с пожилым мужчиной восточной наружности. При появлении Данилова беседа тут же закончилась рукопожатием, после которого правая рука доктора на секунду сунулась в карман, явно пряча полученное.

Минутой позже Данилов нажал на наладоннике кнопку, извещая диспетчера о том, что он освобожден, после чего сразу же был послан в «узбекскую гостиницу» у станции метро «Рязанский проспект».

С этим местом у Данилова были связаны самые плохие воспоминания. Именно здесь, в здании гостиницы, некогда принадлежавшей Академии наук Узбекской ССР, молодой доктор Данилов получил на вызове по голове обрезком водопроводной трубы от впавшего в психоз эпилептика-китайца, к которому соотечественники, проживавшие в том же номере, вызвали «скорую помощь». Повод был стандартным и не вызывал опасений – «мужчина тридцать лет, болит живот». Данилов (он в тот день работал один, без фельдшера) нашел нужный номер, постучался, дверь тут же распахнулась и... больше он ничего не помнил.

Из нейрохирургического отделения сто пятнадцатой больницы он вышел через месяц с противным диагнозом «Посттравматическая энцефалопатия» и памятью о произошедшем в виде мучительных головных болей, возникающих как по любой пустяковой причине, так и без таковой.

Таблетки и уколы снимали боль плохо.

– Что вы хотите? – разводили руками невропатологи. – Скажите спасибо, что не стали идиотом. После тако-о-ой травмы, – глаза всех невропатологов в этом месте становились круглыми, – головные боли – это пустяк.

Данилов обязательно сказал бы незнакомому китайцу спасибо, но тот, убоявшись последствий своего поступка, сбежал и пропал навсегда. Редкие встречи с сотрудниками милиции постепенно сошли на нет. Удалось установить лишь то, что пресловутый китаец страдал при-

падками, по описанию похожими на эпилептические, и что в тот злосчастный день он перенес очередной припадок, после которого «стал странно себя вести».

На полученную страховку (все врачи «скорой помощи» в обязательном порядке застрахованы от несчастных случаев) Данилов купил крутые кроссовки, чтобы бегать по утрам и тем самым поправлять пошатнувшееся здоровье, но если работаешь на «скорой» на полторы ставки с графиком – «сутки через двое», то бегать, в сущности, нет времени. В день выхода на сутки утомляться рано поутру глупо – надо беречь силы для работы, после суток уж совсем не до бега – выспаться бы, а в единственный «нормальный» выходной между двумя дежурствами, когда ты выспался и пришел в себя, бегать почему-то совершенно не хочется.

Кроссовки, впрочем,годились на работе. Удобные, легкие, ноги в них не уставали совершенно. Оценив преимущества подобной обуви, доктор Данилов забыл про собственное, вынесенное из института убеждение, гласящее, что доктор всегда должен быть в костюме, при галстуке и в обуви классического фасона и непременно черного цвета. К ужасу матери (которая ужасалась всему, что шло вразрез с ее мнением) он начал носить кроссовки, джинсы, спортивные рубашки и просторные бесформенные свитера.

– Ты так опустился на этой своей «скорой», Володя, – качала головой Светлана Викторовна. – Брал бы пример с Игоря...

Игорь Полянский, друг и однокурсник Данилова, после института пошел по научной стезе, предусмотрительно выбрав такую коммерчески перспективную отрасль, как микробиология. Быстро накатал диссертацию о нюансах жизнедеятельности молочнокислых бактерий, был замечен и в итоге осел на одной из кафедр Института питания.

То ли в шутку, то ли всерьез, Игорь утверждал, что предпочитает иметь дело с микробами, а не с людьми, потому что микробы всегда молчат. Данилов же считал иначе. В сонной лабораторной тишине он не смог бы выдержать и одной недели.

На сей раз «подскочило» давление у одного из гостей столицы, бизнесмена из Саратова. В благодарность за быстрое приведение в нормальное состояние, Данилов получил роскошную визитную карточку, выполненную в виде золотой гравированной таблички и настойчивое предложение «приобрести по дармовой цене земельный участок на берегу Волги».

– И соседи хорошие, – бубнил оклемавшийся бизнесмен в спину уходящему Данилову, – чиновники городской администрации, несколько генералов, прокурор... – соглашайтесь.

– Спасибо, мы подумаем, – вежливо ответил Данилов.

От предложения на версту разило мошенничеством, к тому же участок в Саратове никому не был нужен.

– Формовская пятьдесят два, второй подъезд, женщина, девятнадцать, болит живот, – озвучил Данилов следующий вызов.

– Аппендицит или внематочная, – уверенно заявил Петрович.

– Молчи, Кассандра! – ответил Данилов.

Дверь открылась без звонка, стоило только Данилову и Вере подойти к ней.

– Как быстро! – восхитилась девушка лет двадцати, запахнутая в длинный, до пола, махровый халат.

– К себе вызывали? – осведомился Данилов, заходя в квартиру.

– К подруге, – ответила девушка.

Моя руки в ванной комнате, Данилов поразился ее убогости. Облезшая наполовину масляная краска на стенах, доисторическая ванная и раковина в потеках ржавчины и чего-то черного, похожего на обычную грязь.

«Наркоманки, – подумал Данилов. – Или просто неряхи, живущие в съемной квартире».

Больная лежала на диване, попеременно поглаживая живот обеими руками. Джинсы были расстегнуты и спущены, футболка задрана вверх, выставляя напоказ небольшие крепкие груди со втянутыми сосками.

– Что вас беспокоит? – Данилов присел на краешек дивана.
– Неприятное ощущение в животе, – ответила страдальца.
– Какое именно ощущение? Боль? Жжение? Колика?
– Нет, – девушка отрицательно помотала головой. – Ощущение... Ну, доктор, знаете как это бывает?

– Не знаю, – честно признался Данилов. – А поконкретнее вы объяснить можете или нет?
– Но я же не врач! – обиделась пациентка. – Это вы должны мне объяснить, что я чувствую!

– Вот именно! – поддакнула подруга, стоявшая за спиной у Данилова.
– Попробую, – Данилов приступил к осмотру. – Снимите майку и джинсы!
– Трусы тоже? – осведомилась пациентка, послушно выполняя распоряжение.
– Трусы пока можно оставить, – разрешил Данилов.

Зрачки у девушки оказались нормальными, не суженными, следов от инъекций не было нигде – ни на руках, ни на ногах. Ногам, будучи по работе хорошо знакомым с наркоманскими повадками, Данилов уделил особое внимание, так как многие наркоманы, желая скрыть свое пагубное пристрастие, делали инъекции в разные места на ногах, гордо демонстрируя окружающим чистые, без малейших следов инъекций, руки.

Живот был мягким и совершенно безболезненным при пальпации.

– Где тут ваше ощущение? – спросил Данилов.

– Оно везде, – ответила пациентка.

– Месячные давно были?

– Позавчера закончились.

– А что вы сейчас чувствуете?

– Щекотку! – призналась пациентка.

– Сдается мне, что вы здоровы, – сказал Данилов, закончив осмотр. – Но я, как и все люди, могу ошибаться, недооценивая глубину и тяжесть ваших замечательных ощущений. Так что, ради нашего общего спокойствия, можно проехать до больницы, там вас понаблюдают в течение суток и, если потребуется, окажут помощь.

– В больницу страшно! – высказалась подруга. – Лучше пусть пока дома полежит.

– Пусть, – согласился Данилов. – Ощущения могут пройти сами собой.

– Кажется, они уже прошли, – улыбнулась пациентка. – Точно – прошли!

Она пошлепала себя по животу.

– Здорово! Вы доктор – чудесник! Спасибо вам! Я могу встать?

– Вы можете делать все, что вам захочется, – разрешил Данилов. – Только «скорую» больше не вызывайте, ладно?

– Зачем вызывать? – пожала плечами исцелившаяся. – Ведь вы меня вылечили!

Выйдя из квартиры, Вера прошептала:

– Можно было бы и психбригаду вызвать.

– Какой повод? – тоже шепотом спросил Данилов. – Если даже она не в себе, то ничего опасного для себя или общества пока не делает.

– Сейчас еще к какому-нибудь дураку поедем, – Вера перехватила ящик в другую руку. – Закон парных случаев.

– Лучше бы он на зарплату распространялся, твой закон парных случаев, – ответил Данилов.

Следующим пациентом оказался самоубийца-симулянт – молодой парень, который, поругавшись с родителями, аккуратно поцарапал себе оба запястья, изображая готовность настоять на своем даже ценой собственной жизни.

К приезду бригады кровь на царапинах уже успела свернуться.

– Ах, мальчик чуть не истек кровью! – намекая на то, что ждать помощи пришлось бесконечно долго, причитала толстая родительница, то и дело поднося платок к покрасневшим глазам. – Еще бы чуть-чуть...

– Еще бы чуть-чуть, и эти царапины зажили бы, – закончил начатую ею фразу Данилов, разглядывая «мальчика» – тощего нескладного юношу, с длинными сальными волосами, неопрятной щетиной на лице и маленькими бегающими глазками.

Зрачки у него были размером с булавочную головку.

– Наркотики принимаете? – не то спрашивая, не то утверждая, произнес Данилов.

Парень молча отрицательно помотал головой, мать выдавила из себя деланно негодующее «Ну что вы!», а отец, до тех пор сидевший в ногах сыновней постели, возмутился:

– Вы приехали, чтобы оказать помощь или издеваться?!

– Чтобы оказать помощь, – поспешно подтвердил Данилов, чутьем угадав в отце скандалиста по призванию. – Просто положено, при попытке самоубийства интересоваться...

Ложь пришлась кстати – родители больного тут же успокоились, убедив себя в том, что им удалось скрыть свою беду от посторонних.

– Вера, наложите, пожалуйста, повязку, а вы, молодой человек, собирайтесь в стационар.

– Он никуда не поедет! – хором сказали оба родителя.

– Я все равно жить не буду! – добавил сын, морщась от перекиси, которой Вера обрабатывала его раны.

– По существующему положению, все суицидальные попытки подлежат неременной госпитализации в психосоматическое отделение для стационарного лечения, – объяснил Данилов, больше обращаясь к матери пациента. – Это обусловлено необходимостью предотвращения повторных попыток. Кстати, ваш сын только что заявил о том, что он не отказался от своего решения.

– А я никуда не поеду!

– Поедешь! – рявкнула мать. – А будешь упираться – я тебя на руках в машину отнесу! Связанного!..

Психосоматических отделений в Москве немного. Несостоявшегося самоубийцу пришлось везти в Первую градскую, через пол-Москвы. По дороге мать, не переставая, честила свое чадо на чем свет стоит и надоела всем так, что, едва избавившись от нее и ее сына, Вера вздохнула и сказала:

– У такой мамы и колоться начнешь, и вены резать.

– Он пока еще «колесами» балуется, – обронил Данилов, – руки чистые, без следов.

– А у нас на курсе один парень в вены яичка колелся, – поведал Эдик. – Удобно и место невидное.

– Тогда откуда ты знаешь? – поддела его Вера, с каждым дежурством проявлявшая все больше интереса к симпатичному стажеру. – Вместе кололись.

– Нет, ну что вы, – уши Эдика зарделись. – Его декан в туалете застукал.

– А декан тоже уколиться зашел? – заржал Петрович.

Эдик замолчал, не желая давать больше поводов для насмешек.

– Привыкай, – посоветовал ему Данилов. – Это «скорая помощь», где шутник на зубоскале сидит и юмористом погоняет. Тебя еще не разыгрывали ни разу?

– Нет.

– Значит, все у тебя впереди...

На подстанцию удалось заехать только в шестом часу вечера, когда никого из начальства уже не было – ни заведующей, ни старшего врача, ни старшего фельдшера.

– Что тут было! – увидев входящего в диспетчерскую Данилова, начала диспетчер Валя Санникова. – Выговоры сыпались градом, молнии летели в разные стороны, Лжедмитрия чуть кондратий не хватил!

– С чего бы так?

– Огрёб неполное служебное соответствие. И вдобавок выговор за ослабление контроля.

– А кто еще пострадал?

Данилов протянул Вале заполненные карты вызовов. Он предпочитал писать их в машине, на ходу, чтобы не заниматься писаниной поутру на подстанции. Диспетчеры это ценили – им было важно, чтобы карты вызовов сдавались вовремя.

– Язов и Сорокин получили за отсутствие комплекта чистого белья в машине, Петров и Саркисян – за неработающий «ан восемь», Рябчиков и Кокс – за неполностью укомплектованный ящик, а Жгутиков – за выезд на вызов без наладонника.

– Опять в туалете забыл?

– Естественно! Пришлось возвращаться с полдороги. Хоть на вызов и не опоздали, на Ферганский бульвар был вызов, но выговор Артем Иванович получил.

– Расстроился, наверное?

– А то! Запыхтел и сказал, что уйдет работать в поликлинику. Короче, Вова, вам с Верой повезло – вовремя удалось смыться.

– Предопределенное – неизбежно, – пошутил Данилов. – Мой выговор от меня никуда не денется.

– Ну и свезло нам, – покачала аккуратно уложенной прической Валя.

Будучи диспетчером, сутки проводящим в помещении подстанции, она могла позволить себе подобную роскошь – на линии прически выдерживали недолго. Ветер, теснота и все такое прочее.

– Пойду сделаю пробную яйцекладку...

В переводе на обычный язык Данилов сообщил, что не прочь чуток вздремнуть в паузе между вызовами.

– Попробуй, – сказала Валя, а ее напарница Лена Котик оторвалась от компьютерного монитора и елеиным голоском спросила:

– Владимир Александрович, а правда, что вас планируют назначить вместо Кочергина?

– Впервые слышу, – опешил Данилов. – Откуда такие новости?

– Ну ведь вы же в хороших отношениях с новой заведующей, – протянула Котик, – все знают, что вы вместе учились и не только...

«Как они узнали? – изумился Данилов. – Неужели Елена принародно пускалась в воспоминания? На нее непохоже».

На самом деле, Новицкая не пускалась ни в какие воспоминания. В первый день ее работы в новой должности она попросила старшего врача заочно представить ей сотрудников подстанции. Когда дошли до Данилова, Елена Сергеевна сказала:

– Доктора Данилова можно пропустить, Дмитрий Александрович, мы вместе учились, и я хорошо его знаю.

– Хорошо, – ответил Лжедмитрий и перешел к доктору Пыжненко, толстой невозмутимой врачихе из Таганрога.

Разумеется, сразу же по окончании представления Дмитрий Александрович поспешил разнести по подстанции новость, изрядно ее приукрасив, и – совершенно неожиданно – попал в цель. Его ложь случайно оказалась сильно похожей на правду.

– Я действительно учился вместе с Еленой Сергеевной с первого курса по пятый. К пятому курсу она вышла замуж и вскоре взяла академический отпуск по беременности. С тех пор мы с ней не виделись...

– Какой ужас! – Котик закатила глаза кверху.

Данилов почувствовал хорошо знакомую пульсацию в висках. Чтобы не сказать дуре Котик какую-нибудь грубость, он поспешил уйти из диспетчерской в комнату отдыха, где в одиночестве скулал доктор Саркисян.

Обрадовавшись приходу Данилова, он попытался обсудить с ним новости:

– Вова, представляешь – мне дали выговор! За какую-то совершенно незаметную утечку закиси азота!

– Странствие очищает душу, Артур, – Данилов уселся в кресло и прикрыл глаза.

Саркисян понял, что разговора не получится, и затих в ожидании новой жертвы...

* * *

По окончании утренней конференции заведующая встала, нашла взглядом утомленного дежурством Данилова и попросила:

– Владимир Александрович, загляните, пожалуйста, ко мне. Прямо сейчас.

«Ну теперь нас точно произведут в любовники», – подумал Данилов.

Кабинет заведующего подстанцией преобразился. Чистота, порядок, кактус на подоконнике. Перехватив взгляд Данилова, Новицкая улыбнулась:

– Кактусы всегда были моей слабостью.

– Я помню, – отозвался Данилов.

– А что ты еще помнишь? – заведующая уселась за стол и жестом указала Данилову на один из четырех свободных стульев, протянувшихся в ряд вдоль стены.

При Тюленькове стулья обычно стояли в центре кабинета или у стола. На одном из них обычно висел пиджак хозяина, на другом – лежали папки с документами, на третьем – фармацевтический справочник, на четвертом – еще что-нибудь.

Данилов сел и выжидательно посмотрел на начальницу.

– Что ты еще помнишь? – повторила свой вопрос та.

– Елена Сергеевна, дежурство выдалось утомительным, но скучным, – глядя прямо в ее зеленые с искорками глаза, ответил Данилов. – Вспомнить нечего. Разве что вся подстанция обсуждает наши с вами мнимые взаимоотношения и прочит мне место старшего врача.

– А из вас мог выйти неплохой старший врач, Владимир Александрович, – принимая вызов, перешла на «вы» Новицкая.

– Наверяд ли, – ответил Данилов. – Я не люблю поучать людей.

Глава третья

Заговор

На подстанции – чрезвычайное происшествие. Авария. Машина четырнадцатой бригады перевернулась на повороте, возвращаясь с последнего вызова на подстанцию. За рулем был «чужой», подменный водитель, присланный вместо заболевшего бригадира Терещенко.

Бригадиров среди водителей трое – по одному на каждую смену. Работают бригадиры только на суточных бригадах.

Вообще-то «скорая помощь» – это не одна, а две разные организации «в одном флаконе». Дело в том, что у всех прочих экстренных служб – у пожарных, у милиции, у спасателей, автомобили собственные, принадлежащие той же организации. Автомобили московской «скорой помощи» принадлежат не станции, а автобазе «Моссанавтотранс», которая находится в Филях. Этой автобазе принадлежит вообще весь государственный санитарный транспорт в столице. Медицинские учреждения берут у нее в аренду автомобили вместе с водителями. Разумеется – за деньги. Автобаза ежемесячно выставляет станции «скорой» и «неотложной помощи» счет, и станция оплачивает аренду.

Машина перевернулась по вине водителя, так что с аварией предстоит разбираться автобазе – это ее ЧП. Подстанция в который уже раз слушает рассказ доктора Сафонова и радуется, что с бригадой ничего не случилось.

– Представляете – плавно так легли на бок и, вращаясь юлой, еще метров сто по асфальту проскрежетали! – взхлеб рассказывает в диспетчерской Сафонов.

Сначала метров было двадцать, потом стало пятьдесят, а теперь уже сто. Фантазия Сафонова не знает границ. Он вразвалочку сидит на стуле и делится с товарищами пережитым.

– Я чуть ящиком по голове не получил! Слава богу – обошлось.

– А вылезали как? – интересуется фельдшер Лена Еременко, не слышавшая еще эту историю.

– Мы с Коксом через задние двери, а наш «раллист» через свою. Завалились же на правый бок.

– Виталь, ты ему хоть по морде разок успел съездить? – спрашивает доктор Могила. – Я бы не удержался.

– Какое там – по морде! – машет рукой Сафонов. – Нас снимали со всех сторон. Мы даже обалдели. Вылезаем со Стасиком и видим вокруг лес рук с мобильниками. Человек двадцать, не меньше, столпилось вокруг и фотографировали. Толкались, спорили, ракурсы выбирали, но ни одна собака не поинтересовалась: «Может помочь чем-нибудь?».

– А я решил подшутить, – говорит фельдшер Стасик Кокс, богатством фантазии превосходящий Сафонова. – Ломанулся от машины, вроде как в панике, и ору: «Спасайся, Виталь Иванович, у портативной рентгенустановки контейнер с ураном треснул! Сейчас облучимся! А-а-а!» Всех фотографов словно волной смыло. Вместе с идиотом водителем.

– Наверное, он задумался за рулем! – многозначительно произносит доктор Жгутиков и под дружный смех коллег покидает диспетчерскую.

– Артемушка опять на вызове начудил, – говорит Еременко, убедившись, что в диспетчерской нет старшего врача, обожающего подкрасться потихоньку и слушать разговоры сотрудников. – Могут и жалобу написать.

– Опять женщину с больным животом полтора часа осматривал? – Сафонов недоволен тем, что вниманием аудитории пытается завладеть кто-то другой.

Артем Иванович Жгутиков – старый холостяк. В Твери у него осталась мама, звонящая ему на мобильный по десять раз на день. Мама напоминает сыну, чтобы тот не забыл зонт, не забыл поесть, не забыл надеть шапку, не забыл выключить утюг, не забыл завести будильник...

Про наладонник мама не напоминает, и поэтому Жгутиков то и дело забывает его, преимущественно в туалете. К этому уже все привыкли.

Артем Иванович сносно разбирается в медицине, не пьет спиртного, не курит и отличается поразительной невозмутимостью и редкостным миролюбием. Никто на подстанции за пять лет не видел его в раздражении или гнев. Самые скандальные больные утихают, когда Артем Иванович советует им «попить водички мелкими глоточками», чтобы успокоиться.

У доктора Жгутикова всего один недостаток – тяга к длительному осмотру и ощупыванию молодых женщин. Столь интенсивное внимание никогда не влечет за собой никакого продолжения. Артем Иванович живет по принципу – натешился и забыл. Но тешится он долго. Водители, привезя доктора Жгутикова на вызов с поводом «женщина тридцать лет, болит живот», усаживаются в своем кресле поудобнее и закрывают глаза в предвкушении полутора, а то и двухчасового сна. То, что норма времени на обслуживание обычного, ничем не осложненного вызова, равна сорока минутам, доктора Жгутикова не волнует совершенно. «Все люди разные, – терпеливо объясняет он старшему врачу, – у некоторых сбор анамнеза проходит очень долго. Буквально клещами приходится вытаскивать сведения».

– Хуже, – Еременко понижает голос. – Сейчас были на детском вызове...

– Мальчик два месяца, температура тридцать девять? – уточняет диспетчер Сиротина. – Ташкентский бульвар, дом восемнадцать?

– Да-да.

– Там повтор. Пятая бригада с шестьдесят четвертой поехала.

Пятая бригада – педиатрическая. Детские вызовы – ее хлеб, ее профиль. Правда, педиатров на всех детей не хватает, и тогда вместо них на детские вызовы едут обычные линейные врачи.

– Короче – приезжаем мы на вызов. Открывает нам дверь мамочка. Такая вся из себя фигуристая и аппетитная, – Еременко руками показывает впечатляющий размер форм молодой матери. – Все так из халатика и норовит вывалиться. Артем Иваныч как увидел ее, так сразу покраснел, запыхтел и говорит: «Учитывая, что ребенку два месяца, вначале я должен осмотреть мать. Вдруг у вас какая-нибудь инфекция...»

– Юморист! – вздыхает Люся Сиротина.

Люся – землячка Жгутикова и оттого считает себя обязанной покровительствовать ему. Старается выгородить перед начальством, угощает пирожками собственной выпечки, одалживает небольшие суммы денег, которые Жгутиков исправно возвращает. Артем Иванович принимает ее заботу, как должное. Он привык к тому, что о нем кто-то постоянно заботится.

– Крутил-вертел он ее битый час! – продолжает Еременко. – Ощупал все, что только можно и что нельзя. Натешил душу и говорит мне: «Пойдемте, Елена Викторовна». Я встаю, подхватываю ящик и иду к дверям.

– А что мамочка? – спрашивает Сафонов.

– А мамочка удивляется: «Разве вы, доктор, ребенка смотреть не станете?» Артем Иваныч ей отвечает: «Нет, не станем. Мы вообще-то «взрослая» «скорая помощь». К ребенку вызывайте детскую».

– Так и не посмотрел младенца?! – ахает Сиротина.

– Так и не посмотрел, – подтверждает Еременко. – Я ему в лифте замечание сделала, так он стал утверждать, что вызов к мамаше был, пока повод в наладоннике не посмотрел. Замкнуло его при виде женских прелестей.

– Так можно было вернуться, – замечает Кокс.

– Не захотел, – разводит руками Еременко. – Да и что ему там делать? Опять мамочку щупать? Педиатры поехали – и ладно.

– Если они эту историю услышат в мамочкином исполнении, да стукнут на Центр... – Сафонов многозначительно округляет глаза.

– Дадут еще один выговор, – машет рукой Лена. – Этим нашего Жгутикова не проймешь. Он вообще хочет уйти в поликлинику работать, там спокойнее.

– Зато не так интересно – к терапевту одни старухи ходят, – шутит Стасик...

Пока свободные бригады обменивались новостями в диспетчерской, в крошечном кабинете старшего фельдшера шло тайное совещание с участием самой хозяйки, старшего врача и выездного врача Людмилы Рогачевской.

На повестке дня стоял всего один вопрос: «Что делать?».

– Проверкой ящиков и машин она не ограничится, поверьте мне, – Казначеева говорила еле слышно. – Это такая стерва! На шестьдесят четвертой до сих пор не нарадуются, что избавились от нее. Вьедливая, настырная...

– Чего вы хотите, Надежда Константиновна, девушка делает карьеру. На кого еще надеяться матери-одиночке, как не на себя саму?

Обе женщины были внешне сильно похожи друг на друга – высокие шатенки, с правильными чертами лица, с почти одинаковыми короткими стрижками. Разнились только глаза – у Рогачевской они были большими, «кукольными», а у Казначеевой прятались в глубине глазниц.

– Я тоже мать-одиночка, Людмила Георгиевна, если кто забыл. Но я же из-за этого не лезу со своим уставом в чужой монастырь. Можно подумать, что все вокруг дураки, а она одна умная. Екарный бабай!

– Бабай тут ни при чем, – оборвал Казначееву Лжедмитрий. – Хватит слов. Теперь нам надо действовать с учетом обстановки. Осторожно и аккуратно. Но – действовать, а не сидеть сложа руки. Использовать любой повод, любую возможность...

– Дима, ты надеешься, что Елена Сергеевна даст тебе повод? – усмехнулась Казначеева. – Не будь наивным – повод нужно создать.

– Пусть так, Надя! – согласился старший врач. – Предложи вариант, при котором никто бы не погорел.

– В смысле?

– Ну никому ведь не хочется ложиться грудью на амбразуру...

– Скажите пожалуйста – грудью на амбразуру, – глумливо передразнила его Казначеева. – Тебе вообще, кроме работы, на линии ничего не грозит. Это нам с Людмилой Георгиевной, если что, перед наркоконтролем придется отдуваться.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – Рогачевская поплевала через левое плечо и одновременно постукала по деревянной столешнице.

– Надо дать вал, – продолжала Казначеева. – Чтобы посыпались жалобы от населения, чтобы линейный контроль сидел на подстанции, не вылезая, чтобы все видели, что в сравнении с Тюленьковым, Елена Сергеевна никуда не годится.

– И тогда Прыгунов заберет ее обратно, – улыбнулся Кочергин. – А я, с божьей помощью, как говорится, стану заведующим.

– Ишь, размечтался, – хмыкнула хозяйка кабинета. – Да он небось рад без памяти, что отделался от такой ведьмы! Думаешь, для чего он ее наверх продвинул? Иначе никак от нее избавиться не мог.

– Да ну? – не поверил старший врач.

– Ты людей послушай, которые с ней работали, и все поймешь...

– Значит так – жалобы от населения я обеспечу, – пообещала Рогачевская, переводя беседу в деловое русло. – Штук двадцать – тридцать, если не больше. Есть такая возможность. Рогачевская жила рядом с подстанцией.

– Только уж постарайтесь, чтобы все жалобы шли не только из одного вашего дома, – попросила Казначеева. – Чтобы все было... красиво.

– Учите других, которые помоложе, – огрызнулась Рогачевская. – Я ведь не тупая – сообщаю помаленьку.

– Ну и славно. А тебе, Дима, придется поработать над созданием определенного мнения о новой начальнице на Центре. Ты получил шершавого за сдачу – смену без проверки – устрой несколько проверок так, чтобы по их причине пошли задержки. . . Нет, не так. Лучше попроси, настойчиво попроси Сорокина, Бондаря и Сафонова долго и придирчиво принимать смену. Пусть «встанут» вызовы, ты вмешаешься, поднимешь шум и выставишь новую начальницу не в лучшем свете. Сам знаешь, что для Гучкова один свет в окошке – отсутствие задержек. Пусячок – а полезно. А я поговорю с Кутяевой – пусть устроит Елене Сергеевне какой-нибудь демагогический скандалец в своем репертуаре.

Ирина Кутяева происходила из крепкой своими пролетарскими устоями семьи потомственных сварщиков. Даже муж ее – и тот был сварщиком. Наследственность и среда сделали фельдшера Кутяеву стойким борцом за свои права, ущемление которых мерещилось ей постоянно. Суровый муж-сварщик находился у нее под каблуком до такой степени, что совершенно не мешал своей любимой супруге почти в открытую крутить роман с водителем Колей Селивановым. И прежний заведующий, и Лжедмитрий избегали делать Кутяевой замечания – берегли нервы и репутацию. Как-то раз линейный контроль поймал Кутяеву, в одиночку работавшую на перевозке больных, на заезде в супермаркет. Кутяева не ограничилась скандалом, устроенным контролеру прямо у машины. В тот же день она написала письменную жалобу на имя главного врача станции, в которой заявила, что контролер остановил их машину во время следования в сто пятнадцатую больницу за больным, нуждавшимся в транспортировке, и начал откровенно домогаться у нее физической близости. После категоричного отказа честной женщины контролер взъярился и устроил пакость – обвинил бригаду в самовольном заезде в магазин.

Кутяеву, вместе с водителем Селивановым, вызывали на Центр, к заместителю главного врача Сыроежкину который пытался найти правду, устроив всем участникам инцидента очную ставку, и был сражен обилием красочных подробностей происшедшего, вываленных честной женщиной и невинным водителем. Выговора Кутяева с Селивановым так и не получили – отбазарились, отбрехали.

– Да, эта троица возражать не станет, – протянул старший врач, имея в виду докторов Бондаря и Сафонова и фельдшера Сорокина, которым он многократно «спускал грехи на тормозах» за вознаграждение в виде небольшой суммы денег или одной-двух бутылок хорошей водки.

За задержку вызова, пусть даже и по «уважительной» причине, однозначно следовал выговор, но ради сохранения хороших отношений с Кочергиным любой из трех пошел бы на это.

– И еще попробуй умыкнуть у кого-нибудь кардиограф, хотя бы у Жгутикова. Все равно целыми днями торчишь на подстанции без дела.

– И что я с ним буду делать? – удивился Лжедмитрий.

– Принесешь мне, – ответила Казначеева, – а дальше уж мое дело. Я подпорчу кое-что из оборудования в машинах и немного намудрю со списанием медикаментов.

– Тут ты мастер! – не то польстил, не то подпустил шпильку старший врач.

– А то! – Старший фельдшер игриво повела тщательно выщипанными бровями.

Шестьдесят вторая подстанция – не из больших. Всего шесть машин, из которых три полусуточные, поэтому Казначеева, будучи старшим фельдшером, спокойно справлялась и с обязанностями заведующей аптекой, причем это совмещение приносило ей куда больше выгоды, нежели «основная» должность.

В кармане у Рогачевской подал сигнал наладонник:

– Шестьдесят два – четырнадцать – вызов, четырнадцатая бригада – вызов.

Рогачевская встала, переглянулась с Казначеевой и вышла из кабинета, неслышно приотворив за собой дверь.

– А как она собирается организовать такое количество жалоб? – спросил Лжедмитрий, указывая глазами на стул, на котором сидела Рогачевская, как будто и без того не было ясно о ком идет речь.

– Так у нее мать работает завучем в школе на Ферганском бульваре. Ее весь район знает, и она всех знает. Думаю, что через нее Рогачевская все и организует.

Доктор Рогачевская, женщина коммуникабельная и безотказная, подрабатывала всеми возможными путями. Госпитализировала приезжих в столичные стационары, якобы по «скорой помощи», а на самом деле – по договоренности, списывала налево и направо все, что можно было продать, пыталась «выколотить деньги» чуть ли не на каждом вызове. Полторы ставки с выслугой лет и высшей категорией, вместе с побочными заработками порой приносили ей до ста пятидесяти тысяч в месяц, которые Рогачевская с удовольствием тратила на себя, не вылезая в свободные дни из салонов красоты и магазинов.

– Ладно, пора за работу, – Казначеева дала понять, что «совещание» окончено. – Мне кучу отчетов доделать надо.

– А мне анализом карт заняться... – Лжедмитрию не хотелось выглядеть бездельником.

– Занимайся, пока есть возможность. На линии у тебя другие дела будут.

«Сука! – подумал Дмитрий Александрович, скрывая свои мысли за искусственной улыбкой. – Сама дня на линии не работала, а туда же, угрожает...»

Надежда Казначеева действительно ни дня не работала на линии. Она пришла на «скорую» диспетчером, была замечена начальством и в скором времени из диспетчеров «поднялась» в старшие фельдшеры.

* * *

Пока нити заговора сплетались в веревку, грозящую затянуться на ее шее, Елена Сергеевна сидела в своем кабинете, разбирала бумаги, оставшиеся в ящиках стола от ее предшественника, и между делом пыталась дозвониться до своего бывшего мужа, чтобы узнать – соблаговолит ли он почтить своим присутствием день рождения их сына Никиты, которому в ближайшую субботу исполнялось одиннадцать лет.

Мобильный не отвечал, а в офисе адвокатской конторы «Новицкий и партнеры» секретарша сказала ей профессионально вежливым и безразличным голосом:

– Юрий Павлович уехал на встречу с клиентом и пока не возвращался. Как доложить о вашем звонке?

– Спасибо, никак, – поблагодарила Елена Сергеевна и время от времени позванивала на мобильный.

Прежде чем определиться с детским праздником, следовало узнать планы отца, чтобы избежать очередной серии обвинений в препятствии его встречам с сыном.

«Сам перезвонит», – Елена Сергеевна наконец отказалась от бесплодных попыток и углубилась в чтение объяснительной, написанной выездным фельдшером Еременко Е.В. на имя заведующего шестьдесят второй подстанцией Тюленькова Д.О.

«По существу обвинения меня в краже французской пудры на вызове по адресу Есенинская улица дом двадцать четыре, квартира сорок, имею сообщить следующее – никакой пудры по данному адресу я не краля».

Елену Сергеевну, как жену адвоката, пусть даже и бывшую, поразили «профессиональные» обороты речи в объяснительной «по существу обвинения», «имею сообщить следующее». Странно – откуда у фельдшера «скорой помощи» взяться такому лексикону.

Объяснительных в столе у Тюленькова хранилось много – с полсотни. Чувствовалось, что предшественник не любил «давать хода» жалобам, когда это зависело от него, и ограничивался получением объяснений, которые попросту складывал в ящик стола.

Разложив объяснительные по фамилиям, Елена Сергеевна сосчитала их и, на всякий случай, набросала на листе откидного календаря, лежавшего перед ней на столе, список:

*«Д-р Сафонов – 6
Д-р Рогачевская – 5
Д-р Бондарь – 5
Д-р Пыжненко – 3
Д-р Жгутиков – 2
Д-р Могила – 1
Д-р Саркисян – 1
Д-р Грунин – 1
Ф-р Сорокин – 6
Ф-р Еременко – 4
Ф-р Кокс – 4
Ф-р Леонова – 3
Ф-р Мальшиков – 3
Ф-р Рябчиков – 2
Ф-р Язов – 2
Ф-р Строкова – 1».*

Ей почему-то стало приятно, что в списке не оказалось доктора Данилова. Вздохнув, она призналась себе, что ее бывший возлюбленный остался таким же хамоватым, каким и был, но кому, как не ей, было знать, что хамство у него наносное, своеобразный защитный слой. Подперев голову рукой, Елена Сергеевна ударилась, было, в воспоминания, но быстро спохватилась и принялась рвать объяснительные по две или по три на мелкие клочки и бросать в корзину для мусора. При этом она старалась думать о работе, но – безуспешно. Настырный Вовка Данилов все возвращался и возвращался в ее мысли, и она ничего не могла с этим поделать.

«Интересно, он еще играет на скрипке или нет?» – подумала она, разрывая последние листы...

Данилов продолжал на досуге играть на скрипке и не собирался бросать это занятие. Скрипка дарила ему радость и помогала расслабиться (коллега Конан-Дойль сильно ошибся, заставив Шерлока Холмса играть на скрипке для того, чтобы сосредоточиться – скрипка только успокаивает, дарит покой, для концентрации мыслей как нельзя лучше подходит барабан).

Единственным недостатком музицирования был немой, уже давно не высказываемый вслух, укор во взоре матери, когда-то, с подачи педагогов музыкальной школы, прочившей сыну блестящее будущее в музыке и грандиозную исполнительскую славу. Светлана Викторовна не сомневалась в выборе своего Володи до тех пор, пока он не сообщил ей, что намерен поступать в медицинский.

– Что там хорошего?! – заламывала руки Светлана Викторовна.

Стройная, подтянутая, безукоризненно ухоженная, она как две капли воды была похожа на голливудскую актрису Мерил Стрип и втайне, про себя, гордилась этим сходством.

– Кровь, грязь, вонь, бесконечные страдания, ночные дежурства! Почитай Вересаева, он хорошо описывал свою профессию!

Светлана Викторовна преподавала русский язык и литературу в одном из московских лицеев.

– У нас в роду вообще не было врачей!

– Твой прадед работал половым в трактире, – бестактно напомнил сын. – Что же мне теперь – в официанты идти?

– Какие официанты? Музыка – вот твоё призвание!

– Музыка – это мое хобби! – отрезал сын и так посмотрел на мать, что та сразу поняла – решения своего он не изменит.

Лишь изредка, не чаще одного – двух раз в год, Светлана Викторовна позволяла себе высказать сожаление о несостоявшейся музыкальной карьере сына вслух. В ответ тот рассказывал матери о том, сколько человек и каким образом он спас от смерти за последнюю неделю, после чего тема считалась исчерпанной.

– Володя, будешь сырники на ужин? – спросила Светлана Викторовна, дождавшись, пока сын сделает паузу в игре.

– Буду! – ответил Данилов и снова вскинул смычок.

Уплетая обжигающие вкусные сырники, он вдруг сказал матери:

– А у нас новая начальница.

– Симпатичная? – улыбнулась Светлана Викторовна, в последнее время начавшая тяготиться холостым положением сына.

– Ты ее знаешь, – ответил он. – Помнишь Лену Морозову? Только теперь она Новицкая.

Предчувствие беды сжало сердце матери столь сильно, что она чуть не выпустила из рук сковородку с очередной порцией своих «фирменных» сырников.

Глава четвертая Выбора

– Тяготит однообразие, – пожаловался Эдик. – Скоро кончается моя стажировка, а сколько ситуаций еще остались неотработанными.

– В две недели всю жизнь не впихнуть, – подмигнула Вера. – Подожди, всему свое время.

– Хорошо бы сегодня на некупируемый отек легких угодить или к буйному психу... Ой!

Характерный звук, раздавшийся в салоне, позволил Данилову предположить со стопроцентной вероятностью, что Вера, привстав со своего вращающегося кресла, отвесила невоздержанному на язык стажеру подзатыльник. Оборачиваться, чтобы убедиться в своей правоте, ему не хотелось – тело, утомленное десятичасовым служением обществу, наслаждалось недолгим покоем и не желало совершать никаких движений.

– Настанет день – и ты выйдешь на работу полноправным выездным врачом «скорой помощи», – не меняя положения, громко сказал Данилов. – И вот тогда мы с Верой накаркаем тебе такую «веселую» смену, что мало не покажется.

– Уж постараемся, – пообещала Вера.

– И что вы прицепились к человеку! – вступился за Эдика Петрович. – Правильно он говорит – учиться во время стажировки надо, иначе для чего стажировка эта нужна?

– Вот и я об этом, – обрадовался Эдик. – А вы сразу...

– Петрович вступает за тебя не от чистого сердца, – пояснил Данилов, – дело в том, что у водителей и у медиков разные понятия о трудном вызове. Для нас, например, госпитализация больного с переломом ноги в больницу на другом конце города – просто праздник. Обезболил, наложил шину и спи – отдыхай. Два, если не три часа туда и столько же обратно. По любому лучше в машине дремать, чем по подъездам бегать. А для водителей такой вызов – сплошной геморрой.

– Это точно, – подтвердил Петрович. – Не по какому-нибудь Мухосранску ведь ехать – по Москве.

– Зато столь любимый вами, коллега, некупируемый отек легких или же пятичасовое ожидание психиатров в веселой компании буйного психа являются для водителя подлинным благословением небес – спи себе в кабине или газетку почитывай. Диалектика!

– Это в Питере, говорят, хорошо водителям на «скорой», – Петрович врубил «светомузыку», пытаясь расчистить себе дорогу.

– Почему? – спросила Вера. – Нагрузки меньше? Или машин на дорогах?

– Нет, просто там ночью мосты разводят, и оттого каждая подстанция катается по своему острову, без дальних концов. Красота!

– Так в чем же дело, Петрович? – Вера не может не поддеть. – Питер ждет! Чего ты в Москве застрял?

– Ну ты сказала! – от удивления Петрович забыл выключить сирену с мигалкой, в которых уже не было нужды. – У меня здесь семья, дети, внучка, дача. Куда мне в Питер?! Да и потом – там хорошо, где нас нет.

Трель наладонника возвестила о вызове.

– Формовский проезд, одиннадцать дробь пять, третий подъезд, – сказал Данилов Петровичу, ознакомившись с информацией на экране коммуникатора.

Затем он повернулся к Эдику и спросил:

– Тебе, случайно, вещая Кассандра не родственница?

– Нет, – ответил слегка обалдевший от неожиданности Эдик.

– Псих или отек? – спросила сообразительная Вера.

– Некупируемый отек легких, Язов на себя вызывает. Светомузыку, Петрович, можно не выключать, поедем в темпе...

Пути господни неисповедимы. Выезжая на повод «посинел, задыхается», можно обнаружить на вызове бодрого старичка, которому так приспичило узнать свое артериальное давление, что пришлось вызывать «скорую». И точно так же, повод «подъем АД (артериального давления)» может обернуться отеком легких, с которым не всякий фельдшер и далеко не всегда может справиться в одиночку. А так, подъем давления – типичный «фельдшерский» повод. Приехал, «уколот магнолию внутривенно», иначе говоря – ввел внутримышечно сульфат магнезии, напомнил о необходимости своевременного приема таблеток и уехал с чистой совестью.

По самым оптимистичным предположениям, до Формовского было не меньше десяти минут езды.

– Эдуард, а почему ты пришел на «скорую»? – обернулся в салон Данилов. – Чему ты улыбаешься?

– Есть такой фильм «Всадник по имени «Смерть», – пояснил Эдик. – Там герои постоянно спрашивают друг дружку: «Почему вы пошли в террор»?

– И все же?

– Трудно сказать... – замаялся Старчинский. – Работа живая, результат видишь сразу, это приятно... Писанины мало...

– Зато носилки таскать приходится, – добавил Данилов.

– Это проще, да и разминка всегда нужна. И – работа суточная, свободного времени много. Сутки отработал – трое дома.

– Так не получится, – поправила Вера. – Тем, кто работает на ставку, непременно ставят в месяц несколько полусуточных дежурств – «восемь – двадцать два» или «девять – двадцать три». Владимир Александрович, помните Таню Пангину?

– Таковую не забудешь, – ответил за Данилова Петрович. – Ходячий тормоз, а не фельдшер.

– Что за Таня? – заинтересовался Эдик.

– Была у нас такая сотрудница, – начала Вера. – Фельдшер. Тупила по-черному где только можно. Врачи от нее просто вешались – дозировки путала, повязки накладывать не умела, к аппаратуре подойти боялась... Прозвище у нее было – «Ходячий тормоз». Так вот, она опоздала на свое первое дежурство. Помню, входит она в фельдшерскую к самому концу «пятиминутки» и на удивленный взгляд заведующего отвечает: «Разве я опоздала? Сейчас восемь двадцать, еще две минуты до начала смены». Не просекла, что «восемь – двадцать два» означает начало и конец смены.

– А помнишь, как она у Федулаева спросила, глядя на рану: «Это мышцы или мясо»?

– Ничего себе! – помотал лохматой башкой Эдик. – Как же ее на «скорую» взяли?

– Чем-то приглянулась Сыроежкину – фыркнула Вера, отрицательно относящаяся к любому начальству за исключением Данилова. – Он любит таких – послушных, приторно вежливых и соглашающихся с каждым его словом.

– А мы с ним друг другу не понравились, – сказал Эдик.

– Бывает, – Данилов вспомнил, как сам устраивался на «скорую». – Что не поделили?

– Я, по его мнению, слишком долго читал трудовой договор, прежде чем подписать, – ответил Эдик. – Он даже слегка нервничать начал, про очередь у кабинета вспомнил.

– А ты чего? – поторопила рассказчика Вера.

– Ничего – сказал, что в институте учили читать то, что подписываешь. Он ответил, что навряд ли из меня получится хороший выездной врач, а я сказал, что на худой конец устроюсь куда-нибудь заведовать кадрами.

– Так и сказал? – не поверил Данилов, а Вера только ахнула.

– Да, – скромно подтвердил Эдик.

– Наш человек! – в приливе чувств, Вера хлопнула стажера по плечу.

Тот слегка поморщился – хрупкая, изящная девушка, натренированная за шесть лет работы на «скорой», обладала прямо-таки недюжинной силой.

– Готовься – за первый же косяк огребешь строгий выговор с занесением в личное дело, – предупредил Данилов. – Сыроежкин злопамятен, как кардинал Ришелье.

– От судьбы не уйдешь, – махнул рукой Эдик. – А у вас, Владимир Александрович, выговоры были?

– Семь штук, – ответил Данилов. – Причем, как правило, не за то, за что следовало. Например, первый свой выговор я получил за то, что у меня в машине были посторонние.

– Пассажира подвезли?

– Нет, отвез старичка с нестабильной стенокардией в госпиталь инвалидов войны, причем не в наш, а в тот, что в Медведково. Дедушка без жены ехать наотрез отказывался, а что ей было в госпитале делать, после того как я ее мужа в реанимацию сдал? В два часа ночи? Ну, мы ее обратно и прихватили – все равно по пути.

– Помню, – вмешался Петрович. – Ночью дернул меня черт поехать через город, а не по кольцу, и на Таганке, возле бывшего ресторана «Закарпатские узоры» нас линейный контроль и тормознул. Посторонний в салоне – всем по шапке, то есть по выговору.

– Благими намерениями... – вздохнул Данилов.

Некоторое время они ехали молча. Когда машина свернула на Формовский проезд, Вера спросила:

– Ингалятор братъ?

– Естественно, – отозвался Данилов. – Язов по дури не дернет – лечить будем в полном объеме.

У подъезда стояла машина тринадцатой бригады. Длинноволосый молодой водитель Бутаков так увлеченно слушал свой любимый «хэви-метал», что не сразу заметил появления коллег.

– Ромка! Аккумулятор посадишь! – на весь двор рявкнул Петрович. – Выруби магнитолу!

Бутаков не отреагировал. Петрович нехорошо помянул его родителей и вылез из машины на разборку, к которой его обязывала бригадирская должность...

Некупируемый отек легких – это ужас. Как для больного и его родственников, так и для врачей. Пена у рта, клокочущее дыхание, искаженное страданием, потное, холодное, синюшное лицо, умоляющий взгляд... Хорошо еще, если у родственников достает ума не осыпать бригаду упреками и намеками на их профессиональную несостоятельность. В противном случае работать становится еще сложнее.

Некупированный отек легких транспортировке не подлежит, и это правильно. Куда такого в машину? Сначала надо по мере возможности стабилизировать состояние больного, а уж потом везти его в стационар.

Фельдшер Язов сработал как надо – интубировал больного, подключил его к ингалятору, установил кубитальный катетер, ввел морфий, преднизолон, мочегонные. Выслушав его краткий, толковый доклад, Данилов мотнул головой в сторону двери, отпуская Язова восвояси, и склонился над больной – толстой неопрятной старухой, не мывшейся, должно быть, с прошлого года.

Больная пока находилась в сознании, но уже не совсем адекватно оценивала обстановку. В дверях маячила соседка – невзрачная женщина неопределенного возраста. Соседка вела себя хорошо – не лезла с советами, обвинениями и причитаниями. Стояла молча и только зыркала глазами туда-сюда, смотрела, чтобы «скорая» не прихватила бы чего на память о вызове.

Данилову вспомнился Юра Меркулов, доктор с подстанции, получивший лет семь назад срок за кражу золотого обручального кольца на вызове.

Юра был парнем неплохим, но, что называется, «со странностями». Излишне обидчивым и склонным к рефлексии. В один прекрасный день у Юриной жены на Черкизовском рынке вытащили из сумочки кошелек с солидной суммой денег. Неприятно, конечно, кто спорит. Юра обиделся на весь белый свет и возжелал компенсировать потерю. Он не придумал ничего лучше, как умыкнуть на первом же вызове обручальное кольцо больной, лежавшее на тумбочке. Неопытному Юре, совершавшему кражу впервые в жизни, казалось, что он провернул дельце совершенно незаметно, но больная заметила, как доктор прячет кольцо в карман. Сразу же после убийства бригады она позвонила в милицию. Видимо, в этот день оперативники изнемогали от безделья, потому что часом позже на подстанцию прибыли двое сотрудников в штатском и поинтересовались фамилией доктора, выехавшего в такое-то время по такому-то адресу.

Опытная Люся Сиротина поняла по обрывкам фраз, что доктора Меркулова ждут нешуточные неприятности и, улучив минуту, передала ему по рации, что его ждут на подстанции по поводу такого-то вызова. Кто ждет, Люся в «прямом эфире» сказать не решилась, уповая на то, что Юра поймет ее и так. Коммуникаторов – наладонников на «скорой» тогда еще не было, а свой мобильный телефон Меркулов, приходя на дежурство, запирает в шкафчике, чтобы не потерять и не разбить во время дежурства.

Незадачливый вор понял диспетчера правильно и, незаметно для окружающих – водителя и фельдшера, спрятал свою добычу за обивкой правой передней дверцы.

Дождавшись Меркулова, менты затащили его в кабинет старшего врача, бесцеремонно выставив хозяина, и битых два часа обрабатывали подозреваемого, убеждая его признаться в совершении кражи. Обрабатывали уговорами, без всякого физического воздействия, и даже без угроз. Они больше напирали на то, что красть нехорошо, и на то, что, выдав им краденое, гражданин доктор может с чистой совестью жить дальше. Разумеется – на свободе.

Поддавшись на уговоры, доверчивый доктор Меркулов повел оперативников к машине и при двух понятых, прихваченных из числа свободных сотрудников подстанции, торжественно выдал им кольцо. Обрадованные милиционеры тут же надели на недоумевающего Юру наручники и увезли в отделение. На свободу он вышел только через два года и на «скорую», разумеется, не вернулся. Да его и не взяли бы.

С превратностей судьбы мысли Данилова съехали на новую начальницу.

К этому времени больная была полностью готова к транспортировке. Данилов запросил место в реанимации (с учетом состояния больной на Центре дали ближайший стационар – сто пятнадцатую больницу) и на всякий случай записал в карточке данные соседки – фамилию, имя, отчество и номер квартиры. На всякий пожарный, чтобы в любой момент можно было ответить, кто остался в квартире после отъезда хозяйки на лечение. Десять лет работы на «скорой» любого научат предусмотрительности.

– Дуй за «соплями»! – велела Эдику Вера, но, наткнувшись на укоризненный взгляд Данилова, поправилась: – Эдуард Сергеевич, принесите, пожалуйста, «мягкие» носилки.

– Вера, у тебя нет никаких шансов, – сказал Данилов, когда Эдик ушел.

– Почему?

– Потому что ты – хищница, а он не годится на роль добычи, – серьезно объяснил Данилов, перемеряя давление у больной перед транспортировкой. – Ваши отношения будут похожи на бурю в стакане. Недолгую и смешную.

– Где же девушке найти свое счастье? – Вера со вздохом потупила взор, изображая безгрешную страдальницу.

– Обрати внимание на Лешу. Он явно к тебе неравнодушен.

– Ну уж нет! – покачала головой Вера. – Одно дело съездить в выходной к нему на дачу, другое – выходить за него замуж! Как только представлю, что меня зовут Вера Могила... Бр-р-р! Оторопь берет!

– А может, он не будет настаивать, чтобы ты взяла его фамилию?

Вера не успела ответить, так как вернулся с носилками Эдик.

– Ногами вперед не выносите! – строго потребовала соседка.

– Конечно, конечно... – ответил Данилов. – Только головой!

Соседка трижды перекрестила больную.

– Я к тебе завтра загляну! – сказала она, когда больную уже выносили на лестничную площадку.

– Лучше послезавтра или через два дня, – посоветовал Данилов. – Завтра вас к ней точно не пустят, а о состоянии можно узнать по телефону. Номер знаете?

– У меня в сто пятнадцатой муж умер, – отчего то обиженно ответила соседка и с шумом захлопнула дверь, отделяющую «шестиквартирный» тамбур от лестницы и лифтов.

Разговор о женихах явно настроил Веру на игриво-романтический лад. По дороге в больницу, пользуясь тем, что Эдик и Петрович, громко спорившие по поводу сравнительных достоинств немецких автомобилей, их не слышат, она спросила у Данилова:

– Скажите по секрету, удовлетворите мое женское любопытство – вы до сих пор не женаты, потому что ждете Елену Сергеевну?

– Ну сколько можно, Вера! – рассердился Данилов, стараясь не повышать голоса. – Я не женился до сих пор только потому, что надеюсь добиться руки Ксении Собчак! А с Еленой Сергеевной мы до последней недели не виделись столько лет, что практически позабыли о существовании друг друга! Предупреждаю – еще один намек на эту тему...

– Намеков больше не будет, – перебила Данилова Вера. – И так все ясно. Вы сердитесь, значит – любите.

Данилову захотелось удушить доморощенного психолога фонендоскопом прямо здесь, в машине, а потом доставить больную в реанимацию и поехать сдаваться с повинной в ближайшее отделение. Чтобы унять нахлынувшее раздражение, он сделал несколько глубоких вдохов – выдохов. Раздражение сменилось головной болью.

«Перевестись, что ли, на другую подстанцию? – подумал Данилов. – Ездить дальше, зато спокойнее».

Данилов жил в Карачарове, около эстакады, и шестьдесят вторая подстанция была для него ближайшей. Всего каких-то пятнадцать минут езды на троллейбусе, сущие пустяки по московским меркам.

Искоса поглядывая на надувшуюся Веру, преувеличенно старательно наблюдавшую за работой кислородного ингалятора и поведением больной, Данилов вдруг понял, отчего он чуть было не вышел из себя.

Слова Веры были очень похожи на те, что когда-то сказала ему Елена...

Конец четвертого курса, жаркий душный московский май, пыльный кабинет для практических занятий на кафедре общей гигиены.

Занятия уже закончились, однокурсники разбежались, а они сидели за одним столом и лихорадочно списывали конспект лекции, пропущенной еще в начале семестра. Будущих врачей держали в ежовых рукавицах. Пропустил лекцию – будь любезен предъявить ее собственноручно написанный конспект, иначе к экзамену или зачету по предмету допущен не будешь. Уважительная причина? Есть справка? Отлично, но конспект все равно покажите...

У них не было уважительной причины. Лекция шла первой парой, которую студенты Данилов и Морозова бессовестно проспали в одной постели. Соседка Елены по общежитию уехала на несколько дней домой, в Липецк, проведать тяжело заболевшую мать, и грех было не использовать такую возможность.

Влюбленные использовали возможность на всю катушку, заснув на измятой мокрой от пота простыне лишь в пятом часу утра. Разумеется, ни о каком подъеме в семь часов не могло быть и речи.

– Фу-у-у! – Данилов бросил ручку на тетрадь, откинулся на спинку стула и потряс в воздухе занемевшей от писанины рукой.

– Немного осталось, – подбодрила его Елена. – Давай, не расслабляйся.

Ее усердие показалось Данилову странным. Он вспомнил, что весь сегодняшний день подруга была скованна и малоразговорчива и решил «внести ясность».

– Ты сегодня какая-то не такая, – сказал он, привычным жестом кладя руку ей на плечо. Мягко передернув плечом, Елена продолжила писать конспект.

Данилов подумал несколько секунд и от повторной попытки благоразумно решил воздержаться.

– Что-то случилось? – участливо спросил он.

– Может – да, может – нет, – Елена продолжала писать, не отрывая головы от двух тетрадей – своей и чужой.

– Так не бывает.

– Бывает.

– Бывает или – да, или – нет. А «может – да, может – нет» это – парадокс.

– Не парадокс, а жизнь.

– Так что же все-таки случилось, Лен?

– Для тебя – ничего!

«Какая муха ее укусила? – подумал Данилов. – Заболела, что ли?»

– А для тебя? – как можно более мягко спросил он, чувствуя, что обычно спокойная подруга находится, что называется, «на взводе».

Скандалов Данилов не любил. Отвращение к ним привила ему родная мать, предававшая выяснению отношений с чувством, толком и расстановкой. В рамках приличий, но с огромным энтузиазмом.

– Для меня кое-что произошло, но это только для меня! – Елена наконец-то прекратила писать и, продолжая держать ручку наготове, посмотрела на Данилова.

Взгляд ее был необычным – каким-то печальным и отстраненным.

– Ты беременна? – Данилов назвал первое пришедшее ему в голову предположение.

– Успокойся – нет! – сказала Елена и снова взялась за списывание лекции.

Если бы она просто ответила «нет», это был бы нормальный ответ, но презрительное «успокойся», звучало как оскорбление. Как вызов. Как брошенная перчатка, которую ее собеседник поспешил поднять.

– Я спокоен как никогда, – сказал он. – И этим отличаюсь кое от кого.

– Мои поздравления!

– Может быть, мы прекратим ерничать? А, Ленчик? Упоминание ласкового варианта ее имени, которое обычно произносилось Даниловым в самые интимные моменты, против ожиданий не настроило девушку на миролюбивый лад. Напротив, она фыркнула, давая понять, что подобным образом к ней обращаться не стоит.

– Борьба за мир – дело обоюдное, – повторил Данилов любимую присказку Светланы Викторовны, вынесенную еще из социалистических времен, и продолжил прерванное занятие.

Молчание длилось до тех пор, пока Елена не закончила списывать.

Она убрала ручку и тетрадь в сумку, достала из нее карманное зеркальце, посмотрелась в него, поправила рукой воображаемый дефект прически, убрала зеркальце, посмотрела в окно, на исписанную кем-то из преподавателей грифельную доску, затем, словно только что увидев, посмотрела на Данилова и будничным тоном сказала:

– А я замуж выхожу.

– Подожди, я скоро... – невпопад ответил Данилов, торопясь поскорее расправиться с конспектом.

– Что – скоро?

- Я скоро закончу.
- И что?
- Пойдем вместе?
- Замуж?! – интонация подруги вернула Данилова из мира общей гигиены на грешную землю.
- При чем тут замуж? – искренне удивился он.
- В этом ты весь, – нахмурилась Лена. – Я сказала тебе, что выхожу замуж, а ты даже не расслышал.
- Я расслышал. Зачем ты так шутишь?
- Это не шутка.
- Это... предложение? – не успело последнее слово сорваться с губ Данилова, как он уже жалел о сказанном. Фраза, задуманная как остроумная, вышла тупой и пошлой.
- Это – информация!
- К размышлению?
- К сведению! – Лена встала. – Я пойду, а ты дописывай. Тетрадь завтра вернешь Бурчаковой. Мне хочется побыть одной...
- Ты не можешь так! – Данилов вскочил на ноги, едва не перевернув стол, за которым они сидели. – Ни с того ни с сего заявить, что ты выходишь замуж и после этого взять и уйти! Я хочу знать – почему?! За кого?! С какой стати?!
- Какая разница? – длинные, завивающиеся на концах волосы Лены заколыхались в такт движениям головы. – Ты сердисься – значит, ты любишь. А для тех, кто любит, совершенно не важно, почему, с какой стати и за кого. Важно только одно – моим избранником оказался не ты, а другой мужчина. Все остальное так – мелочи.
- Но...
- Свобода выбора – одно из главных завоеваний демократии, – улыбнулась Лена и стуча каблучками выпорхнула из аудитории, унося с собой лучшую частичку жизни студента четвертого курса Московского медицинского университета Владимира Данилова.

Глава пятая

Доктор едет, едет...

Больше всего на свете Данилов не любил выезжать на констатацию смерти. Мнилось ему в этом что-то неправильное, издевательское. Доктор приезжает на вызов лишь для того, чтобы подтвердить смерть человека – что может быть абсурднее?

Однако какие-то ведомственные законы и должностные инструкции запрещают тем же сотрудникам милиции или МЧС констатировать смерть. В ряде случаев это вполне обоснованно, чтобы те по незнанию и неопытности не отправили бы в морг еще живого человека.

Впрочем, однокурсник Данилова Валера Беляев, избравший для себя спокойную и непыльную стезю патологоанатома, утверждал, что как минимум раз в квартал кто-то из доставленных к нему в морг покойников оживал и принимался скандалить, отвлекая сотрудников от дел, самым важным из которых являлось распитие самых разнообразных спиртных напитков.

– Все думают, что мы пьем из-за того, что имеем дело с трупами, – сказал однажды Валера. – Тяжелая работа, запахи, мысли о смерти и все такое... На самом же деле это не так. Мы пьем потому, что наша клиентура, в отличие от вашей, не препятствует этому прекрасному процессу. Наша клиентура – это лучшие из пациентов, которые никогда не пожалуются на то, что от доктора немного веет спиртным духом.

Но какой смысл в констатации смерти на пожаре, когда от человека остается обугленная головешка, застывшая навсегда в причудливой «позе боксера» с подтянутыми к поясу ногами и вытянутыми вперед полусогнутыми руками? Происходит это вследствие посмертного сокращения мышц под действием высокой температуры. Тут и первоклассник не ошибется с констатацией, не то что взрослый мужик с погонами и служебным удостоверением.

Нет – извольте вызывать для констатации смерти врача или фельдшера. Иначе – никак.

Хорошо хоть на констатацию не пришлось долго ехать – сгорела бытовка сторожа в гаражах, находившихся напротив дома, в котором бригада Данилова купировала астматический статус у «постоянной клиентки» шестьдесят второй подстанции, сорокалетней домохозяйки, никогда не соглашающейся на госпитализацию.

– На кого я мужа с детьми оставляю, доктор, – сипела она, просяще заглядывая в глаза Данилову. – Дома перебьюсь, не впервой. Вы только облегчите мне немного...

Облегчали два с половиной часа – в довершение ко всему вены у пациентки были никудышные. Тонкие, словно ниточки, и оттого «неуловимые». Вера дважды налаживала кубитальный катетер в локтевой ямке, то на правой руке, то на левой, но тонкие стенки вен лопались, образуя гематомы, подкожные кровоизлияния – болезненные синюшные шишки.

– Может, в кисть? – предложил Эдик, стоявший «на подхвате» с запровленной «системой» в руках.

– Без толку, – ответил Данилов и обратился к больной, в силу своего состояния не лежавшей, а почти сидевшей на кровати: – Вы сможете минуту полежать без подушек? И по возможности не шевелясь? Я поставлю вам подключичный катетер.

Классными подключичными катетерами, удобными и надежными, которые никогда не обламывались при постановке, Данилова снабжал знакомый доктор из реанимации сто пятнадцатой больницы. Данилов когда-то госпитализировал его с катка с переломом лодыжки, так и познакомились.

Данилова совершенно не смущало то, что катетеры были краденными. Он использовал их для блага своих пациентов, никогда не позволяя себе намеков на то, что использует «собственное» снаряжение, и жил в полном согласии с совестью.

Не отнимая от лица резиновой маски, в которую из переносного ингалятора подавался кислород, больная дважды кивнула.

– Эдуард Сергеевич, «подключичнику» ставить доводилось? – спросил Данилов у стажера.

– Ну... в общем – да, – тон Эдика свидетельствовал о том, что постановка подключичного катетера еще не была отработана им как следует.

– Поможешь пациентке лечь и заодно освежишь знания.

Данилов быстро надел перчатки, протер руки ваткой, смоченной в спирте, и сказал больной:

– Пора ложиться.

Эдик переложил подушки с кровати на кресло и помог женщине лечь на спину. Данилов тем временем принял у Веры распечатанную ею упаковку с катетером, достал из нее толстую длинную иглу с проходящей внутри жесткой пластиковой нитью – проводником, подождал, пока Вера протрет йодом «операционное поле», прикинул «диспозицию» и одним, отработанным до рефлекса, движением проткнул кожу под левой ключицей больной прошел через тонкий слой подкожной жировой клетчатки и вошел в подключичную вену. Вошел правильно, как полагается – не проткнул ее насквозь, а немного провел иглу с проводником «по вене». Из иглы начала поступать наружу темная венозная кровь.

– Класс! – восхищенно выдохнул Эдик.

– Мастерство приходит с опытом, – утешил его Данилов, извлекая иглу и надевая на торчащий наружу конец проводника катетер. – Главное – продвигать катетер вращательными движениями, а не тупо пихать его по проводнику. Вера, пластырь!

Вера подала три заранее заготовленных ею узеньких ленточки лейкопластыря, и Данилов зафиксировал ими катетер на коже больной.

Вся операция, как он и обещал, длилась не более одной минуты.

– А теперь присядем! – Данилов и Эдик помогли больной сесть, снова превратив при помощи подушек кровать в импровизированное кресло.

Пластиковый пакет с изотоническим раствором, в который Вера при помощи шприца добавила эуфиллин, Данилов прицепил на торшер, стоявший возле кровати.

– Даем нагрузочную дозу эуфиллина из расчета пять миллиграмм на килограмм веса пациента, – пояснял он для Эдика. – Минут на пятнадцать – двадцать, судя по состоянию. Затем перейдем к поддерживающей капельной инфузии, уже с меньшей скоростью. Адреналин мы уже ввели, сейчас добавим преднизолон. Сразу две ампулы – при астматическом статусе первоначальная доза кортикостероидов непременно должна быть высокой...

– А сальбутамол? – Эдик указал глазами на приставленный к кровати стул с грудой лекарств на нем.

– У больной – передозировка симпатомиметиков! – напомнил Данилов. – Она же сама сказала, что сегодня, с начала ухудшения, извела целый флакон сальбутамола. Ну что, Юлия Романовна, лучше вам?

– Лучше, – отняв маску от лица, прошелестела губами больная.

– Лиха беда начало. В больницу точно не поедете?

Больная покачала головой и попыталась отвести от лица маску, чтобы ответить, но Данилов удержал ее руку.

– Дышите, дышите, я и так знаю, что вы мне скажете, но по долгу службы обязан предложить госпитализацию. Ладно, посмотрим, как будут развиваться события. Активчик мы в поликлинику передадим...

Если больной, нуждающийся в наблюдении врача, по каким-то причинам остается дома, бригада «скорой помощи» обязана «передать актив» в районную поликлинику, то есть вызвать к больному участкового врача.

– У нас сейчас новый участковый, – с каждой минутой больная становилась все более разговорчивой. Хороший признак. – Таджики. Общительный, но... неопытный. Он просто списывает назначения аллерголога...

– Постарайтесь попасть к толковому врачу для коррекции лечения, – ответил Данилов, мягко возвращая руку больной с маской на место. – Раз уж вы отказываетесь от стационарного лечения, то хотя бы обеспечьте себе нормальное, полноценное амбулаторное...

Спустя несколько минут больная стала дышать реже и не с таким свистом.

– Прекращаем кислород – хорошего понемножку, – распорядился Данилов.

Эдик завернул вентиль на аппарате и принял у больной маску.

– Протри спиртом, – Вера протянула ему тампон.

Железное правило «скорой помощи» – все оснащение должно быть полностью готово к использованию. Чистка, настройка, заправка и прочие процедуры производятся заблаговременно.

Данилов уменьшил скорость потока на капельнице, уселся за обеденный стол и, аккуратно отвернув скатерть, начал заполнять карту вызова. Вера и Эдик нашли себе по стулу и тоже сели.

– Учитывая, что Юлия Романовна остается дома, какой совет дадим мы ей в первую очередь? – спросил Данилов у Эдика, покончив с недолгой писаниной.

– Избегать перегрузок? – неуверенно предположил Эдик.

– Пить как можно больше жидкости в течение суток.

– Ах, да – гидратация!

– Именно – гидратация...

Стоило Данилову отсоединить капельницу и удалить подключичный катетер, как Юлия Романовна превратилась в бойкую хлопотунью. Довольно резво соскочив с кровати, она метнулась к запортому на ключ секретеру, открыла его и достала несколько голубых тысячных купюр.

– Юлия Романовна! – предостерегающе протянул Данилов. – Ну, сколько можно?

– Сколько нужно, столько и можно, – ответила та, протягивая ему деньги. – Вы же меня знаете.

– Знаю, – ответил Данилов, забирая деньги и пряча их в карман.

В лифте он сказал Эдику:

– В первый раз я наотрез отказался от вознаграждения, и вечером на подстанцию явился ее муж. Дождался меня и настоял-таки на том, чтобы я взял деньги. Я был готов сделать что угодно, лишь бы отделаться от него...

– Очень сознательная женщина, – подтвердила Вера.

– А кто у нее муж?

– Бизнесмен, у него своя авторемонтная мастерская в Вешняках. Но по виду – Данилов усмехнулся, вспомнив вальяжного супруга Юлии Романовны, – посол или министр, не меньше.

В машине Данилов первым делом достал из кармана полученные на вызове деньги, пересчитал их, оказалось шесть тысяч, и спросил:

– Народ, по пятисотенной на сдачу у всех есть?

– Есть, – дружно откликнулся народ.

Данилов раздал Вере, Эдику и Петровичу по две тысячи, получил с каждого по пятисотенной купюре и, пряча свой пай в бумажник, сказал Эдику:

– Делиться или нет с водителем – дело хозяйское. Принцип один – хороших людей обижать нельзя, а плохих нечего баловать.

– Спасибо на добром слове! – Петрович включил зажигание.

В ответ на сообщение о том, что одиннадцатая бригада свободна, пришел вызов на констатацию смерти. Сюда же – на Ферганский бульвар, только с другой стороны.

– Быстро потушили, – сказал Петрович, выруливая на проезжую часть. – В пять минут. Я только дым увидел, как уже две машины приехало. Зачем две-то сразу?

– Потому что пожар в гаражах, – авторитетно пояснил Эдик. – Зона повышенного риска.

– Ты что – в пожарных служил? – не поверил Данилов.

– У меня муж сестры – капитан МЧС.

– Ясно...

Когда машина остановилась напротив черного обуглившегося остова, Эдик сказал:

– Давайте я законстатирую. Чего всем ходить?

– Тут такое дело, – сказал Данилов, вылезая следом за ним из машины, – если ты пойдешь констатировать, а мы с Верой останемся в машине и какая-нибудь сволочь из присутствующих, – Данилов мотнул головой в сторону старшего лейтенанта милиции и трех мужчин в одинаковых серых с отливом костюмах, стоявших чуть поодаль, – стукнет об этом на Центр, то все мы получим по строгачу и на полгода, а то и на год лишимся премии.

– Неужели такое бывает? – не поверил Эдик.

– На «скорой» не бывает так, чтобы всю ночь проспять на подстанции, – подтвердила Вера, – а все остальное бывает.

– Ты зачем ящик взяла? – удивился Данилов.

– Машинально.

Вера поставила ящик в салон и, не закрывая двери, вслед за Даниловым и Эдиком пошла констатировать смерть.

– Одиннадцатая бригада шестьдесят второй подстанции, доктор Данилов Вэ А, – не здороваясь, сказал Данилов, поравнявшись с теми, кто его вызвал. – Наряд номер...

– Спасибо, наряд у нас есть, – перебил старший лейтенант.

– Наряд у них есть, а судмедэксперта нет, – проворчала себе под нос Вера.

– На каждый труп судмедэкспертов не напасешься, – слух у старшего лейтенанта был отменным. – Пройдемте...

«Пройдемте» – это как визитная карточка профессии», – подумал Данилов, морщась от запаха гари, пропитавшего все вокруг.

Взгляд на обугленное тело, взгляд на часы:

– Смерть констатирована в пятнадцать сорок четыре.

– Забирать будете? – с надеждой спросил старлей.

– Жирно выйдет – трупы врачебной бригадой вывозить, – ответил Данилов. – Нас живые ждут. Вызову вам труповозку. Ваша фамилия?

– Чуплаев моя фамилия. Вашу труповозку пока дождешься... – скривился милиционер.

– Она такая же моя, как и ваша, – парировал Данилов. – Хотя, не спорю, такси по заказу приезжает гораздо быстрее. Может быть, вам вызвать такси?

– Спасибо за совет, – рассмеялся старший лейтенант. – Сам справлюсь.

Данилов достал наладонник и по одному из телефонов связался со службой трупоперевозки. Вызвал машину, кивнул всем на прощанье и, держа наладонник в руке, пошел к своему «кабинету на колесах».

– Курение в постели или плитка? – поинтересовался Петрович, стоило только Данилову открыть дверцу.

– Какая разница? – Данилов подумал о том, что неплохо было бы получить обед. Во всяком случае, стоило попытаться.

– Обедаем в городе или на подстанции? – спросил он.

Обед можно брать где угодно – как сидя на подстанции, так и в городе, заехав, к примеру, в «Макдоналдс» или какую-нибудь пельменную. Если понадобится – бригаду найдут и здесь, и там.

Данилов не любил обедать в городе. Раньше, когда сотрудники «скорой помощи» ездили по вызовам в халатах, можно было оставить халат в машине и спокойно, но «в темпе» съесть свою порциюпельменей. Данилов «халатного» времени не застал – он с первого дня носил синий «скоропомощной» костюм.

Костюм этот, надо признать, весьма удобный и немаркий, обладал одним странным свойством. Он притягивал к себе идиотов всех мастей и возрастов. Стоило бригаде в синих костюмах появиться в каком-нибудь кафе, как в спину, а то и в лицо им шипели, говорили, орали:

– Там люди помирают, а эти здесь расселись и жрут!

Или:

– Дома поесть не могли, доктора?

Вариантов было много, но все они достигали своей цели – отбивали аппетит напрочь.

Иногда случалось и обратное – население начинало донимать бригаду уважухой.

– Садитесь сюда, пожалуйста, здесь посвободнее...

– Что, много вызовов сегодня? Ну, так поешьте, как люди...

Доктору Могиле какой-то полупьяный перец предложил доесть его порциюпельменей и был очень обижен отказом, высказанном не в самых приличных словах.

– Вы представляете себе меру народного признания?! – возмутился на подстанции доктор Могила, рассказывая об инциденте. – Четыре пельменя и ложечка кетчупа!

Однако Вера частенько забывала прихватить из дома обед. Данилов подозревал, что это случалось тогда, когда она приезжала на работу напрямик «из гостей». Вера была любительницей разнообразия.

– На подстанции! – хором ответили Вера и Эдик, а Петрович покачал головой и каркнул:

– Все равно вместо обеда получим вызов!

Так и вышло – где-то на краю земли московской, в Капотне, у второй проходной нефтеперерабатывающего завода лежал мужчина пятидесяти лет, и было ему плохо с сердцем.

– Погнали! – скомандовал сам себе Петрович.

Мужчина оказался вдребезги пьяным бомжем. Отвратительным, грязным, вонючим, одетым в сальные лохмотья, нечесаным и, конечно же, вшивым. Он лежал возле проходной и пытался громко петь песню «Владимирский централ».

– Вера, достань мешок! Эдуард, принеси носилки! – распорядился Данилов, доставая из кармана перчатки и натягивая их на руки.

От проходной за действиями бригады наблюдали два охранника в черной форменной одежде.

Пока Петрович с Эдиком принесли носилки, а Вера расстелила на них целлофановый мешок, предназначенный для транспортировки грязных больных, Данилов успел бегло осмотреть бомжа и узнать, что его зовут Гришей.

– В вытрезвитель? – спросил Эдик, тоже надевший перчатки, помогая Данилову погрузить бомжа на носилки.

– На голове ссадина, под глазом – фингал. Не возьмут. «Битым» в вытрезвитель путь заказан, только в больницу.

– В какую?

– Сейчас посмотрим.

Загрузив бомжа в машину, Данилов вдохнул как можно больше чистого воздуха и залез следом. Вера, закрывшая нос надушенным платочком, уже сидела в салоне.

– На что жалуемся, Гриша? – спросил Данилов.

– На жизнь! – цитатой из старого фильма ответил бомж и заржал, гордясь своим остроумием.

Поколебавшись несколько секунд, Данилов решил воздержаться от измерения давления. Бомж Гриша был так грязен, что манжету пришлось бы выбрасывать, а большой необходимости в этой манипуляции не было.

– Ты, Гриша, лежи спокойно, мы в больницу тебя отвезем, – сказал Данилов.

– Везите! – разрешил Гриша. – Хоть помоюсь там.

Данилов стянул перчатки, бросил их на пол и по наладоннику запросил место для мужчины пятидесяти лет с диагнозом «Сотрясение головного мозга. Педикулез», взятому с улицы. Выпала сто шестьдесят восьмая больница.

Тем временем Вера пыталась узнать анкетные данные бомжа.

– Григорий Григорьевич Григорьев, – не раздумывая, назвал тот. – Полковник авиации в отставке.

– А лет сколько?

– Не считал и тебе не советую! – ответил отставной «полковник»...

В приемном отделении «подарку» не обрадовались, но принять приняли.

Диагноз снять на месте было невозможно, да и доставлен больной не из дома, а с улицы. Дежурный врач расписался в карте вызова, что принял больного, и ехидно сказал:

– Приезжайте еще.

– Непременно, – ответил Данилов. – Вот только машину обработаем.

На этот раз он использовал наладонник, как телефон. Позвонил на подстанцию и взял у Лены Котик наряд на санитарную обработку машины. По инструкции машину полагалось обрабатывать после каждого вшивого или чесоточного больного. Не самостоятельно, а в специальном месте – на пункте санитарной обработки, единственном на всю Москву.

– Вы там не зависайте, – попросила Лена. – Вечер близится.

– В том-то и дело, что вечер, – подтвердил Данилов. – А с ним и пробки.

Дорога предстояла дальняя – на Ярославское шоссе. Другой край города. В эти места Данилова по работе заносило нечасто – или на обработку машины, или в детскую инфекционную больницу.

Выйдя на улицу из приемного отделения, Данилов и Вера, отвозившие бомжа, с наслаждением втянули в себя пыльный городской воздух.

– Нектар и амброзия! – высказалась Вера.

– Однозначно! – подтвердил Данилов.

У машины были открыты все дверцы – Петрович проветривал салон, изрядно пропитавшийся тяжелым Гришиным духом.

– Нам по-хорошему должны выдавать благовонные палочки, – сказал Петрович, смачно затягиваясь сигаретой и выпуская дым в салон, – для окуривания нутра после таких клиентов.

– Чьего нутра – твоего или автомобильного? – Вера не спешила усаживаться в салон, и Данилову пришлось легонько подтолкнуть ее.

– Вперед и с песней, – сказал он. – Негоже прохладиться около машины, если линейный контроль не заметит, то кто-нибудь из братьев-медиков настучит Центру, что мы на больничной территории отстаиваемся.

– На обработку? – Петрович закрыл задние дверцы и уселся на свое место.

Данилов кивнул.

– По кольцу или через город? – уточнил Петрович.

– Без разницы, – Данилов уселся поудобнее и прикрыл глаза. – Доедем – разбуди.

– А кто меня в пути развлекать будет? – возмутился Петрович. – Я ведь, глядя на тебя, сейчас сам засну за рулем.

– Тебе нельзя, – не открывая глаз, ответил Данилов. – Тебе, Петрович, доверены три человеческие жизни – две врачебные и одна фельдшерская. Ты никак не можешь заснуть за рулем. Ты ведь ответственный человек!

- В том-то и дело, что ответственный, – проворчал Петрович. – Радио не мешает?
 - Наоборот, под него спится лучше.
- Петрович включил негромко «Радио Шансон».

*Таганка, ах ночи полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня...*

– На Таганке мы и застрянем, – вслух подумал Петрович и решил: – Поедем лучше по кольцу...

По кольцу тоже вышло не очень быстро. До пересечения с Шоссе Энтузиастов машины не ехали, а ползли. Потом удалось проехать с ветерком почти до самой Ярославки, но на подъезде к ней, из-за аварии, простояли в пробке минут сорок. Петрович к тому времени исчерпал весь запас ругательств и преисполнился смирения.

– Мы стоим, а смена идет, – сказал он проснувшемуся Данилову.

Чувствуя себя словно родившимся заново после недолгого, но глубокого сна, Данилов с чувством потянулся и констатировал:

– Жить можно!

– Жить нужно! – поправил его Петрович. – Тем более сейчас, когда до конца смены осталось всего ничего.

Данилов посмотрел на часы и промолчал. Половина смены была впереди. На ночь лучше не строить прогнозов. «Загад не бывает богат», – говорят в народе.

Сама процедура обработки не отняла много времени.

– Мыться будете? – спросила толстая краснолицая сотрудница, то ли медсестра, то ли санитарка, подошедшая к уже готовой для обработки машине – пустой, с наглухо закрытыми окнами.

– Нет, спасибо, – отказался Данилов и, обращаясь к Эдику, объяснил: – При желании всегда можно вымыться и даже обработать одежду.

– Тогда погуляйте пока.

Тетка подкатила к машине баллон, укрепленный на двухколесной подставке, надела извлеченный из кармана респиратор, приоткрыла одну из задних дверей, взялась за наконецник, всегда ассоциировавшийся у Данилова с брандспойтом, правой рукой просунула его в щель, а левой повернула вентиль на баллоне.

Баллон зашипел, извергая дезинфицирующее средство. Обработчица, с респиратором на лице, сильно похожая на большую свинью, одетую в белый халат, лениво водила «брандспойтом» вверх-вниз, старательно отворачиваясь от клубов белого пара, вырывавшегося через щель наружу.

Сочтя дозу достаточной, она закрыла вентиль, вытянула «брандспойт» наружу, захлопнула дверцу и повторила процедуру, правда в сильно сокращенном виде, обрабатывая передний отсек.

– Коржики! – от волнения Петрович, до того момента спокойно куривший поодаль, выронил сигарету. – У меня там два коржика под сиденьем остались. Эн-зе!

– Плакали твои коржики, Петрович, – посочувствовал Данилов.

– А если они в пакете? – с надеждой уточнил забывчивый водитель.

– Все равно, выброси от греха подальше, – посоветовал Данилов. – Спокойнее будет.

– Спокойнее, да голоднее, – Петрович вздохнул и закурил по новой.

– Сейчас поедем обратно, свернем с шоссе на дублер и купим тебе, маленький, коржиков, – пообещала Петровичу Вера. – Сама за ними сбегая и еще пряничков прихвачу.

– Да я сам куплю, – отмахнулся Петрович. – Обедать теперь точно не дадут...

– Дадут после полуночи... – сказал Данилов. – Вместе с ужином. Целый час будем прохлаждаться на подстанции, чай гонять...

Разумеется, никто ему не поверил, даже Эдик. Только улыбнулись шутке.

У другой тетки, столь же пышущей жизнью, что и первая, Данилов поставил в карту вызова четырехугольный штамп, подтверждающий проведение санитарной обработки.

Погоуляв по двору с четверть часа, бригада уселась в машину.

– Я думал, сильно вонять будет, – сказал Эдик. – А почти не пахнет.

Петрович пошарил правой рукой под креслом, вытащил два коржика в целлофановом пакете, с сожалением посмотрел на них и вернул обратно.

– Потом выброшу, неохота вылезать.

Данилов не обратил на его слова никакого внимания. Он решал проблему – перезагружал «зависший» наладонник. Все наладонники отличались паскудным свойством, отказываться понимать и выполнять команды, как минимум дважды за смену. Ничего не поделаешь – приходилось терпеливо перезагружать их, порой и по два раза кряду.

С одной стороны, наладонники были удобны – позволяли связаться с подстанцией или с Центром практически отовсюду, облегчали запрашивание места на госпитализацию больного и помогали, благодаря встроенной в них функции навигации, быстрее находить нужный адрес.

С другой стороны, благодаря наладонникам, начальство, как подстанционное, так и станционное, круглосуточно могло отслеживать перемещение бригад, что лишало последних возможности «отстояться» в укромном месте или захватить куда-то по своим делам. Кроме того, надо было помнить о зарядке основного и дополнительных аккумуляторов и беречь дорогостоящий прибор от ударов и падений... Но в целом, Данилов признавал, что с наладонником работать было удобнее, чем без него...

– Ничего себе! – Данилов даже присвистнул от удивления, увидев на экране информацию по следующему вызову.

– Что такое, Владимир Александрович? – подала голос Вера.

– Вызывает наше отделение милиции, женщина двадцать семь, плохо с сердцем...

– Они что, с ума сошли – передавать нам такой вызов? – удивлению Петровича не было предела. – Мы же ехать будем на него три часа...

– Сейчас переговорю... – Данилов нажал на кнопку, вызывая подстанцию.

Петрович тем временем вывел машину на Ярославское шоссе.

– Лен, я по поводу вызова... – начал Данилов.

– Можешь не продолжать, – по голосу Котик чувствовалось, что она чем-то раздражена. – У меня все врачебные бригады в разгоне, а фельдшерскую я на такой повод послать не могу...

– Но мы же на другом конце...

– Владимир Александрович, вы освободились? Освободились? Отправляйтесь на новый вызов! В примечании укажете причину долгого приезда! Что-то еще?

– Спасибо, Елена Эдуардовна, вас понял, еду на вызов, – в тон диспетчеру ответил Данилов и отсоединился.

– Совсем уж сдвинулась девка! – выполняя разворот под Северянинским мостом, высказался Петрович, недолюбливавший вредную и резковатую в общении Котик.

– Ее можно понять, – сказал Данилов, рассматривая высотки, протянувшиеся вдоль шоссе, словно гигантские зубы. – Два месяца назад у поросят («поросятами» назывались сотрудники соседней подстанции, заведующая которой носила фамилию Свинына) прошел вызов на дом к женщине тридцати лет, повод – плохо с сердцем. Диспетчер отправила на вызов свободную фельдшерскую бригаду, которая напоролась на классический осложненный задний инфаркт...

– У бабы в тридцать лет?! – изумился подкованный в медицине Петрович. – Инфаркт?

– У женщины тридцати лет, – подтвердил Данилов, делая ударение на слове «женщины». – На фоне сахарного диабета первого типа. Редкость, конечно, но тем не менее. Так вот, умерла она при фельдшере, не дождавшись приезда «спецов»...

– Фельдшера небось затрахали и высушили? – предположил Петрович.

– Нет, – покачал головой Данилов. – Фельдшеру ничего не было – он сделал все правильно. Обезболил, наладил соответствующую капельницу и вызвал «на себя» специализированную бригаду. Досталось диспетчеру – ее уволили по статье, старшему врачу и самой Свинойной, которая в то время загорала в Хургаде...

– Ей-то за что?

– Недоглядела, недоработала, не предусмотрела, – пожал плечами Данилов. – Начальник всегда виноват. Даже на расстоянии трех тысяч километров. На то он и начальник.

– Это точно, – кивнул Петрович. – Вон, где-нибудь в вытрезвителе менты клиента избыют, так вместе с ними и областному милицейскому начальнику пинка под зад дают... Я считаю – справедливо!

– А я так не считаю, – Данилов потер кончиками пальцев виски, пытаясь изгнать головную боль в зародыше. – Есть инструкция, которая регламентирует порядок отправки бригад на вызовы, и все диспетчеры ознакомлены с ней под расписку. В чем тут вина Свинойной? Разве она должна проводить свой отпуск в диспетчерской?

– Наша-то в воскресенье целый день на подстанции проторчала, – ответил Петрович, имея в виду Новицкую.

– Дело хозяйское, – буркнул Данилов, извлекая из кармана упаковку седалгина.

Петрович покосился на то, как доктор «насухую», не запивая, глотает две таблетки подряд, и вздохнул, но ничего не сказал. Он хорошо знал, что головная боль располагала Данилова к молчанию и тишине...

* * *

– Ну, вы даете, медицина, – развел руками майор, сидевший в огороженной прозрачным пластиком дежурке, – не прошло и полгода...

– Мы к вам от Северянинского моста ехали, – пояснила Вера.

– Что, ближе бригады не нашлось? – присвистнул майор. – Ничего себе...

– Можно подумать, в вашей конторе все гладко! – Майор был толст, лыс и при обручальном кольце, поэтому Вера держалась с ним строго. – Где больная?

– Проскурников, проводи! – Майор дотронулся до плеча сержанта, увлеченно решавшего кроссворд за столом.

– Пройдемте, – выйдя из дежурки, пригласил Проскурников.

По лестнице они поднялись на второй этаж и очутились в недлинном коридоре, по обеим сторонам которого протянулись двери. Обычные, а не железные с зарешеченными окошечками, которые ожидал увидеть Эдик. Возле последней с правой стороны двери Проскурников остановился, заглянул в кабинет и доложил:

– Врачи приехали.

– Пусть заходят! – раздалось из кабинета.

В тесном от мебели помещении – здесь стояли два письменных стола, несколько стульев, потертый дерматиновый диван, два громоздких сейфа и не менее громоздкий шкаф – находилось два человека: мужчина в форме с погонами капитана, сидевший за одним из столов, и молодая женщина в домашнем халате и вязаной голубой кофте, лежавшая на диване, свесив ноги на пол.

Ноги были длинные, правильной формы. Данилов невольно залюбовался ими, но тут же одернул себя и склонился над пациенткой. Лица ее не было видно – она закрывала его руками.

– На что жалуетесь?

Проскурников подставил к дивану стул. Данилов сел, достал из кармана тонометр и, мягко взявшись за правую руку женщины, попытался отнять ее от лица. Рука была, словно отлитая из стали. Данилов решил повременить с измерением давления. Он вопросительно посмотрел на капитана.

– Ребенка она приспала, двухмесячного, – буднично, словно говоря о самых обычных вещах, пояснил тот. – Насмерть...

– О, господи! – вырвалось у Веры. – Как же так?

– Устала его укачивать, прилегла на кровать, младенца положила рядом, приобняла, да и заснула. Проснулась – а ребенок мертвый...

– Нет! Нет!!! – Женщина рысью соскочила с дивана и набросилась на капитана. – Не смейте так говорить! Дашенька живая! Живая! Живая!!!

С помощью Проскурникова и Эдика, капитану удалось усадить женщину на диван.

– Мы ей уже и валерьянки давали, и компресс холодный ко лбу прикладывали, – шумно отдуваясь, доложил капитан.

– Компресс-то зачем? – спросил Данилов, накладывая манжету на руку всхлипывающей пациентки, которую придерживал за плечи Эдик.

Снять с себя кофту больная дала без сопротивления.

– Чтобы успокоить, – объяснил капитан. – Верное средство!

Давление оказалось, как и ожидал Данилов, повышенным – сто шестьдесят на девяносто пять. Пульс частый, ритмичный, хорошего наполнения.

– Реланиум внутримышечно, – сказал он Вере и уточнил: – Два кубика.

– Кардиограмму снимать будем? – спросил Эдик, скидывая с плеча кардиограф.

– Будем, – кивнул Данилов.

Кардиограмма была нужна ему не для оценки состояния пациентки, а для того, чтобы избежать очередной нотации Лжедмитрия.

Эдик поставил кардиограф на свободный стол, расчехлил его и начал разматывать провода. Пока Вера делала укол, они успели размотать провода и наложить электроды.

– Снимать будем сидя, – распорядился Данилов, оценив размер дивана. – Так удобнее.

Пока жужжал кардиограф, пациентка сидела не двигаясь, но когда электроды были сняты, снова заволновалась, правда не так сильно, как раньше. Теперь она рыдала, не вставая с дивана, периодически выкрикивая «Дашенька! Девочка моя!» и «Нет!». Вера присела рядом с ней и принялась гладить ее по плечу, приговаривая при этом что-то успокаивающе – ласковое.

– Ее надо госпитализировать, – сказал капитану Данилов. – Куда запрашивать место?

Госпитализация из отделения милиции могла происходить в обычную больницу, если пациент или пациентка были людьми свободными, или же в специальное «режимное» отделение, охраняемое милицией, если госпитализируемые находились под арестом.

– В «закрытое» отделение, – ответил капитан. – До выяснения всех обстоятельств она под арестом. Проскурников, найди сопровождающего...

– Кого я найду в это время?! – возмутился тот. – Скажите...

– Тогда поедешь сам! – оборвал его капитан. – Все, иди!

Глава шестая

Выговор

– Вот.....! – Петрович крепко обложил судьбу-злодейку, столь неблагоприятную к нему. Водителя можно было понять – только вернулся с северо-востока столицы на юго-восток и снова отправляйся обратно. Ярославское шоссе или станция метро «Бабушкинская» – разница небольшая. Все одно – далеко. На другом конце Москвы.

– Давненько я не брал в руки руля! – почти по-гоголевски выразился водитель, включая зажигание. – А что везем?

– Человека! – ответил Данилов.

К сильной головной боли добавилась тяжесть на душе. Так бывало всегда, когда он чувствовал свое бессилие, невозможность помочь, исцелить. Бессилие было чем-то темным, вязким, отвратительным. Оно возникало где-то внутри и пыталось поглотить, нет – не поглотить, а заместить собой все хорошее, светлое, радостное. Бессилие старалось внушить ему мысль о том, что он – никто и от него в этом мире равным счетом ничего не зависит. В такие минуты Данилов начинал искренне сомневаться в правильности своего выбора и подчас даже жалел о том, что не послушался совета матери и не стал поступать в консерваторию.

Логике душевная боль не поддавалась. Бесполезно было объяснять самому себе, что мертвых не воскресить и что ты тут совершенно ни при чем. Все слова отступали перед рыданиями несчастной матери, доносившимися из салона. Несмотря на то что в машине ехала пациентка, Данилов сел рядом с водителем. Не потому, что хотел оградить себя от неприятного зрелища и рыданий, которые, должно быть, были слышны и снаружи, а потому что не мог чувствовать себя лишним, никчемным, беспомощным. Вера – молодец. Нашла какие-то успокаивающие слова, пыталась пробить ими стену, которую разум матери, не могущей смириться со смертью своего ребенка, воздвиг между собой и окружающим миром.

– Володя, ты бы ее полечил покрепче, что ли? – рискнул высказаться Петрович. – Прямо мочи нет слушать...

– Так можно и до остановки дыхания долечить, – ответил Данилов. – В амбулаторных условиях купирование столь сильного стресса не производится. К тому же...

Он хотел добавить еще пару соображений, но вместо этого оборвал себя на полуслове и стал смотреть в окно, словно увидев в нем нечто интересное, доселе невиданное.

Так и ехали. Петрович гнал, как мог, чтобы поскорей доехать до места назначения – сто двадцатой больницы: Данилов смотрел в окно, пациентка то плакала, то звала свою Дашеньку, Вера держала в своих руках ее руку и что-то негромко говорила; Эдик, бледный и растерянный, стараясь занять себя чем-нибудь, то мерил пациентке давление, то пытался сосчитать ее пульс, а Проскурников безуспешно пытался заснуть.

Наконец машина свернула с оживленной улицы на тихую, миновала открытые ворота и подъехала к приемному отделению.

– Нам не сюда, – напомнил Данилов.

– Да, верно, – спохватился Петрович, описывая крюк по больничной территории. – Прощу!

Сдали большую быстро, без проволочек.

– Эй, сержант, садись – отвезем обратно! – крикнул Петрович Проскурникову увидев, как тот пешком направился к воротам.

– Спасибо, – обернулся Проскурников. – Мне обратно только завтра, я свое уже отработал.

– Везет же людям! – Петрович посмотрел на часы и горестно покачал головой. – Куда мы теперь?

– Ташкентский проезд, дом семь, квартира двести двадцать четыре, – ответил Данилов. – Женщина семьдесят два, плохо с сердцем.

– Знакомый адресок... – Петрович наморщил лоб и стал похож на Винни-Пуха.

– Малявина Александра Ивановна – бабушка божий одуванчик, как можно забывать постоянных клиентов?! – напомнила Вера, просунувшись в передний отсек.

– Точно! – просветлел лицом Петрович. – Ну, слава тебе, господи! Хоть отдохну, пока вы ее лечить станете.

– Что за бабушка божий одуванчик? – спросил Эдик.

– Милая старушка, – ответила Вера. – Померяем ей давление, сделаем укольчик, выслушаем очередное воспоминание о партизанских буднях, убедимся, что давление снизилось и уедем. Не вызов, а праздник души!

– Смотри не обломайся, – пробурчал Данилов. – Вдруг ей действительно плохо...

И как в воду глядел. Хорошо хоть доехали быстро по ночной Москве. Весь путь, местами – с сиреной и мигалкой, занял немногим больше получаса. Будь дело днем, Александра Ивановна отправилась бы со свежим инфарктом миокарда не в отделение реанимации сто шестьдесят восьмой больницы, а напрямиком на небеса, на встречу со своим давно умершим супругом. Правда, надежды Петровича немного оправдались – вначале он около часа поспал в машине, пока бригада приводила старушку в транспортабельное состояние, а потом еще немного прихватил в больнице, пока Данилов сдавал Александру Ивановну дежурным врачам реанимационного отделения.

– Вот чего никогда не стоит делать – заранее настраиваться на то, что вызов пустяковый, – назидательно сказал Данилов Эдику, пока они катили пустую каталку из реанимации в приемное отделение. – Непременно обломаешься.

– Я вижу... – ответил Эдик.

Освободившись от каталки, Данилов отправил Эдика в машину, а сам зашел в туалет – облегчиться и полечиться. Лечение заключалось в приеме «трех составляющих обезболивания», именно так Данилов называл про себя таблетку анальгина, таблетку метиндола и таблетку но-шпы, совместный прием которых помогал справиться с головной болью. Не заставить ее исчезнуть совсем, но – существенно уменьшить.

Лечиться Данилов предпочитал уединенно, чтобы избежать выражений сочувствия со стороны окружающих. Сочувствие это тяготило его чуть ли не больше, чем сами боли. Оно делало Данилова каким-то ущербным, неполноценным, хотя сам он себя таковым никогда не считал.

Головная боль отступила уже в машине, когда, не веря своему счастью, они возвращались на подстанцию, но лучше себя Данилов не почувствовал. Тяжесть на душе никуда не делась, а в ушах до сих пор слышались крики матери, зовущей свою Дашеньку.

– Тормозни у супермаркета, Петрович, – попросил Данилов.

Петрович удивился, но послушно остановил машину прямо напротив круглосуточно работающего магазина.

– Кому чего взять? – спросил Данилов, вылезая из машины.

Все дружно промолчали.

– Я мигом! – Данилов захлопнул дверцу.

Войдя в супермаркет, он напрямиком направился к стеллажам с водкой. Выбрал на ходу одну из бутылок, емкостью в литр, добавил к покупкам два плавленых сырка и пошел к смуглой девушке-кассирше, дремавшей за единственной работающей кассой.

– Двести шестьдесят восемь рублей двадцать копеек...

Данилов протянул пятисотенную, полученную сдачу не считая сунул в карман, положил покупки в полупрозрачный пакет и поспешил к машине. Теперь оставалось дождаться конца смены...

– Событие завтра какое? – любопытствовал Петрович, глядя на пакет, который Данилов положил на колени.

– День «скорой помощи», – сухо ответил Данилов, стремясь отбить у Петровича охоту к дальнейшим расспросам.

– А у нас есть свой праздник? – спросил Эдик.

– Есть, – ответила Вера. – Двадцать восьмого апреля! В этот светлый, радостный день мы желаем друг другу свободных дорог, благодарных пациентов, теплых машин, легких ящиков, справедливых заведующих и больших зарплат!

– А во все остальные, значит, не желаете? – пошутил Эдик.

– Желаем, только пользы от этого мало...

– Вот она – родная земля! Пам-пам пам-пам-пам-пам! – Петрович торжественно въехал в гараж подстанции.

– Мы первые, – подпортил его радость Данилов.

В гараже стояли только две полусуточные машины. Раньше, при прежнем заведующем, здесь стояли в ожидании своих владельцев и автомобили сотрудников, но Новицкая положила конец этой «порочной практике» на второй день работы.

– Я тоже паркуюсь на улице, – отвечала она тем, кто рискнул в открытую высказать свое возмущение новыми порядками.

Это было правдой. Свою темно-зеленую «нексию» Елена Сергеевна оставляла на обочине с таким расчетом, чтобы машина была видна из окон ее кабинета...

В диспетчерской Лена Котик учила жизни свою напарницу Валю Санникову.

– Так делают только полные дуры! По уму надо сначала сказать ему, что ты беременна, посмотреть на реакцию и только потом вынимать спиральку!

– А если он мне поверит? – волновалась Валя. – И будет ждать ребенка?

– Твое счастье! Скажешь, что ошиблась, а через месяц залетишь от него по-настоящему. Но так ты хотя бы будешь в нем уверена!

– Я и так в нем уверена! – обиделась Валя. – Без всяких проверок...

– Зря! – от избытка чувств Лена хлопнула ладонью по столу. – Послушай меня, я уж с мужиками наобламывалась...

Увидев входящего в диспетчерскую Данилова, напарницы притихли.

– Вы не заболели, доктор? – спросила Котик.

– Уработался, – Данилов положил ей на стол заполненные карты вызовов и вышел.

– А лучше всего – сначала поженитесь! – вернулась к прерванному разговору Лена.

– Он не хочет, – вздохнула Валя. – Я уже намекала.

– Плохо намекала! Возьми и на его глазах закрути с кем-нибудь роман...

– Зачем, чтобы он обиделся и бросил меня? – от одной только мысли об этом, Валя покраснела. – И потом мне, кроме него, никто не нравится.

– А Данилов? – Лена хитро прищурилась.

В глубине души она сама симпатизировала Данилову.

– Дани-и-илов?! – протянула Валя. – Ну уж нет. Хороший мужик, но больно уж закрытый. Весь в себе, как в броне.

– Хорошие мужики все такие, – возразила Лена. – Только придурки, вроде Жгутикова, живут с душой нараспашку. И то только на первый взгляд.

Среди дам шестьдесят второй подстанции Лена слыла знатоком мужчин хотя бы потому, что она, в свои двадцать восемь лет, успела трижды побывать замужем и находилась в активном поиске четвертой жертвы.

Именно что жертвы – в другом качестве Лена мужей не рассматривала.

От первого мужа она получила московскую прописку и нестандартную фамилию, от второго – комнату в Коломне, а третий в течение трех лет спонсировал Ленино заочное обучение

на психолога. Учиться предстояло еще два года, потом следовало найти хорошую, денежную, работу, поэтому четвертый муж был жизненно необходим.

Выпитая наспех чашка кофе – и снова наладонник позвал в дорогу. «Авто» на девятом километре МКАД, двое пострадавших.

Двое пострадавших мирно покуривали возле своих машин в ожидании инспектора ГИБДД, составлявшего акт, сидя в служебной машине. Второй служивый, не желая терять даром драгоценного служебного времени, остановил проезжавший мимо черный «шевроле» и проверял документы у водителя.

На подъехавшую «скорую» никто из четверых не обратил ни малейшего внимания.

– А мы не вызывали! – радостно сообщил один из водителей, стоило только бригаде вылезти из машины.

– Мы в полном порядке! – подтвердил второй.

– Травм, ушибов и всего такого нет? – спросила Вера.

– Только у тачек! – первый водитель кивнул на неудачно соприкоснувшиеся боками автомобилями.

Капитан, сидевший в машине, оторвался от своего занятия, высунулся в окно и поинтересовался у Данилова:

– Зачем приехали?

– Вызывали же! – ответил Данилов.

– Это, наверное, с «ноль два» вам вызов сделали, – высказал догадку капитан и вернулся к своему занятию...

Последний вызов оказался простым и несложным – к нестарому еще мужчине с остеохондрозом поясничного отдела позвоночника. Обезболивающий укол, совет избегать переохлаждений и поднятия тяжестей, «актив» в поликлинику.

«Вот и все», – сказал сам себе Данилов, сдавая смену Юре Федулаеву.

Отсидев утреннюю конференцию и даже ответив во время нее на несколько вопросов Лжедмитрия, Данилов переоделся в раздевалке и тут вспомнил, что пакет с водкой и сырками остался в комнате отдыха, за одним из складных кресел. Пришлось вернуться.

В комнате отдыха доктор Чугункин помогал доктору Федулаеву в написании аттестационной работы, необходимой для получения высшей категории.

– Анализ распределения вызовов по часам за сутки показал рост обращений в период с восьми ноль-ноль до девятнадцати ноль-ноль – скобки открываются – то есть во время работы поликлиники – скобки закрываются, что можно связать с неудовлетворительной укомплектованностью – скобки открываются – шестьдесят четыре процента цифрами – скобки закрываются – поликлиник, находящихся в районе обслуживания подстанции, врачебными кадрами...

Чугункин размеренно диктовал, держа в руках несколько листов бумаги, исписанных прыгающим, неразборчивым (настоящим «врачебным») почерком доктора Федулаева, но глядел не в записи, а в потолок.

– Так, а данные у тебя откуда? – спохватился Федулаев. – У меня процентов не было. Где ты их взял?

– С потолка, – честно признался Чугункин. – Никто же проверять не станет. Главное – все правдоподобно.

– Мне как-то неловко... – замялся Федулаев. – Так вот...

– Неловко в валенках гимнастикой заниматься и зонтик в кармане раскрывать! – отрезал Чугункин. – Ты не парься, Юра, я же не динамику распределения вызовов по показаниям тебе диктую, а так – второстепенные показатели. Не делай проблемы из ничего!

– Убедил, – согласился Федулаев, теребя рыжеватую, коротко остриженную бороду.

Спорить с Чугункиным трудно – Евгений Кириллович самый умный и знающий врач на подстанции. Это признают все, даже доктора Бондарь и Сафонов. Чугункин давно мог бы

сделать карьеру хоть по административной, хоть по научной линии, но он предпочитает оставаться врачом «скорой помощи». Причину объясняет охотно – нет желания отвечать за других. Ликвидировать чужие косяки, исправлять не свои ошибки (своих ошибок у Чугункина, кажется, не бывает вовсе), отдуваться за грехи подчиненных.

– И вообще – что ты мучаешься, Юра? Возьми да скатай работу у Саркисяна. Она свеженькая, прошлогодняя, вполне подойдет. Все равно все пишут одно и то же.

– Нет, я уж лучше самостоятельно, – ответил Федулаев. – Работа ведь моя. И потом – у меня почти все готово, только с формулировками нелады. Ну не умею я выстраивать длинные гладкие и красивые предложения! Еще в школе, помню, за диктанты получал пятерки, а за изложения и сочинения – тройки...

На появление Данилова коллеги никак не отреагировали. Пришел человек – значит надо. Данилов взял пакет и отправился на кухню.

Кухня была пуста. Данилов нашел в шкафчике свою чашку, обычную керамическую чашку с черной надписью «BOSS» на красном фоне, и до половины наполнил ее водкой.

Уселся за свободный стол, поставил бутылку на пол, чтобы она не бросалась в глаза, достал из пакета оба сырка, а сам пакет положил на соседний стул. Залпом осушил чашку и принялся медленно, обстоятельно очищать сырок от фольги.

Очистил и стал есть, чувствуя, как приятное тепло, нахлынувшее откуда-то изнутри, вступает в противоборство с тоской. Доел сырок, взял в руки бутылку, снова наполнил чашку до половины, снова осушил ее залпом, удовлетворенно хмыкнул, пророча тоске скорое Ватерлоо, убрал бутылку в пакет, спустил на пол и принялся за второй сырок, предвкушая, как придет сейчас домой, допьет водку под шпроты с лимоном и ржаные сухарики материнского приготовления, затем немного поиграет на скрипке, примет душ и завалится спать...

– Что это такое?! – в дверях стояла Новицкая и, смешно морща нос, принюхивалась к воздуху. – Во... Владимир Александрович, что вы здесь делаете?

– Завтракаю, Елена Сергеевна, – ответил Данилов, отмечая про себя тот факт, что за прошедшие десять лет его бывшая любовь, кажется, ни на грамм не поправилась. – Точнее – уже позавтракал и собираюсь домой.

Он аккуратно собрал со стола обрывки фольги, встал и выкинул их в урну, стоявшую под раковиной.

– Вы пьяны!

– Я слегка навеселе, Елена Сергеевна, – миролюбиво ответил Данилов.

Спиртное всегда настраивало его на миролюбивый лад.

– Но прошу заметить, что выпил я лишь после утренней конференции, покончив с работой на ближайшие двое суток...

– Я позволю заметить вам, что распитие спиртных напитков на подстанции строго-настрого запрещено, вне зависимости от того, делаете ли вы это в рабочее или нерабочее время! – Тон Новицкой был раздраженным, а взгляд – холодным. – Прошу вас написать объяснительную, впрочем, если вы сейчас пьяны, то можете написать ее послезавтра.

– Почему же – послезавтра? – пожал плечами Данилов, доставая из-под стола пакет с бутылкой. – Если вам, Елена Сергеевна, так нужна моя объяснительная, то я напишу ее прямо здесь.

Он улыбался, глядя на Новицкую, и ждал, что она вот-вот рассмеется и скажет нечто вроде того, из их совместного прошлого: «Купился, простофиля?». А он подмигнет ей и в двух словах объяснит, какое поганое выдалось дежурство. Данилов не мог представить себе, что заведующая подстанцией всерьез намерена получить с него объяснительную за то, что он по окончании своей смены тихо и мирно выпил на подстанции немного водки. Если бы еще он занимался бы этим после каждой смены, да, напившись, до вечера бродил бы с песнями по подстанции – тогда бы гнев Елены был бы оправданным. Но сейчас...

– Лучше у меня в кабинете, – ответила Новицкая.

– Где скажете.

Данилов проследовал за ней в ее кабинет, чувствуя, что шутка немного затянулась. Лишь тогда, когда заведующая усадила его за свой стол и положила перед ним лист бумаги и ручку, до Данилова дошло, что она и не думала шутить.

– Пишите скорее, у меня мало времени. – Заведующая подошла к окну и распахнула его, словно намекая на то, что хмельной дух, исходящий от Данилова, ей противен.

«Могла бы просто включить кондиционер», – подумал Данилов.

Он опустил пакет со злосчастной бутылкой на пол, придвинул к себе лист, взял ручку и задумался.

– Пишите! – подстегнула заведующая.

– Пишу! – огрызнулся Данилов и написал объяснительную.

Написал все, как было. Что такого-то числа, в такое-то время, им, выездным врачом шестьдесят второй подстанции доктором Даниловым, на территории подстанции, а именно на кухне, было принято внутрь около двухсот граммов водки.

Заведующая стояла за его плечом и читала написанное.

– Теперь подпись и дату! – подсказала она, когда рука Данилова на мгновение повисла в воздухе.

– Я знаю, – буркнул Данилов и дописал: «Сам я это приятное для меня событие нарушением дисциплины не считаю».

Размашисто расписался, поставил дату, подхватил с полу пакет, встал и, не оборачиваясь, не прощаясь ушел прочь.

Раздражение, охватившее его в кабинете начальницы, на улице только усилилось. Привычно заныл затылок. Данилову было плохо и больно, поэтому он не стал ждать троллейбуса, а решил пройти пешком пару – тройку остановок.

По дороге незаметно завязалась беседа с самим собой.

– Что это такое? – вопрошал про себя Данилов, и горькая улыбка играла на его губах. – Придраться к тому, что после смены человек выпил на подстанции. Выпил тихо, мирно, благопристойно. Выпил и уже собирался уходить домой. Разве так можно? Разве так надо?

И тут же ответил себе вслух:

– Нельзя, так нормальные люди не поступают!

При Тюленькове не возбранялось втихаря раздавить на кухне бутылочку после дежурства. Требований к утренним хмельным застольям у прежнего заведующего подстанцией было всего два – не возбуждаться, то есть не разговаривать громко и не расхаживать по подстанции, и не засиживаться дольше часа.

– Денис Олегович – человек! – сообщил Данилов проходящей мимо женщине.

Та испуганно шарахнулась в сторону.

Данилов на ходу достал из пакета бутылку, отвинтил крышечку и глотнул немного водки за здоровье Дениса Олеговича Тюленькова, мысленно пожелав ему всяческих благ.

Дойдя до Рязанского проспекта, Данилов сел в троллейбус.

– Как же мне повезло, что я на ней не женился! – сообщил он старичку, усевшемуся рядом с ним.

– Если не женился, то наверняка повезло! – ответил старичок, часто моргая из-за толстых стекол очков. – Вот если бы женился, то тут уж держись!

– Есть такой анекдот, – к месту вспомнил Данилов. – Жил-был холостой мужчина, которого от зависти вечно донимали женатые друзья. «Женись! – советовали они. – А то перед смертью стакан воды некому будет подать!». Мужик послушал-послушал, да и женился сдуру. Жена, конечно, попалась стервозная и всю жизнь ему испортила. А перед смертью он собрал друзей и сказал: «Самое ужасное то, что пить мне совершенно не хочется...».

Дома Данилов, как и собирался, добил бутылку под шпроты, лимон и сухарики. Опыя-
нел настолько, что передумал играть на скрипке. Постоял с четверть часа под горячим душем,
затем выпил чашку по обыкновению крепкого кофе и лег спать. Спал плохо – тяжесть с души
опала, но теперь вместо нее легла обида. Во сне он несколько раз увидел Елену, распахиваю-
щую окно своего кабинета. Каждый раз она делала это немного иначе, но смысл жеста оста-
вался прежним.

* * *

Светлана Викторовна, придя с работы, обнаружила на кухонном столе пустую емкость из-
под водки и неодобрительно покачала головой. Вот уже десять лет она ужасно боялась того, что
ее сын начнет спиваться на этой проклятой неблагодарной и изматывающей работе, и пожалуй-
ста – ее опасения начинают сбываться. Пустая литровая бутылка из-под водки и никаких при-
знаков присутствия в квартире посторонних людей. Вывод напрашивался сам собой – Володя
с утра пораньше уговорил в одиночку целый литр водки! Невозможно поверить!

Вечером она позволила себе легкое, можно сказать – совсем невесомое замечание по
этому поводу, но сын только отмахнулся и сказал, что он больше пролил, чем выпил. Свет-
лана Викторовна немного успокоилась, тем более что Володя выглядел как обычно, шутил,
рассказывал о прошедшей смене (рассказ был большей частью выдуманным, зато – веселым)
и совершенно не высказывал желаний «добавить градуса уставшему организму». Только запах
перегара, исходящий от сына, напоминал о том, что утро он провел несколько необычно.

Придя на следующее дежурство, Данилов, как и ожидал, увидел на доске объявлений
свежеиспеченный приказ, в котором ему объявлялся строгий выговор с занесением в личное
дело за распитие спиртных напитков на территории подстанции. О премии теперь можно было
забыть и забыть надолго.

Здесь, у доски, его и застал Лжедмитрий.

– Владимир Александрович, зайдите ко мне, – пригласил он. – Вам надо расписаться в
приказе.

Обычно, получившие выговор, «расписывались в получении» в кабинете заведующего.
«Еще один намек», – мелькнуло в голове Данилова. Он невольно улыбнулся.

– Вам приятно получать выговора? – удивился улыбке старший врач. – Вот уж не думал...

– А вы и не думайте, – стараясь сохранить на лице как можно более серьезное выраже-
ние, посоветовал Данилов. – От этого занятия голова очень сильно болит. Просто невыносимо
болит. Поверьте опытному человеку.

– Зайдите и распишитесь в приказе! – нахмурился Лжедмитрий.

Данилов вышел из кабинета старшего врача преувеличенно бодрым, напевая неформаль-
ный гимн родной подстанции, сочиненный в порыве вдохновения доктором Могилой и фельд-
шером Тарасевичем. Исполненный ими в шутку, гимн прижился и стал народным достоянием.

*Сиреневый туман
Глаза мне застилает.
На крыше все горит
Мигалка, как звезда.
А доктор не спешит,
А доктор понимает,
Что с жизнью этой я
Прощаюсь навсегда!*

– Данилов, у тебя что, день рождения сегодня? – удивился попавшийся навстречу Федулаев.

– Почти, мне выговор дали! – беспечно ответил Данилов и продолжил пение:

*Всего один разряд
Мне даст дефибриллятор —
И сердце застучит
Как новое в груди.
Вот кислород, шипя,
Пошел из аппарата.
Водитель, не гони!
Водитель, погоди!*

– Шестьдесят два – одиннадцать – вызов! Одиннадцатая бригада – вызов! – грохнули динамики.

– Спасибо! – поблагодарил Данилов, прекращая петь.

В машине пришлось выслушать сочувственные слова от Петровича и Веры.

Петрович больше всего сокрушался по поводу лишения премии, которое неизбежно следовало за строгим выговором, а Вера делала упор на то, что обидно страдать без вины.

– Вы оба не правы, – сказал им Данилов. – Премия тут ни при чем, черт с ней, с премией. Жил без нее и еще поживу! И в наказании без вины нет ничего обидного. Несправедливость есть, а обиды нет. Обидно разочаровываться в людях, которых ты давно знаешь и которых когда-то... уважал. Вот это хуже всего. Выбивает из колеи напрочь!

– Это верно! – согласился Петрович.

– Разочарование – страшная вещь, – подтвердила Вера.

Эдик молчал, считая неуместным в такой момент лезть к Данилову с утешениями и сочувствиями. Данилов это оценил.

Глава седьмая

Нетерпение сердца

По случаю окончания стажировки Эдик Старчинский проставился – накрыл после последней стажерской смены «сладкую поляну». Три торта, кило шоколадных конфет, миндальное печенье, чай и кофе... Эдик заикнулся было о «паре бутылочек красного вина», но Данилов тут же охладил его пыл, намекнув, что в свете новых порядков присутствие спиртных напитков в меню праздника совершенно излишне. Можно одновременно с окончанием стажировки и увольнение отметить. Умный Эдик намек понял и крепче чая ничего на стол не выставил.

Празднование любого события на «скорой помощи» касается всех сотрудников без исключения, но на деле компании группируются по взаимной приязни и общим интересам.

Чаепитие, в котором, кроме Эдика, принимали участие Данилов, Вера, доктор Могила и фельдшер Еременко, уже подходило к концу, когда на кухню явилась полусуточная двенадцатая бригада в составе доктора Бондаря и фельдшера Сорокина, решивших выпить чаю в ожидании вызова.

– Гуляете? – Бондарь был мастер задавать глупые вопросы. – По какому поводу?

– Гуляем! – ответила Вера. – Отмечаем рождение нового доктора!

– Дело хорошее, – одобрил Бондарь, усаживаясь за соседний стол.

Минутой позже напротив него уселся Сорокин, которого несмотря на довольно солидный возраст вся подстанция звала не иначе как Борькой. Сорокин занялся делом – начал поочередно макать один пакетик в две чашки с кипятком, заваривая чаек себе и Бондарю.

– Крепкий чай вреден для сердца, – прокомментировал его действия Бондарь.

Его немаленький, перебитый в верхней трети, красный нос, покрытый сетью сизых прожилок, наглядно свидетельствовал о пристрастии к иным крепким напиткам – от сорока градусов и выше.

Сочтя чай заварившимся, Сорокин пододвинул одну из чашек к Бондарю. Со стороны они были похожи на двух братьев. Оба коренастые, невысокие, с грубыми, точно рублеными, чертами лица. Только Сорокин был лыс и носил небольшую козлиную бородку, явно подражая Лжедмитрию или надеясь вызвать его расположение, а Бондарь брил лицо и голову наголо, отчего его прозвали «Котовским».

– Мне недавно на вызове подарили настоящий тибетский чай, – похвастался Сорокин. – Фантастический чай. Растет в горах, высоко-высоко, там, где охрнительная экология. Очень выгодный чай, между прочим! Заваривается семь раз кряду и каждый раз вкус совершенно иной!

Бондарь и Сорокин не гнушались побираться на вызовах в прямом смысле этого слова. Пытались напроситься на угощение, в два голоса сетовали на нехватку денег, стреляли сигареты, а при случае могли, словно по рассеянности, прихватить хозяйскую пачку. На подстанции их звали «крохоборами» и «побирушками». Данилов не сомневался, что чай, о котором идет речь, Сорокин выпросил на вызове или попросту сташил.

– А вы что, нового доктора только чаем обмываете? – Бондарю не давало покоя чужое застолье.

– И кофе тоже, – ответил виновник торжества.

– Ну да, конечно, – поспешил согласиться Бондарь. – Чай и кофе, что может быть лучше? Тем более что в ваших рядах есть пострадавшие от употребления водочки...

– Витек, заткнись! – не оборачиваясь, посоветовал ему Данилов.

Обычно Бондарь понимал предупреждения с первого раза, но сегодня его потянуло покуражиться.

– Нет повести печальнее на свете! – глумливо продекламировал он, намекая на романтические отношения, некогда связывавшие доктора Данилова с заведующей подстанцией, и, чтобы быть уверенным, что смысл его намека дошел до всех, добавил: – Ах, ах, какие романтические страсти! Скажите пожалуйста...

Все, сидевшие на кухне, кроме Бондаря, тотчас же притихли в ожидании развязки. Доктор Данилов был не из тех, над кем можно было безнаказанно издеваться.

– В сущности отношения между мужчиной и женщиной есть не что иное, как вечная война за первенство... – вещал Бондарь.

Данилов невозмутимо и неторопливо, словно не замечая устремленных на него взглядов, допил свой чай, сыпанул в опустевшую чашку заварки, поднялся с чашкой в руке, прошел к чайнику, стоявшему на столе около раковины, залил заварку кипятком и так же неторопливо направился обратно. Проходя мимо Бондаря, с невозмутимым видом продолжавшего рассуждать, а точнее – нести какую-то белиберду о человеческих взаимоотношениях, Данилов споткнулся и опрокинул чашку прямо на его бритую голову.

– А-а-а! – Бондарь вскочил, отшвырнув стул в сторону и бросился к раковине. – Ты что-о-о?!

Бондарь пустил на всю мочь холодную воду и сунул под нее голову, орошая все вокруг брызгами.

– Извини, Виктор, нога подвернулась на ровном месте, – сказал ему в спину Данилов и уселся на свое место с пустой чашкой в руках.

Чая ему не хотелось. Напился уже – хватит.

– Сильно обожглись, Виктор Георгиевич? – Сорокин подошел к Бондарю, но тот, в сердцах, оттолкнул его.

– Упал однажды Винни-Пух с дерева, – начал Данилов. – Пятачок подбегает к нему и спрашивает участливо: «Винни, Винни, тебе больно?» А тот ему отвечает: «Уйди, свинья, хреново мне!»

Засмеялся один Эдик.

– Что тут происходит?! – на вопль прибежали Казначеева и Лжедмитрий.

– Виктор Георгиевич, голову надо мыть дома! – строго сказал Лжедмитрий. – И по возможности молча...

Бондарь никак не отреагировал на его слова. Фыркая и брызгаясь, он продолжал держать голову под спасительной струей воды, вертя ею в разные стороны.

– Виктор Георгиевич пострадал по моей оплошности, – пояснил Данилов. – Я случайно опрокинул на него свой чай. Досадная оплошность...

По глазам Борьки Сорокина Лжедмитрий понял, что у того есть своя версия событий.

– Чай сам по себе не опрокидывается! – строгость в голосе старшего врача все прибавлялась.

– Вы ошибаетесь, – возразил Данилов. – Если желаете – можете убедиться на личном опыте. Сядьте сюда, на место доктора Бондаря, и я вам покажу, как все было...

– Спасибо, я воздержусь от экспериментов.

– Как знаете, – Данилов не стал настаивать.

Бондарь, наконец, закончил свои водно-спасательные процедуры и принялся осторожно промокать голову не первой свежести полотенцем, висевшим у раковины.

– Так, посмотрим! – Казначеева с высоты своего роста оглядела ошпаренную голову и тут же поставила диагноз: – Гиперемия без волдырей, ожог первой степени. Легко отделались, Виктор Георгиевич, могло бы быть и хуже... Пойдемте ко мне в кабинет, башку вашу мазью полечим.

Виктор Георгиевич зло сверкнул глазами в сторону стола, за которым сидел Данилов, и покинул кухню вслед за старшим фельдшером. Тут же неслышно и незаметно, словно джинн из арабской сказки, исчез Сорокин. Лжедмитрий остался.

К тому времени сладости были съедены, чай и кофе допиты. Народ, пользуясь тем, что раковина освободилась, принялся по очереди мыть свою посуду и расходиться.

Неписаное правило – на «скорой» посудомоек и официанток нет. Каждый сам моет и убирает за собой.

Данилов остался сидеть за столом, делясь с Эдиком тонкостями лечения мерцательной аритмии при синдроме Вольфа-Паркинсона-Уайта. На подошедшего старшего врача он демонстративно не обращал внимания.

Лжедмитрий потоптался около стола, пригнувшись к воздуху, якобы случайно позволил ручке выпасть из кармана, чтобы получить повод заглянуть под стол, после чего сказал:

– Поосторожней надо быть, Владимир Александрович...

– Приму к сведению, Дмитрий Александрович, – пообещал Данилов и предложил: – Объяснительную по поводу инцидента написать?

– Не делайте из меня идиота! – вспыхнул Лжедмитрий и поспешил уйти.

– Ваши родители и без моего участия неплохо справились со своей задачей! – громко нахамил вслед ему Данилов (старший врач никак не отреагировал) и поморщился от боли, раскаленным гвоздем пронзившей ему виски.

– Что такое? – заволновался Эдик.

– Ничего, – ответил Данилов. – Башка трещит. Это у меня привычное состояние. Последствия чээмтэ.

– Я в курсе...

– Кто успел рассказать? – вскинулся Данилов. – Колитесь, сударь!

– Слухами земля полнится, – улыбнулся Эдик. – Сейчас уже и не вспомню кто.

– Молодец! – одобрил Данилов. – Информаторов выдавать нельзя. Кстати, ты уже получил форму?

– Да, еще до конференции. Два комплекта. Даже померить успел. Все путем! Теперь никакого нарушения формы!

– Прекрасно. Значит, тебя на подстанции ничего не задерживает?

– Нет.

– Есть предложение перенести наше общение в пространство, не скованное производственными условностями. Я знаю тут неподалеку, на Ташкентском одно кафе...

Кафе держал тбилисский армянин по имени Вазген, друг детства доктора Саркисяна. Однажды при совместном посещении заведения Саркисян познакомил Данилова с Вазгеном.

– Вова – наш человек, – серьезно сказал Саркисян, представляя Данилова.

– Армянин! – обрадовался Вазген, горячо потряс руку Данилова и разразился длинной тирадой на армянском.

– Нет, – покачал головой Саркисян. – Вова не армянин. Просто – хороший человек и хороший врач.

– Хороший врач в наше время на вес золота! – Вазген еще усерднее потряс даниловскую руку. – Рад знакомству!

– Теперь у тебя два знакомых хороших врача, – констатировал Саркисян. – Это здорово!

– А второй кто? – Вазген наконец-то выпустил руку Данилова.

– Как – кто? Я!!!

– Ай, бичо?! Ты?! – деланно удивился Вазген. – Можно подумать, я забыл, как ты у меня в школе все контрольные списывал?!

Приятели шутливо пререкались весь вечер. На прощанье Вазген, к тому времени не очень твердо державшийся на ногах, пригласил Данилова заглядывать в кафе по-свойски. Данилов

не преминул воспользоваться приглашением и вскоре стал завсегдатаем. Особенно он любил после трудного дежурства побаловать себя тарелкой наваристого хаша – супа из говяжьих копыт с требухой...

– Я – за, Владимир Александрович! – обрадовался Эдик. – Как говорится – только штаны подтяну!

– Пошли, – Данилов встал из-за стола. – И прекрати называть меня на «вы» и по имени-отчеству! Просил же уже...

– Да как-то неудобно. Вы старше...

– Неудобно напоминать человеку о его возрасте, – Данилов шутливо погрозил Эдику пальцем. – Привыкай. Или же я тоже перейду на «вы» и буду называть тебя Эдуардом Сергеевичем. Получится полный... марлезонский балет.

На выходе с подстанции им повстречался Федулаев.

– Наслышан от Могилы о твоих подвигах, – сказал он Данилову. – Он говорит, что Витьку теперь голову брить не придется.

– Наш долг – помогать ближнему! – Данилов вспомнил выражение физиономии ошпаренного Бондаря и не смог сдержать улыбки. – Но бритва ему еще пригодится. Я его все-таки чаем облил, а не кислотой.

– Пожалел, значит? – усмехнулся Федулаев, на дух не переносивший Бондаря.

– Кислоты под рукой не оказалось, – ответил Данилов. – Счастливого дежурства!

– Счастливо отдыхать! – отозвался Федулаев, потрясая в воздухе сжатым кулаком.

Данилов и Старчинский вышли на улицу. Эдик посмотрел на солнце, подвешенное в чистом, без единого облачка, небе и блаженно сощурил глаза:

– Хорошо!

– Пешком? – предложил Данилов. – Или проедем две остановки?

– Погода хорошая – можно и пешком, – ответил Эдик. – Две остановки – это не расстояние и даже не дистанция.

– Тогда шагай помедленнее, а то я за тобой не успеваю. Года берут свое.

– Да ладно ва... тебе! – засмеялся Эдик. – Не надо косить под аксакала! Особенно – без седой бороды!

Данилов шел по утренней улице и пытался, как Эдик, радоваться жизни. Получалось не очень хорошо. Данилову стало завидно.

– Знаешь, что самое приятное в нашей работе? – спросил он.

– Помогать людям! – уверенно ответил Эдик.

– Нет, помогать людям – это суть нашей работы, а не самое приятное, – Данилов покачал головой. – Самое приятное – это идти утром после смены домой или еще куда, и снисходительно смотреть на тех, кто спешит на работу, немного сочувствуя всем этим бедолагам, которым еще так далеко до свободы...

– Тогда самое худшее, – Эдик, что называется, с лету подхватил мысль и развил ее, – это вечером завистливо смотреть на тех, кто спешит домой, зная, что до окончания твоей смены еще четырнадцать часов.

– Ты не прав, это не самое худшее. Самое худшее – это чувствовать свою беспомощность. А самое противное – подчиняться дуракам!

– При прежнем заведующем было лучше? – предположил догадливый Эдик. – Я-то при нем всего трое суток отработал, так что сравнивать мне не с чем.

– Я говорил не о заведующем, я говорил о тех, кто придумывает дурацкие правила, по которым мы должны жить. Все эти условности, понятия, обычаи, согласно которым... Да что там говорить! Давай лучше помолчим.

– Хорошо, давай помолчим, – согласился Эдик и до самого кафе не проронил ни слова...

– Хаша нет, – искренне огорчилась толстая официантка, как и все сотрудники кафе, приходившаяся родственницей хозяину. – Летом мы его не готовим. Жарко. Не сезон. Возьмите сациви и чанахи.

Что такое сациви, Данилов знал – холодная курица в соусе из грецких орехов. Чанахи было ему неведомо.

– Хорошо, – переглянувшись с Эдиком, согласился он. – Несите. И пол-литра водки, какая получше.

– Зелень, брынза, лаваш? – напомнила официантка.

– Естественно, – спохватился Данилов. – Без этого никуда.

– Здесь вкусно пахнет, – принялся Эдик, оглядывая уютный, отделанный «под дерево» зал.

Данилов рассмеялся.

– Что такое? – покрасневшие уши выдали смущение Эдика.

– Ты также двигаешь носом, как и Лжедмитрий, – объяснил Данилов. – Хищно! Вы с ним не родственники?

– Я его внебрачный сын, только это строго между нами, – шепотом «признался» Эдик. – В папочке проснулись родительские чувства, и он пристроил меня под свое крылышко.

– Ты умеешь шутить с серьезным видом. Это опасно.

– Почему?

– Наши сплетники не поймут, что ты шутишь. Вот сиди на моем месте Лена Котик, назавтра вся «скорая» знала бы о ваших отношениях с Кочергиным.

– Я столько не выпью, чтобы пойти в кафе с Леной Котик, – ответил Эдик.

– Симпатичная ведь девица, – прикинулся непонимающим Данилов.

– Змея, – поморщился Эдик. – Не люблю таких.

Официантка принесла на подносе тарелки с лавашом, сыром и зеленью.

– «Парламент» вас устроит? – уточнила она насчет водки.

– Вполне, – ответил Данилов. – Лишь бы холодная была.

– Лед, а не водка, – улыбнулась официантка и исчезла, чтобы минутой позже принести запотевший графин (Вазген держал марку заведения!) с водкой, рюмки и глиняные миски с сациви.

– Запивать чем будете?

– Мы водку обычно закусываем, – отшутился Данилов.

– Тогда ешьте. Чанахи еще не скоро будет...

– Ты знаешь, что такое чанахи? – спросил Данилов, когда официантка ушла.

– Мясо с овощами в горшочке, – ответил Эдик. – Самое то после смены.

– Ну и славно! – Данилов откупорил графин, ощущая приятную прохладу, исходящую от него и наполнил рюмки.

– Ну что – в добрый, как говорится, путь! – Данилов хотел пожелать Эдику чего-то особенного, но ничего особенного ему в голову не пришло.

– Спасибо! – Эдик поднял свою рюмку. – И за доброе слово, и за стажировку!

Они выпили.

– Нет, не смей! – Данилов перехватил руку Эдика, приготовившегося подцепить на вилку кусок коричневой от орехового соуса курицы. – Первую закусываем исключительно зеленью и брынзой!

И первым подал пример.

– Здорово! – с набитым ртом промывчал Эдик, одобряя даниловский метод.

– Я плохого не посоветую! – хмыкнул Данилов, снова берясь за графин. – А вторую мы пустим под курицу.

– Извините. – К их столу подошел бармен, профилем и кудрями сильно смахивающий на Пушкина. – У нас есть урц. Вчера привезли. Вам заварить?

– Конечно!

Данилов в первое посещение кафе по рекомендации Саркисяна попробовал этот душистый «чай» из травы, отдаленно напоминавшей мяту, и остался доволен...

– Ты считаешь меня алкашом? – спросил Данилов, попросив официантку, подавшую им чанахи, обновить графин.

– Ну что ты, Вова! – Эдик расплылся в улыбке. – Откуда такие подозрения?

– Ну то на подстанции напился, то вот... – Данилов указал рукой на стол.

– Если хочешь знать, что после того дежурства я сам не мог дома заснуть, пока не опрокинул стакан, – признался Эдик. – Ужасно тягостный осадок на душе остался. Так что я тебя понимаю. И выговор тебе дали не по делу...

– Это с какой стороны посмотреть, – прищурился Данилов. – За то, что выпил после смены – не по делу, а вот если принять во внимание другие обстоятельства...

– Вова! – Эдик предостерегающе поднял вверх руку. – Я не люблю обсуждать личную жизнь своих друзей. Даже с ними. Это очень тонкая сфера, в которую посторонним лучше не лезть!

– Боишься, что опрокину на тебя чайник? – Данилов покосился на полупустой чайничек с заваренной барменом травой.

– Нет, просто следую своим принципам, – твердо ответил Эдик. – Могут у меня быть принципы?

Официантка принесла новый графин.

– Спасибо, – поблагодарил Данилов, принимая графин у нее из рук.

Наполнив рюмки, он поставил графин в центр стола, словно проводя границу между собой и собеседником и ответил:

– Не могут, а должны. Без принципов человеку нельзя! За принципы!

– За принципы! – поддержал Эдик.

– Собственно говоря, я не собирался обсуждать с тобой свою личную жизнь, – сказал Данилов. – Мне просто хочется поговорить с тобой о чем-то хорошем, только я сам не знаю, как начать этот разговор...

Эдик внимательно слушал его, позабыв про чанахи.

– Бывает так – встретишь человека и сразу понимаешь, что это хороший человек. Понимающий, думающий. А бывает и наоборот. Вот когда я впервые увидел на подстанции Бондаря, то у меня не было сомнений, что он – козел! И я не ошибся.

– Ты классно его ошпарил, поделом.

– Это я так, спонтанно. Почувствовал вдруг, что если никак не отреагирую, то никогда не прощу себе этого. С другой стороны, понял, что если отреагирую, то буду выглядеть... мягко выражаясь – забавно. Вот и пришлось разыграть случайную оплошность. Опять же – и душу потешил, и от выговора уберегся. А то и от тюрьмы. Бондарь – гнилушка, выбей я ему пару зубов, он тут же бы в милицию с заявлением побежал.

– Такой может, – подтвердил Эдик. – Ты все сделал правильно.

– Вот! – Данилов повысил голос. – Вот о чем я хочу поговорить. О том, что правильно и что неправильно. Но не глобально – абстрактно, а применительно к моей жизни. Это не противоречит твоим принципам?

– Нет.

– Прекрасно! Тогда слушай... Когда-то, в далекие студенческие годы, когда жизнь казалась сплошным праздником, у меня была девушка... Есть варианты ее имени?

– Гюльчатая Абдурахмановна ибн Хоттаб? – не раздумывая, сказал Эдик.

– Допустим, – согласился Данилов. – Хотя для удобства можно назвать ее... ну хотя бы Еленой. Так вот, мы с Еленой любили друг друга и все у нас было хорошо. Ты ешь, ешь, а то остынет. Я долго говорить буду.

Эдик послушно начал уплетать чанахи.

– Нельзя ли принести нам всякой мясной нарезки? – Данилов отвлекся на официантку, так кстати подошедшую к столу.

– Можно! – обнадежила официантка. – Зелени еще принести?

– Да.

Официантка ушла. Данилов поразился тому, как она ходит. С одной стороны, вроде так неторопливо покачивает бедрами, а с другой – снует туда-сюда очень быстро. Загадка.

– Так вот. В один не так чтобы очень прекрасный день Елена сообщила мне, что выходит замуж за другого...

– Почему? – Эдик перестал есть.

– Потому что ее не устраивали наши отношения. Ты ешь... Она считала, что я должен сделать ей предложение, а я считал, что это ничего не изменит в наших отношениях. Не может изменить. Ну, сходим мы в загс, обменяемся там кольцами, а дальше что? Неужели это может добавить счастья?

– Традиции живучи, – вздохнул Эдик. – И женщины всегда хуже смотрят на гражданский брак, нежели мужчины.

– По-разному бывает... В общем – мы расстались.

– Ты страдал? – Эдик, кажется, забыл о своих, недавно заявленных, принципах.

Взгляд его был полон сочувствия. Даже не сочувствия, а сострадания.

– Ты будешь хорошим врачом, – отметил Данилов. – Если не сопьешься раньше с нами.

– Я постараюсь, – серьезно пообещал Эдик. – Но ты не ответил на мой вопрос.

– Я очень страдал...

Данилов вспомнил ту хандру, накотившую на него перед самыми экзаменами, когда он чуть было не вылетел из института. Ни до чего не было ему дела, все валилось у него из рук – и учебники, и ложка, и бритва. Он отошал, зарос и еле-еле (и то, благодаря хорошему впечатлению, сложившемуся о студенте Владимире Данилове у преподавателей за время учебы) вытянул сессию на тройки.

Светлана Викторовна не знала, что и думать. Она волновалась, расспрашивала, строила предположения, но никак не могла догадаться, что виной всему та самая «наглая лимитчица», с которой дружил ее доверчивый сын.

Кульминацией стало приглашение «в гости», под видом школьной подруги, врача из наркологического диспансера. Затея окончилась крахом. Во-первых, Владимир знал всех подруг матери, а о тех, кого ему знать не довелось, много раз слышал – Светлана Викторовна любила на досуге предаваться воспоминаниям, и поэтому появление доселе неведомой Миры Яковлевны насторожило Данилова. Во-вторых, Мира Яковлевна проявила чрезмерный интерес к делам сына «своей лучшей подруги» и просто засыпала его вопросами, с головой выдававшими ее профессиональный интерес.

После ухода разоблаченной докторши Светлана Викторовна долго просила у сына прощения, перемежая фразы долгими рыданиями и картинным заламыванием рук. Сын не выдержал и объяснил матери причину своей депрессии. Хоть он и не был сторонником чрезмерного посвящения матери в свои дела, но выглядеть наркоманом в ее глазах ему совсем не хотелось. Вечер закончился ссорой – Светлана Викторовна, узнав о том, что Елена выходит замуж за другого, не смогла скрыть своей радости, а Данилов, оскорбленный в лучших чувствах, наговорил матери дерзостей, и оглушительно хлопнув дверью, ушел, в чем был, из дома. Три дня он прожил у Полянского.

– А потом, в один день, вот это уже был действительно прекрасный день, без преувеличения, все прошло. Как отрезало. Превратилось в воспоминание. Со временем мне начало казаться, что это происходило не со мной, что я просто видел такой фильм или читал книгу об этом.

– Прошло бесследно? – уточнил Эдик.

– Почти бесследно. Осталась только стойкая неприязнь к длительным отношениям с женщинами...

Официантка принесла большую тарелку с тонко нарезанным вяленным мясом и тарелку поменьше со стопочкой нарезанного квадратами лаваша. Вместо них на поднос переключала опустевшая посуда.

Пока она возилась у стола, Данилов сделал паузу, во время которой успел проглотить чуть ли не половину содержимого своего горшочка.

– Вкусно? – улынулась официантка, перехватив его взгляд.

– Очень! – подтвердил Данилов. – Ваш повар – волшебник.

– Мне тоже понравилось, – сказал Эдик.

– Спасибо, – поблагодарила официантка и ушла.

– Не могу позволить себе привыкнуть к кому-то, – продолжил Данилов, разливая водку по рюмкам. – Не хочу позволять. Лучше так – одному.

Движением бровей Эдик выразил свое несогласие с последним утверждением.

– Одному внутри, в душе, – пояснил Данилов, – психологическое одиночество не подразумевает одиночества в бытовом и физиологическом смысле этого слова. Я не монах, а обычный здоровый мужик. Ну – почти здоровый, если не брать в расчет мою знаменитую посттравматическую энцефалопатию. У меня есть и всегда были подружки, кое-кто из них даже работает на нашей подстанции...

– Фельдшер Макаренко и доктор Чанцева...

– Я был уверен, что ты учился ремеслу, а не собирал сплетни, – Данилов нахмурился и погрозил ему пальцем.

– Одно другому не мешает.

– Возможно... За все хорошее!

– За все!

Было так здорово сидеть в уютном месте с понимающим тебя собеседником, пить хорошую водку, закусывать ее вкусной, практически домашней едой, вести неспешный разговор и время от времени негромко чокаться рюмками. Было в этом что-то радостное и, одновременно, умиротворяющее. Грязный и жестокий мир, полный несправедливости и боли, отошел на второй план, уступив место гармонии грамотного застолья и блаженству душевной беседы. Совершенно незаметно для себя Данилов выложил собеседнику все, что лежало у него на душе, и почувствовал нечто вроде облегчения от своей импровизированной исповеди. Эдик слушал молча, лишь изредка задавая уточняющие вопросы, а под конец, когда они, откинувшись на спинки своих стульев, запивали обед обжигающе горячим кофе из крохотных чашечек, сказал:

– Мне кажется, что кое в чем ты ошибаешься, Вова...

– В чем же? – Данилов поставил пустую чашечку на блюдце и внимательно уставился на Эдика, чувствуя, что тот хочет сказать нечто важное.

– Ты не выпускаешь никого в свою жизнь не потому, что боишься привыкнуть к кому-то, боишься новых разочарований, новых потерь. Ты, насколько я понимаю, очень мало чего боишься. Ты просто держишь место для *нее*. Ты ждешь ее возвращения...

– Эдик, ты перепил, – перебил его Данилов, – и говоришь глупости.

– ...И боишься признаться в этом самому себе, – продолжил Эдик. – Ты хочешь всегда быть сильным, и в этом твое слабое место.

Глава восьмая

Смятение чувств

Бывает так – живут люди вместе около десяти лет, наживают какое-то имущество, двоих детей, заводят собаку и считаются вполне благополучной семьей. Считаются до тех пор, пока муж не приревнует жену к соседу и не нанесет ей восемнадцать колотых ран кухонным ножом.

«Женщина тридцать два года, ножевое ранение» не тот повод, который настраивает бригаду на благодный лад. Запрыгнули в машину, доехали при «светомызыке», выпрыгнули и бегом поднялись на четвертый этаж хрущевки.

Кардиограф Данилов оставил в машине – не тот повод. Вместо этого прихватил плащевые носилки. Из типовых пятиэтажек можно вынести больного и на обычных носилках, но кто его знает – какая там ситуация с мебелью в квартире, особенно в прихожей. Некоторые умудряются впихнуть в маленькое пространство столько мебели, что всю жизнь ходят бочком. И ничего – привыкают. Разумеется, им и в голову не приходит мысль о том, что когда-нибудь здесь понадобится пронести тело на носилках. Их собственное тело...

Влетев в квартиру, буквально набитую людьми в синей форме, Данилов кинулся к пострадавшей, разлегшейся в огромной луже крови, вольготно раскинув руки.

– Умерла еще до нашего приезда. – Старший лейтенант был знаком Данилову, им уже приходилось не раз встречаться «по службе».

У лейтенанта было редкое имя – Тимофей.

– Странно, если бы она была жива... – словно про себя сказал Данилов, надев перчатки и расстегнув мокрый от крови ситцевый халатик. – Два проникающих в сердце, перерезана левая сонная артерия, да и брюшной отдел аорты явно задет...

Над пупком, по центру живота, он насчитал семь ран, своим расположением напоминавших расходящиеся во все стороны лучи солнца.

Тимофей показал Данилову и Вере орудие убийства – большой кухонный нож с фигурной деревянной ручкой, уже упакованный в прозрачный пакет. И лезвие, и ручка были испачканы кровью.

– Соседка вызвала, – сказал старлей. – И нас, и вас.

– Муж? – спросил Данилов.

– Муж, – подтвердил Тимофей. – Соседка говорит – ревновал он ее сильно.

– Любил, значит, – вздохнула Вера.

– Лучше бы уж ненавидел, – зло сказал Данилов. – Глядишь, и успели бы...

Оставив Тимофею номер наряда, Данилов пошел к выходу.

– А его-то задержали? – спросила любопытная Вера.

– Сбежал, – ответил Тимофей и добавил: – Никуда он не денется – протрезвеет и сам явится. С повинной.

– Что только люди не творят! – сказала Вера, догнав Данилова на лестнице. – Ужас... Только подумаешь, что еще вчера у детей были папа и мама...

– А теперь у них никого нет! – ответил ей Данилов. – И хватит пустой болтовни!

– Вы сегодня какой-то странный... – обиделась Вера. – Уж и слова сказать нельзя.

– Можно, только зачем? – Данилов изо всей силы пнул ногой дверь и вышел на улицу.

Открыл дверцу салона, зашвырнул внутрь носилки и, обернувшись к Вере, сказал:

– Самое ужасное в том, что когда-то они любили друг друга. Или, хотя бы, испытывали приязнь...

Та промолчала – явно продолжала сердиться. Данилов знал, что надолго ее не хватит – Вера была отходчива.

– Мне только что начальник колонны звонил, – сказал Петрович, когда Данилов сел на переднее сиденье, и достал наладонник.

– Что такое? – по выражению лица водителя Данилов понял, что повод для звонка был важным.

– Ольшевского задержали с наркотой, вот что!

– Это кто такой? – не сразу врубился Данилов.

– Метастаз!

– Да ну?

– В сто шестьдесят восьмой. Пока бригада больного сдавала, Метастаз продал наркомому пять ампул морфия и две упаковки трамала. Нарком оказался опером из наркоконтроля.

– И когда это случилось? – спросила Вера.

– Да еще с первого вызова, должно быть. Если уж и до Сорокина дошло...

Сорокин был начальником колонны. Его боялись даже самые «отмороженные» водители. Он умел внушать подчиненным трепет.

– А наши-то хороши – хоть бы словечко сказали! – возмутилась Вера.

– Как ты себе это представляешь? – спросил Данилов. – Сиротина забывает на работу начинает обзванивать все бригады и взахлеб живописать подробности ареста Метастаза? Или рассылает сообщения: «Метастаза повязали. Готовьте передачи»?

– Да ну вас! – рассмеялась Вера, поняв, что сказала глупость.

– Коперника восемь, четвертый подъезд, – Данилов огласил следующий адрес. – Мужчина тридцать восемь, ампутация руки. Редкий повод для квартиры, можно даже сказать – уникальный...

Травматические ампутации конечностей, преимущественно рук, случались на деревообрабатывающем комбинате, были нередки они в кулинарных отделах магазинов, где электрическими ножами разделялись продукты, и изредка происходили на железной дороге. Но на дому такого повода Данилов не припоминал.

– Как разобрало их сегодня, – заметил Петрович. – То ножевое, то ампутация. Вот ты скажи мне – как, сидя дома, можно ампутировать себе руку? Теще в пасть сунуть?

– Ну, зачем же сразу теще?! – подала голос Вера. – Можно и свекрови...

– А если серьезно? – Петрович резво вывел машину из лабиринта дворов и включил «светомузыку», чтобы с чистой совестью развернуться в неполюженном месте.

– Можно рубить грудинку на суп и по рассеянности заехать топором по руке, – предположил Данилов. – Хотя – какой силы должен быть удар, чтобы сразу так взять, да и ампутировать руку?

– Да что там гадать – домашний деревообрабатывающий станок! – Вера просунула в передний отсек голову, «облагородив» атмосферу своими пряными, приторно-сладкими (по собственной тайной классификации Данилова – «душными») духами.

Одевалась Вера со вкусом, но вот с косметикой и парфюмерией вечно перебарщивала.

– Надо мной живет дед, мы его папой Карло прозвали, так у него целый день такой станок работает – не всегда удается уснуть после смены, – пожаловалась она.

– Молодец дед! – одобрил Петрович. – Трудится! Краснодеревщик небось?

– Красноносик! – рассмеялась Вера. – Такой же алкаш, как и все!

– Почему – как и все? – Петрович еще не умотался: дальних поездок не было с самого утра, и оттого был разговорчив. – Взять вот нас с доктором...

– Меня не бери, – сказал Данилов. – У меня выговор по этой части.

– Сказал бы я про твой выговор... – Петрович опасно покосился на Данилова.

– Ты лучше на дорогу смотри, – посоветовал тот. – Поворот к восьмому дому проехал...

– Мы лучше со следующего, – снисходительно пояснил Петрович. – Здесь вечно мусорный контейнер поперек дороги стоит.

Все было так, как предсказали Петрович и Вера. И большой контейнер с целым Эверестом из мусора стоял посреди дороги, и пациент лишился большого пальца правой руки, работая на домашнем деревообрабатывающем станке.

– Я полочку хотел сделать, да рукав у халата забыл подвернуть... – оправдывался он, прижимая к груди перебинтованную пострадавшую конечность с наложенным на предплечье жгутом.

Пациенту повезло, что в момент происшествия дома оказалась жена – медсестра из Института хирургии, недавно вернувшаяся с суточного дежурства. Вместо того чтобы хлопнуться в обморок при виде залитого кровью мужа, вопящего благим матом и его окровавленного пальца, валяющегося на полу, она начала действовать.

Перво-наперво сдернула с мужа пояс от махрового халата и туго перетянула им его правое предплечье, остановив кровотечение. Затем обработала рану перекисью водорода и наложила повязку. Палец положила в один целлофановый пакет, а в другой высыпала несколько кубиков льда из холодильника, завязала оба пакета узлом и положила их рядышком в пластиковый контейнер, закрыв его крышкой. В качестве противошокового средства поднесла благоверному стакан водки, после чего снабдила наложенный на предплечье жгут запиской, в которой указала время наложения, и даже заблаговременно одела его в спортивные штаны и сандалии и собралась сама.

Бригаде осталось только сделать пациенту обезболивающий укол и запросить место на госпитализацию, хотя и так было ясно, что мужика придется вести на северо-запад Москвы в сто шестьдесят седьмую больницу, расположенную на улице Авессалома Адылова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.